

ВЕСТНИК МГПУ.

**СЕРИЯ «ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ».**

**MCU JOURNAL OF PHILOLOGY.
THEORY OF LINGUISTICS.
LINGUISTIC EDUCATION**

№ 2 (46)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2022**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И. М.

председатель

ректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации, член-корреспондент РАО

Рябов В. В.

заместитель председателя

президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО

Геворкян Е. Н.

заместитель председателя

первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО

Агранат Д. Л.

заместитель председателя

проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Тарева Е. Г.

главный редактор

доктор педагогических наук, профессор

Викулова Л. Г.

заместитель главного редактора

доктор филологических наук, профессор

Смирнова А. И.

заместитель главного редактора

доктор филологических наук, профессор

Алмазова Н. И.

доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого)

Афанасьева О. В.

доктор филологических наук, профессор

Беляева И. А.

доктор филологических наук, профессор

Бубнова И. А.

доктор филологических наук, доцент

Борботько Л. А.

ответственный секретарь

кандидат филологических наук, доцент

Геймбух Е. Ю.

доктор филологических наук, профессор

Джанумов С. А.

доктор филологических наук, профессор

Кафтанджиев Христо

доктор филологии, почетный доктор, профессор (Софийский университет им. св. Климента Охридского, Болгария)

Курдюмов В. А.

доктор филологических наук, профессор

Матвеева И. И.

секретарь

кандидат филологических наук, доцент

Поршнева Е. Р.

доктор филологических наук, профессор (Нижегородский лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова)

Прохоров Ю. Е.

доктор филологических наук, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)

Радченко О. А.

доктор филологических наук, профессор (Московский государственный лингвистический университет)

Романова Г. И.

доктор филологических наук, доцент

Сагаз Мицунори

доктор филологии, доцент (Университет Сока, Токио, Япония)

Собянина В. А.

доктор филологических наук, профессор

Сулейманова О. А.

доктор филологических наук, профессор

Сурьянараян Нилакши

доктор филологии, профессор (Делийский университет, Индия)

Тышковска-Каспиак Эльжбета

доктор филологии, профессор (Вроцлавский университет, Польша)

Чернявская В. Е.

доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого)

Чупрына О. Г.

доктор филологических наук, профессор

Языкова Н. В.

доктор педагогических наук, профессор

Ярыгина Е. С.

доктор филологических наук, профессор

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

- Баранова К. М., Федоренко О. Я. Мотив «предопределение» в повести С. Кинга «Туман».....7
- Герасимова С. А. Роль издателя в становлении литературного жанра энциклопедии (XVIII век) 18
- Крылова С. В. Художественное своеобразие сатирической драматургии Ю. Полякова (на примере пьесы «Как боги») 28
- Красовицкая Ю. В. Отражение современных коммуникативных проблем в драме Ф. Гримальдара «Медея» 38

Русистика. Германистика. Романистика

- Девятова Н. М. Предметный мир сравнения 48
- Баранова К. М., Афанасьева О. В. Антитегические конструкции и авторские неологизмы в романе Дж. Оруэлла «1984» 59
- Школьникова О. Ю. Семантические интенсификаторы признака субъекта в старофранцузском и старопровансальском языках (car, par, ben, ja, netja и другие): особенности функционирования.....71
- Ганиев Ж. В. Риторические мотивы в ранней лирике И. А. Бунина (I).....84
- Трунова Н. В. Приемы формирования мнения в политическом публицистическом дискурсе 93
- Луганцева Ю. С., Караваева В. Г., Андросова С. В. Безударные редуцированные гласные в персональном и медийном дискурсе (на материале американского варианта английского языка) 104

Теория языка. Теория межкультурной коммуникации

- Горожанов А. И., Гусейнова И. А., Писарик О. И. Уровневая модель информационной безопасности в условиях виртуального пространства 119

Шаталова О. В. Проблема национальной идентификации персонажа художественного произведения: грамматический аспект.....	132
Матюшина Н. В. Наглядное отражение признака деструктивности в билингвальном словаре нового типа	143

Языковое образование. Методика преподавания филологических дисциплин

Вишневская Е. М., Иванова А. М. Обучение универсальной переводческой скорописи на занятиях по устному переводу.....	155
---	-----

Слово молодым ученым

Вишневецкая Н. В. Аутентичные тексты как средство расширения профессионально-педагогического тезауруса магистрантов.....	165
Манышев С. С. Мифопоэтические мотивы в цикле И. Г. Эренбурга «Noli me tangere»	175
Яровой С. А. Средства кинопоэтики в литературном тексте	181
Шестопалова А. М. Семантические компоненты квазисубъектных моделей типа Книга легко читается	189

Критика. Рецензии. Библиография

Григорьева Е. Я. Рецензия на: Интерактивный подход к описанию лексики и грамматики: монография / Е. Г. Борисова. М.: Флинта, 2021. 196 с.....	196
Требования к оформлению статей.....	200

CONTENTS

Literary Science

- Baranova K. M., Fedorenko O. Ya. The Motif of Providence in S. King's Story «The Mist»..... 7
- Gerasimova S. A. The Role of Publisher in the Development of Literary Encyclopedia Genre 18
- Krylova S. V. The Artistic Originality of the Satirical Drama of Yu. Polyakov (on the Example of the Play «Like Gods») 28
- Krasovizkaya Yu. V. Reflecting Modern Communication Problems in F. Grillparzer's Drama «Medea» 38

Russian Studies. Germanic Studies. Romance Studies

- Devyatova N. M. The Subject World of Comparison 48
- Baranova K. M., Afanasieva O. V. Antithetic Constructions and the Author's Neologisms in G. Orwell's Novel «1984»..... 59
- Shkol'nikova O. Yu. Semantic Intensifiers of the Subject Sign in Old French and Old Provençal Languages (car, par, ben, ja, nemja and others): Functional Features 71
- Ganiev Zh. V. Rhetorical Motifs in I.A. Bunin's Early Lyrics (I) 84
- Trunova N. V. Opinion Formation Techniques in Political Publicistic Discourse 93
- Lugantseva Yu. S., Karavaeva V. G., Androsova S. V. Unstressed Reduced Vowel in Personal and Media Discourse (based on American English) 104

Linguistic Theory. Cross-Cultural Communication Theory

- Gorozhanov A. I., Guseynova I. A., Pisarik O. I. Cyber Security Model in the E-learning..... 119

Shatalova O. V. The Problem of Literary Character National Identification: Grammatical Aspect	132
Matyushina N. V. Visual Reflection of Destructive Feature in Bilingual Dictionary of a New Type	143

Language Teaching. Methodology of Teaching Philological Disciplines

Vishnevskaya E. M., Ivanova A. M. On Teaching Note-Taking Techniques at Consecutive Interpreting Lessons	155
--	-----

Young Scientists' Platform

Vishnevetskaya N. V. Authentic Texts as a Means of Mastering Postgraduates' Professional Thesaurus.....	165
Manyshev S. S. Mythopoetic Motifs in I. G. Erenburg's Poetic Series «Noli me tangere»	175
Yarovoy S. A. Means of Cinema Hoetics in a Literary Text	181
Shestopalova A. M. Semantic Components of Quasisubject Constructions such as <i>Kniga legko chitaetsya</i>	189

Criticism. Reviews. Bibliography

Grigoryeva E. Ya. Review of: An interactive Approach to Describing	196
Requirements for the Style of Articles.....	200

Научная статья

УДК 82–31

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.01

МОТИВ «ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ» В ПОВЕСТИ С. КИНГА «ТУМАН»

Баранова Ксения Михайловна¹,
Федоренко Ольга Ярославовна²

^{1,2} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

¹ BaranovKM@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2740-1643>,

² FedorenkoOYa@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3586-6843>

Аннотация. В настоящей статье представлен анализ особенностей мотива «предопределение» в повести знаменитого американского писателя С. Кинга «Туман». Для выявления специфики указанного мотива проведено подробное исследование образов персонажей, символов, а также аллюзий в произведении.

Ключевые слова: предопределение; литературный мотив; американская проза; фантастика.

Для цитирования: Баранова К. М., Федоренко О. Я. Мотив «предопределение» в повести С. Кинга «Туман». *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*. 2022; 46 (2): 7–17. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.01

Благодарности: Статья выполнена в рамках научной школы Института иностранных языков МГПУ «Проблемы современного зарубежного литературоведения».

Original article

THE MOTIF OF PROVIDENCE IN S. KING'S STORY «THE MIST»

Kseniya M. Baranova¹,
Olga Ya. Fedorenko²

^{1,2} Moscow City University,
Moscow, Russia,

¹ BaranovKM@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2740-1643>,

² FedorenkoOYa@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3586-6843>

Abstract. The article explicates typical features of the motif *providence* in the story «The Mist» by a famous American writer S. King. To identify specific features of the motif under study the authors of the article made a detailed investigation of the characters of the book as well as its symbols and allusions.

Keywords: providence; literary motif; American prose; fantasy.

For citation: Baranova K. M., Fedorenko O. Ya. The Motif of Providence in S. King's Story «The Mist». *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic education.* 2022; 46 (2): 7–17. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.01

Acknowledgments: The article was written within the framework of the MCU scientific school «Problems of Contemporary Foreign Literary Criticism», Institute of Foreign Languages.

Как известно, американская англоязычная литература берет свое начало еще в XVII в. и создается на территориях первых поселений Новой Англии. Уникальность словесного творчества того исторического периода можно усмотреть в активном использовании писателями-колонистами постулатов христианской церкви. Среди последних центральное место занимает категория *предопределение*, также известная под терминами *провиденциальность* и *провидение*. Разработанная еще в IV столетии Августин-ом Блаженным, одним из знаковых христианских мыслителей, эта концепция становится чуть ли не центральным вопросом теологии в эпоху Реформации в XVI в. и получает в дальнейшем множественную трактовку.

Первые переселенцы-пуритане перенесли европейские реформаторские идеи на земли Нового Света. Они представляют собой основу формирования американской ментальности и культуры в целом. Анализируя толкования термина *предопределение*, данные в современных англоязычных толковых словарях (Collins Dictionary, Merriam Webster Dictionary), исследователи отмечают, что их составители трактуют анализируемую категорию или как самого Бога, являющегося источником всего сущего на Земле, или как даруемые Им спасение, защиту и милость [1, с. 449–450]. Таким образом, можно судить о широком спектре значений термина «предопределение».

Идея провиденциальности уже давно превратилась в устойчивый литературный мотив. В американской литературе XVII в. ученые выделяют «целый ряд мотивов, которые <...> можно полагать сквозными и рассматривать как источник развития основных тем американской литературы на протяжении нескольких столетий» [2, с. 3–4]. Несмотря на то что за три века истории США в государстве произошли значительные изменения, повернувшие вектор его развития в сторону мультиэтничности и многоконфессиональности, отголоски пуританского прошлого по-прежнему слышны в произведениях современной американской литературы. Возникший как часть пуританского этоса, мотив *предопределение* звучит в сочинениях постмодернистов и метамодернистов, органично вписываясь в эстетику эпохи.

Среди американских авторов XX–XXI вв., в творчестве которых религия играет важную роль, можно выделить Стивена Кинга (Stephen King, 1947), которого исследователи и критики заслуженно называют классиком современной фантастики. Как известно, он воспитывался в традициях методистской церкви: регулярно ходил на воскресную службу и посещал библейскую школу. В интервью журналу Роллинг Стоун (Rolling Stone) писатель признается, что в достаточно раннем возрасте его начали посещать сомнения относительно некоторых религиозных постулатов, которым он должен был следовать. Вместе с тем Кинг отмечает, что не утратил веру в Бога, но старался при этом не причислять себя к какой-то конкретной конфессии [3, URL]. Примечательно то, что отношение к провидению в методизме весьма неоднозначно. Его основатель Джон Уэсли (John Wesley) отвергал догмат Жана Кальвина (Jean Calvin) о двойном предопределении. Вместе с тем пуританское влияние на заре зарождения государства на землях Северной Америки было столь велико, что рассматриваемый мотив появляется в сочинениях различных американских авторов независимо от их веры и этнической принадлежности.

Значимыми аспектами доктрины предопределения являются наказание и спасение человечества, вмешательство Высших сил, избранность некоторых людей по сравнению с другими, греховность и праведность. Они нередко встречаются в произведениях фантастики, особенно в антиутопических и постапокалиптических сочинениях, поскольку их персонажи, традиционно помещенные в условия катастрофы или конца света, пытаются выжить и освоиться в новой действительности. Мотив *предопределение* можно усмотреть и в повести С. Кинга «Туман» (The Mist, 1980), также выступающей генератором основополагающих философских смыслов [4].

События анализируемого произведения развиваются в XX в. в городе Бриджтон (Bridgton) на севере Новой Англии. Выбор писателем именно этой географической зоны в качестве места действия повести неслучаен, ведь сам С. Кинг является уроженцем штата Мэн, а потому, как никто другой, знаком с порядками и нравами северо-востока страны, исторически связанного с пуританской культурой. Композиционно начало повести совпадает с необычайно

сильной бурей, которая, разразившись в тихом городке после череды жарких дней, полностью меняет привычный для местных жителей ритм жизни. В результате стихийного бедствия Бриджтон оказывается лишенным электроэнергии и телефонной связи. Однако среди последствий бури наиболее ужасающе выглядит неестественно белый густой туман, который сплошной ровной полосой приближается к городу и постепенно окутывает его, ухудшая общую видимость и лишая жителей солнечного света.

Наутро после грозы художник Дэвид Дрейтон (David Drayton), от лица которого и ведется повествование, со своим сыном Билли (Billy) и соседом Brentом Нортоном (Brent Norton) отправляются в центр города за покупками. Добравшись до магазина «Федерал фудс» (Federal Foods) и очутившись в толпе жителей, сметающих все товары с полок и стеллажей, Дэвид начинает понимать, что происходит что-то серьезное. Описывая туман, автор подчеркивает неординарность феномена и даже сравнивает увиденное главным героем с ошеломляющим киноэффектом из картин Виллиса О'Брайана (Willis H. O'Brien) или Дугласа Трамбулла (Douglas Trumbull). Как следует из развития сюжета, именно это природное явление представляет для персонажей повести основную опасность. Выясняется, что во мгле густого тумана скрываются настоящие монстры, загадочные плотоядные создания, для которых охваченные паникой и дезорганизованные посетители магазина становятся легкой добычей.

Отныне основная задача Дэвида, от которого зависит жизнь и безопасность его пятилетнего сына, — пережить жестокие атаки невиданных чудовищ. Личность протагониста вряд ли может претендовать на исключительность. Напротив, С. Кинг помещает в центр водоворота событий не сверхчеловека, а простого обывателя, которому совсем не чужды такие качества, как жадность, ревность, гнев и сладострастие, отражающие негативные проявления в действиях представителей Homo sapiens. Однако фигура Дэвида Дрейтона, далекого от идеала добродетели и негреховности, примечательна, прежде всего, как образ художника. «Постижение собственного “Я”, его самобытной роли в течение жизни неизбежно начиналось с вопроса о том, способен ли человек определять ход собственной жизни» [5, с. 121]. Сам Дэвид отмечает, что его полотна отнюдь не шедевры, а выставки не всегда удачны, что он давно уже начал заниматься коммерческой живописью, оставив попытки превзойти отца, который действительно был талантливым художником. В определенной степени принадлежащий миру искусства герой обладает особым видением происходящих вокруг него событий и явлений. Данная способность позволяет ему улавливать то, что недоступно органам чувств иных людей, весьма далеких от творческого процесса.

Согласно пуританскому мировоззрению, воля Всевышнего не всегда проходит незамеченной для смертных, очень часто являя себя на Земле в виде знамений. Но лишь избранным дано священное право стать свидетелями последних, разглядеть их в потоке мирской суеты. Отрезок жизни главного

героя, представленный на страницах повести, в некотором смысле является описанием различных символов и предзнаменований. Одним из художественных решений, принятых С. Кингом в его сочинении, становится включение в нарратив эпизодов видений протагониста. Появляются они как в форме снов, так и в виде фантазий молодого человека и обозначаются в тексте повести лексемами *dream*, *vision*. В этом приеме С. Кинга можно усмотреть характерное для литературы постмодернизма обращение к средневековому жанру видения, некогда чрезвычайно распространенному в христианской литературе. Так, исследователи отмечают, что герои произведений этого жанра «не просто уходят в мир грез, дальних путешествий, но глубоко погружаются в свои сны и видения <...> [которые] обретают форму назойливых бредней, заменяющих реальность быта, иногда необычайных откровений о миропорядке, в котором сосуществуют различные формы жизни» [6, с. 261].

В повествовании речь идет о нескольких видениях протагониста. Одно из них посещает героя повести в самом начале бури. Дэвид наблюдает за смерчем, удивительным природным явлением, завораживающим своей пугающей красотой. Его жена и сын тоже останавливаются перед большим панорамным окном, чтобы посмотреть на буйство природы. В этот момент молодой человек чувствует, что ветер может разбить стекло, а острые осколки — поранить близких ему людей. Дэвид уводит своих родных подальше от этого места, чтобы избежать трагических последствий. Примечательно, что ночью панорамное окно все-таки разбивается, но это происшествие не приводит к несчастному случаю. Причиной инцидента становится падение старой березы, которая с незапамятных времен росла у входа в погреб. Она была чрезвычайно дорога герою. По его собственному признанию, это было единственное дерево на берегу, которое он не собирался спиливать. Падение березы в каком-то смысле может служить символом грядущих перемен, которые должны произойти в жизни мужчины и его знакомых.

Об этом же свидетельствуют мысли Дэвида по поводу сарая, принадлежащего семейству Эллич (Ellitch). Каждую осень протагонист повести ожидает, что ветхая, поросшая травой и цветами постройка не переживет зиму, но каждую весну это строение по-прежнему оказывается на своем месте. Однако после бури от сарая остаются лишь обломки. Не менее важным символом для развития сюжета становится упавший в воду флаг США, который Билли находит наутро после бури. Флаг (Old Glory) — элемент главной государственной символики. В его полосах и звездах, а также в сочетании цветов (красный, темно-синий и белый) воплощены идеалы, принципы и ценности американского общества. Но в падении флага можно усмотреть намек на то, что в скором времени в стране произойдут события, которые заставят американских граждан задуматься о переоценке существующих ценностей.

Непосредственно в ночь бури Дэвида посещает необычный сон. Из рассказа мужчины следует, что в этом видении он становится свидетелем появления

Бога в городе Харрисон (Harrison), расположенном на противоположном берегу озера. Традиционно в европейской литературе начиная со времен Средневековья жанр видений имел дидактический характер, а одной из важнейших его функций «полагалась возможность посредством него достичь контакта с Богом» [7, с. 195]. Поэтому нередко подобные сны-видения «включали в себя явления призраков, эсхатологические черты» [Там же]. Данный процесс читатели могут наблюдать и в повести «Туман». По словам Дэвида, в его сне Всевышний предстает в виде колосса, исчезающего на фоне голубого неба. Во сне главный герой отчетливо слышит хруст деревьев, которые ломаются под исполинскими ступнями Господа, который направляется к Бриджтону. Встречающиеся на пути Создателя дома вспыхивают, охваченные фиолетово-белым пламенем. Все вокруг покрывается белым, похожим на туман дымом.

У читателя складывается впечатление, что приведенное описание служит иносказательной референцией к тому, что на самом деле происходит за окном дома героя. По всей вероятности, верный пуританским принципам, некогда главенствующим на территории родных новоанглийских земель, С. Кинг вводит в образную галерею произведения фигуру Вседержителя, в руках которого, согласно идее провиденциальности, ныне находятся судьбы Его детей. Это не всепрощающий Отец, но непостижимая сила, жестоко карающая все живое. Сон Дэвида действительно можно назвать вещим, поскольку уже утром его домочадцы становятся свидетелями того, что тот самый берег, который протагонист отчетливо видел в своем сне, теперь оказывается полностью скрытым полосой белого тумана.

В анализируемом сочинении представлены и другие эпизоды видений главного героя. Подчеркнем, что все они являют собой некие знаки, символы, служащие своеобразной подсказкой Дэвиду для того, чтобы он смог понять происходящие вокруг него события. Тем не менее, как и в случае с первыми пуританскими переселенцами, сила обладания даром осознавать Божественное присутствие состоит в грамотной трактовке тех или иных проявлений Высшей воли, поскольку «первые переселенцы руководствовались необходимостью осознания воли Господа, а потому истолковывали все происходящее с ними с позиции Божьего Промысла» [8, с. 9].

Не только образ Дэвида Дрейтона становится выразителем идеи предопределения в повести «Туман». Немаловажную роль в реализации анализируемой культурно-исторической и литературной категории играет антагонист произведения, миссис Кармоди (Mrs. Carmody), владелица небольшого магазинчика в городе. С. Кингу удается создать весьма неоднозначный образ, который в своей основе содержит нечто поистине зловещее. Дама представляет собой тип человека, который под маской набожности и религиозности прячет лицо не очень приятного индивида, делающего все возможное для достижения поставленной цели. По сути, это желание путем манипуляций и обмана самоутвердиться, заставив других поверить в свою значимость, уникальность и даже избранность. При этом антигероиня объясняет и оправдывает собственные

действия якобы их богоугодностью и провиденциальностью. Женщина оказывается в числе посетителей магазина как раз в тот злополучный день, когда округу окутывает туман.

Опасная ситуация, в которой местные жители вынуждены противостоять чудовищам, пытаясь сохранить самообладание и спасти свою жизнь, по-настоящему выгодна для миссис Кармоди. Она начинает запугивать простых посетителей магазина, предсказывая всем неминуемую смерть, тем самым делая их еще более уязвимыми: «It's the end, I tell you. The end of everything. It's the Last Times. The moving finger has writ, not in fire, but in lines of mist. The earth has opened and spewed forth its abominations»¹ [9, p. 94]. С одной стороны, эсхатологические образы, намеренно воссозданные антигероиней в ее речи для устрашения местной публики, могут восприниматься как референция к Армагеддону, описанному в Откровении Иоанна Богослова. С другой стороны, в приведенной выше цитате обращает на себя внимание словосочетание *the moving finger*, которое позволяет усмотреть здесь косвенную аллюзию к ветхозаветной Книге пророка Даниила. Речь идет о сцене во время пира вавилонского царя Валтасара, когда таинственная рука начертала на стене предсказание о неминуемой гибели властителя и падении его государства.

Для сравнения отметим, что главного героя повести действительно посещают видения, не лишённые смысла. Однако Дэвид, в отличие от миссис Кармоди, не стремится поделиться их содержанием с окружающими и тем более позиционировать себя как человека, которому открылись Божественные истины. Наличие же дара предвидения у антигероини вызывает определенные сомнения. При первом знакомстве с ней люди не чувствуют ничего, кроме отвращения и раздражения. Тем не менее со временем, особенно когда жители сталкиваются со смертью сограждан, к ее словам начинают прислушиваться. Вокруг женщины образуется круг преданных почитателей, жадно внемлющих ее так называемым проповедям. Толпа вокруг «предсказательницы» неуклонно растет и вскоре превращается в группу фанатиков, дружно раскачивающихся взад-вперед в такт ее речам. Растущая популярность миссис Кармоди среди присутствующих объясняется в повести следующим образом: «When the machines fail <...> when the technologies fail, people have got to have something»² [9, p. 165]. Они чувствуют поддержку в «провиденциальных» заявлениях дамы. Страх является сильным оружием, способным побуждать массы к действию. В данном случае сила миссис Кармоди заключается в ее способности вселять в людей ужас с помощью слова. Примечательно, что сам Дэвид неоднократно сравнивает женщину с ведьмой и не видит в ней никакого Божественного начала.

¹ «Это конец, говорю я вам! Конец всему! Перст Божий вывел строку приговора не огнем, а туманом. Земля разверзлась и исторгла чудовищ...» [10, с. 93].

² «Когда машины выходят из строя <...>, когда технология терпит крах, когда система привычных религий рушится, людям все равно нужна какая-то опора» [10, с. 158].

Наслаждаясь вновь обретенной властью и влиянием, миссис Кармоди явно забывает об истинных христианских ценностях и заповедях, в числе которых, например, имеется запрет на убийство. Напротив, она предлагает принести кровавое жертвоприношение, чтобы избавиться от плотоядных тварей: «It's expiation gonna clear away this fog! <...> And what does the Bible say expiation is? What is the only cleanser for sin in the Eye and Mind of God? <...> Blood»³ [9, p. 173]. Произнося эти слова, по признанию Дэвида, миссис Кармоди всем своим видом воплощает безумные пережитки некогда распространенного на землях Новой Англии пуританизма. Примечательно, что реплика пожилой дамы об искуплении противоречит тезисам Августина Блаженного о благодати и предопределении, основная идея которых состоит в том, что искупление возможно лишь в виде Божественного дара: «Сами мы не можем его достичь, это должно быть сделано за нас <...> средство к спасению находится вне человечества, в Самом Боге» [11, URL].

Исходя из всего вышесказанного, можно заключить, что С. Кинг делает своих персонажей выразителями идеи о том, что приверженцы новоанглийского пуританизма, целью которого изначально были свобода вероисповедания, равенство и следование Божьим предписаниям, не всегда соответствовали созданному ими этическому кодексу. Порой колонисты прибегали к крайним мерам и готовы были осудить и даже приговорить к смерти любого, кто не вписывался в парадигму их собственных взглядов. Нередко среди первых переселенцев встречались крайне «набожные» люди, которые были склонны сильно преувеличивать степень влияния провиденциальности на свою жизнь. Самые обыкновенные бытовые ситуации трактовались ими как проявления Божьей воли, особые знаки, посланные свыше, а не простое стечение обстоятельств.

Используя образ миссис Кармоди, американский писатель как бы намекает на то, что не всегда те, кто получает власть, действительно являются носителями верных идей и принципов. Эти люди также подвержены соблазну, они могут поддаться гордыне, что и демонстрирует миссис Кармоди, называющая себя *Матерью Кармоди* (*Mother Carmody*), вероятно, с целью сблизиться с окружающими, создавая образ всеобщего родителя. Отечественные литературоведы указывают, что «чем более человек удовлетворён своим предназначением, чем с большим апломбом и самодовольством он воспринимает себя как носителя истинной добродетели и невинности, тем скорее подобный индивид имеет основание превратиться в свой антипод и стать вместилищем реального зла или порока» [12, с. 13]. Это утверждение явно можно отнести к характеристике антигероини.

Дэвид понимает, что за действиями миссис Кармоди стоит отнюдь не пуританизм, но нечто более древнее, темное и глубокое: «Puritanism had its own

³ «Искупление разгонит туман! Искупление сметет этих чудовищных монстров! <...> А что есть искупление по Библии? Что есть единственное средство, снимающее грех в глазах и разуме Божьем? <...> Кровь» [10, с. 165].

dark grandfather, old Adam with bloody hands»⁴ [9, p. 101]. Аллюзия к образу библейского Адама появляется в вышеприведенной цитате неслучайно. Первый человек и прародитель всех людей является одновременно и первым грешником. Именно по причине грехопадения Адама и Евы все люди оказались смертными, отмеченными грехом от рождения.

Миссис Кармоди становится серьезным препятствием для Дэвида Дрейтона и других посетителей магазина, поддержавших его в решении покинуть опасное место. В тот момент, когда они пытаются выйти из магазина, антигероиня демонстрирует исключительную активность, продолжая вести неистовую проповедь и склоняя своих верных адептов к совершению кровавого жертвоприношения. Однако планам пожилой дамы не суждено сбыться. Пророческая фраза «You will all die out there»⁵ [9, p. 176], которая подобно рефрену звучит из ее уст на протяжении всей повести, становится последним предложением, произнесенным ею перед смертью. Многие из тех, кто поддерживает Дэвида в его желании выбраться из «Федерал Фудс», погибают. Судьба самого протагониста и его сына Билли неизвестна. С. Кинг оставляет финал открытым, создавая особое игровое пространство путем использования авторских литературных схем и моделей. Как отмечают современные исследователи, «читатель всегда достраивает эту модель в процессе чтения, а автор стремится организовать повествование так, чтобы ее не разгадали до конца» [13, с. 37–38].

Подводя итог всему вышесказанному, можно заключить, что в повести «Туман» С. Кинг создает два ярких образа, причем оба они выражают идею предопределения, — это фигуры простых американцев, чья жизнь оказалась нарушенной из-за чрезвычайных обстоятельств. Но, как известно, именно невероятные, из ряда вон выходящие происшествия нередко становятся проверкой для личности на предмет наличия или отсутствия у нее истинной добродетели. События, изложенные в анализируемом сочинении, показаны автором через призму сознания Дэвида Дрейтона, который явно обладает неким даром предвидения, о чем читатели узнают, наблюдая за тем, как герой анализирует все происходящее с ним и окружающими его людьми. Образ его антагониста — миссис Кармоди — это образ человека, который склонен позиционировать себя как визионера. Дама, примеряя на себя профетическую личину, на самом деле просто обманывает окружающих, манипулируя ими. Она пытается узурпировать власть с целью распространить ее на всех местных жителей. В реальности же даром распознавать Божественные знаки она не располагает. Вот почему можно утверждать, что предопределение в ее лице представлено в ложной форме. Все вышесказанное позволяет сделать определенные выводы. Во-первых, идея предопределения в повести превращается

⁴ «У пуританства есть свой мрачный праотец, старый Адам с окровавленными руками» [10, с. 100].

⁵ «Вы все умрете там» [10, с. 169].

в ярко выраженный лейтмотив, получая амбивалентную репрезентацию. В этом факте можно усмотреть неоднозначное отношение самого писателя к данной пуританской максиме. Во-вторых, активное обращение С. Кинга к идее провиденциальности позволяет говорить о ее значимости и художественном потенциале в литературе наших дней.

Список источников

1. Федоренко О. Я. Мотив «предопределение» в американской драматургии XX столетия (на примере пьесы Т. Уильямса «Ночь игуаны»). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019; 12 (Вып. 3): 449–452.
2. Баранова К. М. Образ Нового Адама в американской литературе колониального периода (религиозный, гражданский и личный идеалы): монография. М.: МГПУ; 2014. 148 с.
3. Stephen King: The Rolling Stone Interview URL: <https://www.rollingstone.com/culture/culture-features/stephen-king-the-rolling-stone-interview-191529/> (дата обращения: 17.10.2021).
4. Американская культурно-языковая картина мира XIX века: время, свобода, судьба, одиночество, достоинство / О. В. Афанасьева, К. М. Баранова, В. С. Машошина, О. Г. Чупрына. М.: Диона; 2019. 112 с.
5. Чупрына О. Г., Баранова К. М., Меркулова М. Г. СУДЬБА как концепт в языке и культуре. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2018; (3): 120–125.
6. Зумбулидзе И. Г. Сновидение как «иная реальность» в литературе постмодернизма. OPEN INNOVATION: сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение»; 2018: 260–263.
7. Патронникова Ю. С. Ренессансное видение мира в романе Франческо Колонны «Гипнэротомехия Полифилла». Мифологема сна. *Искусствознание*. 2014; (1–2): 193–210.
8. Афанасьева О. В. Развитие и трансформация мотива «предопределение» в американской литературе XVII–XIX веков. *Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2012; 2 (10): 8–15.
9. King S. *Skeleton Crew*. London: Hodder & Stoughton; 2012. 770 p.
10. Кинг С. Команда скелетов: [сб. рассказов: пер. с англ.]. М.: АСТ; 2017. 736 с.
11. Макграт А. Богословская мысль Реформации. URL: <https://www.reformed.org.ua/2/32/6/McGrath> (дата обращения: 20.10.2021).
12. Баранова К. М. Ведущие лейтмотивы ранней американской словесности и их влияние на современную литературу. *Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2011; 1 (7): 8–13.
13. Нефедова О. И., Савинич С. С., Федоренко О. Я. Перевод американской литературы XXI в.: учебное пособие. М.: Перо; 2021. 86 с.

References

1. Fedorenko O. Ya. Motiv «predopredelenie» v amerikanskoj dramaturgii XX stoletiya (na primere p'esy` T. Uil'yamsa «Noch' iguany`»). *Filologicheskije nauki. Voprosy` teorij i praktiki*. 2019: 12 (Vy`p. 3): 449–452. (In Russ.).
2. Baranova K. M. Obraz Novogo Adama v amerikanskoj literature kolonial'nogo perioda (religiozny`j, grazhdanskij i lichny`j idealy`): monografiya. M.: MGPU; 2014. 148 s. (In Russ.).

3. Stephen King: The Rolling Stone Interview URL: <https://www.rollingstone.com/culture/culture-features/stephen-king-the-rolling-stone-interview-191529/> (Retrieved from: 17.10.2021).
4. Amerikanskaya kul'turno-yazy'kovaya kartina mira XIX veka: vremya, svoboda, sud'ba, odinochestvo, dostoinstvo / O. V. Afanas'eva, K. M. Baranova, V. S. Mashoshina, O. G. Chupry'na. M.: Diona; 2019. 112 s. (In Russ.).
5. Chupry'na O. G., Baranova K. M., Merkulova M. G. SUD'BA kak kontsept v yazy'ke i kul'ture. *Voprosy`kognitivnoj lingvistiki*. 2018; (3): 120–125. (In Russ.).
6. Zumbulidze I. G. Snovidenie kak «inaya real'nost'» v literature postmodernizma. OPEN INNOVATION: sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Penza: MTSNS «Nauka i Prosveshhenie»; 2018: 260–263. (In Russ.).
7. Patronnikova YU. S. Renessansnoe videnie mira v romane Franchesko Kolonny` «Gipne`rotomaxiya Polifilla». *Mifologema sna. Iskusstvoznanie*. 2014; (1–2): 193–210. (In Russ.).
8. Afanas'eva O. V. Razvitie i transformaciya motiva «predopredelenie» v amerikanskoj literature XVII–XIX vekov. *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie*. 2012; 2 (10): 8–15. (In Russ.).
9. King S. *Skeleton Crew*. London: Hodder & Stoughton; 2012. 770 p.
10. King S. *Komanda skeletov*: [sb. rasskazov: per. s angl.]. M.: AST; 2017. 736 s.
11. Makgrat A. Bogoslovskaya my'sl' Reformatsii. URL: <https://www.reformed.org.ua/2/32/6/McGrath> (data obrashheniya: 20.10.2021). (In Russ.).
12. Baranova K. M. Vedushhie lejtmotivy` rannej amerikanskoj slovesnosti i ix vliyanie na sovremennuyu literaturu. *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie*. 2011; 1 (7): 8–13. (In Russ.).
13. Nefedova O. I., Savinich S. S., Fedorenko O. Ya. *Perevod amerikanskoj literatury` XXI v.: ucheb. posobie*. M.: Pero; 2021. 86 s. (In Russ.).

Информация об авторах

Ксения Михайловна Баранова — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии Института иностранных языков МГПУ.

Ольга Ярославовна Федоренко — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Института иностранных языков МГПУ.

Information about the authors

Kseniya M. Baranova — Doctor of Philology, full professor, Head of English philology department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Olga Ya. Fedorenko — PhD (Philology), associate professor of English philology department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 808.2

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.02

РОЛЬ ИЗДАТЕЛЯ В СТАНОВЛЕНИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЖАНРА ЭНЦИКЛОПЕДИИ (XVIII ВЕК)

Герасимова Светлана Анатольевна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

GerasimovaSA@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3960-8841>

Аннотация. В статье рассматривается издательская деятельность в условиях совместимости литературного жанра с социокультурными ценностями общества. Уточняются мотивы участия издателей в создании «Энциклопедии» во Франции как нового научно-художественного жанра литературы XVIII в.

Ключевые слова: «Энциклопедия» XVIII в.; инвестиционный издательский проект; издатели; реконструкция биографий; коммуникативное лидерство.

Для цитирования: Герасимова С. А. Роль издателя в становлении литературного жанра энциклопедии (XVIII век). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*. 2022; 46 (2): 18–27. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.02

Original article

THE ROLE OF PUBLISHER IN THE DEVELOPMENT OF LITERARY ENCYCLOPEDIA GENRE (XVIII CENTURY)

Svetlana A. Gerasimova

Moscow City University,
Moscow, Russia,

GerasimovaSA@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3960-8841>

Abstract. The article regards the publishing activity under the conditions of literary genre compatibility with the socio-cultural values of the society. The motives of publishers' participation in the creation of "Encyclopaedia" in France as a new scientific and artistic genre of eighteenth-century literature are clarified.

Keywords: the "Encyclopedia" of the XVIII century; investment publishing project; publishers; reconstruction of biographies; communicative leadership.

For citation: Gerasimova S. A. The Role of the Publisher in the Development of Literary Encyclopedia Genre (XVIII Century). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic education*. 2022; 46 (2): 18–27. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.02

© Герасимова С. А., 2022

Вопрос о роли издателя в литературной коммуникации занимает сегодня одно из важных мест в исследованиях по литературоведению, книгоиздательской практике, лингвистике. Во многом от его участия зависело продвижение произведений в эпоху Просвещения среди читающей публики. Книга как воплощение литературного текста становится культурным продуктом, реализуемым на рынке книжной продукции [1, с. 104]. Одним из наиболее существенных факторов, определявших успешность произведения в XVIII в., являлась высокая степень совместимости литературного жанра с конкретными социокультурными ценностями образованной части общества, а важной составляющей становится концептуализация и формирование представлений о мире и месте человека в нем [2]. Издатели предпринимали определенные шаги для того, чтобы книга отвечала запросам потенциального читателя, создавая новое «читабельное пространство». Оформление к XVIII в. «печатного канона» (удобный формат и новая структура печатной страницы) создало новый горизонт читательского восприятия. Издатели новых в жанровом отношении произведений задавали определенный способ их чтения, основывавшийся на интеллектуальной структуре содержания: «Новые читатели создают новые тексты, новые значения которых напрямую зависят от их новых форм» [3, с. 133].

Существенным отличием книгоиздания эпохи становится просветительское направление, выразившееся в широком распространении энциклопедической литературы. Эти издания, представлявшие многотомные сочинения, включали антологии самого различного жанра и находились на грани научной и художественной литературы [4, с. 27]. Для приобретения энциклопедических сочинений читающей публикой в издательской практике XVIII в. вводятся подписные издания, пользовавшиеся большим спросом. В эпоху Просвещения они способствовали продвижению новых знаний, отражая их с позиций своего времени [5, с. 276]. «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремёсел» (*Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*) Д. Дидро и Ж. Л. Д'Аламбера (далее — «Энциклопедия») стала средоточием цивилизационных достижений своего времени. Материалы произведения описывали и пропагандировали новые явления в науке, культуре и искусстве, значимые в познавательном отношении, сочетая при этом «общеинтересность» с научной достоверностью, образность повествования с документальной точностью [6, с. 202–203].

Для формирования потребности чтения новых в жанровом отношении литературных произведений издатель старается максимально информировать потенциального читателя о произведении. Периферия научно-художественного произведения представлена околотекстовыми образованиями, одним из которых становится титульный лист на третьей странице сочинения как кратчайший путь для адресата, способствующий изменению осведомленности о книге [7, с. 188].

Со второй половины XVI в. стало практиковаться разделение информации на титуле: печатание строк по центру; размещение названия произведения

и имени автора в верхней части листа; появление информации об издателе; расположение внизу страницы сведений о месте и годе издания. Отметим, что для адекватного прочтения сложного в информативно-культурном плане произведения, каким являлась «Энциклопедия», титул первого тома предлагает несколько информационных блоков. Обратимся к анализу некоторых из них с точки зрения становления энциклопедии как нового научно-художественного жанра литературы и его воздействия на читателя при временном и пространственном удалении произведения от адресата.

Можем утверждать, что название произведения — *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*, расположенное в верхней части титульного листа, использовалось издателями как один из важных мета-текстовых элементов, передающих читателю семантические и экспрессивные оттенки значимости произведения с помощью графического оформления и шрифтового варьирования. Согласимся с мнением о том, что «заголовок играет роль точки кристаллизации, является “центром”, “фокусом”, от которого потом “расходятся круги” понимаемого содержания» [8, с. 307].

Во многом благодаря положительному имиджу ученых-авторов «Энциклопедии», имена которых — *M. Diderot, M. D’Alembert* — читаем в верхней части титульного листа, стало возможным привлечение читающей публики. Наличие имен главных вдохновителей-создателей и идеологов «Энциклопедии» позволяет читателю наблюдать их незримое присутствие, не только подчеркивает ценность их деятельности, но и становится руководством к прочтению нового в жанровом отношении сочинения [9, с. 49].

Важным, на наш взгляд, информационным блоком являются сведения об издателях «Энциклопедии». В нижней части титульного листа первого тома расположена информация об участии четырех издателей в публикации издания в Париже: Бриассона, Давида-старшего, Ле Бретона и Дюрана. Для понимания мотивов участия представителей книжной торговли в истории создания «Энциклопедии» как нового научно-художественного жанра литературы XVIII в. во Франции необходимо обратиться к методу реконструкции их биографий и исследованию предпринимательского опыта с опорой на системный подход [10, с. 8, 18]. Карьера издателей, участвовавших в предприятии по публикации «Энциклопедии», примечательна, поскольку выход в XVII–XVIII вв. на литературную арену книготорговца, совмещавшего в своей деятельности профессии печатника и издателя, говорит о них как об эрудитах и коммуникативных личностях эпохи. Особая роль в развитии литературы, читательских вкусов, культурном и филологическом просвещении общества при книгопечатании принадлежала не только знаменитым авторам, реформаторам-филологам, но и авторитетным издателям [11, с. 275].

Идея появления «Энциклопедии» возникла благодаря влиятельному королевскому издателю А. Ф. Ле Бретону (*André François Le Breton, 1708–1779*), предложившему перевести на французский язык популярный двухтомный

английский «Универсальный словарь искусств и наук» Э. Чамберса, переизданный к середине XVIII в. в Европе не менее восьми раз [12]. Заметим, что трое из четверых компаньонов по изданию «Энциклопедии» принадлежали к семьям потомственных издателей и книготорговцев, все четверо были знакомы с Д. Дидро и Ж.-Л. Д'Аламбером благодаря изданию и продаже переведенных или написанных ими трудов.

В частности, А. Ф. Ле Бретон, будучи потомственным книготорговцем, начал свою издательскую деятельность в 17-летнем возрасте, в 19 лет возглавил престижный французский справочник «L'Almanach royal», упоминание на страницах которого считалось престижным для представителей дворянства и высшего духовенства. В возрасте тридцати двух лет (1740 г.) королевская администрация назначает А. Ф. Ле Бретона королевским печатником, через шесть лет его включают в избранное сообщество *Imprimeur ordinaire du Roy* (сообщество 36 парижских королевских печатников) [13].

Для запуска проекта и публикации переводного издания словаря Э. Чамберса в январе 1745 г. А. Ф. Ле Бретон получает королевскую привилегию на перевод, в апреле 1746 г. — привилегию на издание французской «Энциклопедии», для чего в 1747 г. он объединяется с тремя крупными парижскими книготорговцами: А. К. Бриассоном, М. А. Давидом-старшим и Л. Дюраном в сообщество ассоциированных торговцев Парижа. Организовав сообщество, четыре книготорговца-издателя взяли на себя ответственность за качество и распространение крупнейшего сочинения XVIII в. Двое из четырех членов сообщества (А. Ф. Ле Бретон и М. А. Давид-старший) внесли свой авторский вклад в написание статей «Энциклопедии». Коммуникативное лидерство и энциклопедическая доминация издателей проявлялись в глубоком знании литературных процессов, позволявшем поддерживать их авторитетность.

Для V тома «Энциклопедии» А. Ф. Ле Бретон пишет статью о составе и производстве чернил для печати авторских сочинений — *Encre noire à l'usage de l'Imprimerie*. Такое вариативное участие в создании произведения подразумевало высокий общекультурный уровень тех, кто не только брал на себя труд по изданию и продаже сочинений ярчайших представителей той эпохи [11, с. 276], но и верил в одну из главных идей Просвещения о том, что книги оказывают влияние на человека, а его разум и возможность обладать знанием целиком зависят от них [14, с. 45].

Крупным парижским книжным магазинам, близким к правительству, давалась привилегия на издание и продажу произведения любого жанра. С одной стороны, она защищала издателя, книготорговца и само произведение от подделок, поскольку обязывала публиковать произведение у королевского печатника, что служило гарантией хорошего качества [15]. С другой стороны, привилегия на издание становилась коммерческой монополией книготорговца и зачастую приобретала политическую функцию, позволяя издателю выполнять надзор за публикациями, не гарантируя прав авторам сочинений. Подобная ситуация

коснулась привилегии на издание «Энциклопедии», полученной А. Ф. Ле Бретоном. Его часто обвиняли в присвоении полномочий подвергать цензуре статьи «Энциклопедии». Согласимся, что такое вмешательство в содержание статей говорит о неразрешенности вопроса авторского права в XVIII в. [16, p. 64].

Несмотря на то что Д. Дидро называл это одним из самых печально известных фактов в истории книгопечатания, А. Ф. Ле Бретона считают опытейшим издателем своего века. Ему приходилось «вести умную игру» с французскими и иностранными конкурентами, постоянно думать о желаниях читающей публики, о пределах терпимости церкви и государства. В результате предложенное им предприятие по созданию «Энциклопедии» было опасно в политическом и финансовом плане, но оказалось в конечном итоге очень выгодным [17, p. 384]. Продажи «Энциклопедии» с 1751 по 1759 г. резко возросли в результате увеличения тиража с 1625 экземпляров на момент публикации I тома (1751 г.) до 4225 экземпляров IV тома (1754 г.), стоимость подписки при этом составляла уже более 500 000 фунтов стерлингов.

Второй участник совместного проекта А. К. Бриассон (*Antoine-Claude Briasson*, 1700–1775) также был из семьи книготорговца и занимал самые высокие посты в сообществе книготорговцев и печатников Парижа. Он издавал книги, затрагивавшие различные сферы: естественные науки, медицину, театр, справочники, библиографию, периодические издания. Обслуживая клиентов из всех регионов Франции, а также из России, Пруссии и других стран, он был одним из самых богатых книготорговцев своего времени.

Именно А. К. Бриассон пригласил к участию в работе над «Энциклопедией» Д. Дидро, чье имя отождествлялось с привлечением потенциальных читателей, а значит, с маркетинговым успехом на книжном рынке. Взяв на себя функции финансового директора, издатель заключал договоры с авторами, переводчиками, рисовальщиками, граверами, следил за продажами издания, абонентской платой подписчиков [18, с. 53]. По замечанию крупнейшего американского исследователя «Энциклопедии» Ф. А. Кафкера, «Бриассон твердо стоял на ногах, мало соблазняемый интеллектуальной славой» [19, p. 131]. Вложив половину состояния и почти тридцать лет жизни в проект, оставшись его единственным владельцем после выхода на пенсию А. Ф. Ле Бретона, уходя М. А. Давида-старшего, смерти Л. Дюрана, А. К. Бриассон довел издание до своего завершения. Безусловно, успех «Энциклопедии» стал результатом обширного сотрудничества авторов, книготорговцев и даже министров правительства, но имя А. К. Бриассона заслуживает того, чтобы остаться среди тех, кто внес наибольший вклад в ее создание [19, p. 142].

М. А. Давид, или Давид-старший (*Michel Antoine David ou David l'aîné*, 1707–1770), также вышел из потомственной семьи книготорговцев, несколько поколений которой успешно занимались продажей книг. Для участия в предприятии по изданию «Энциклопедии» он вложил 1/6 своего состояния. В 25 лет М. А. Давид получил место и титул королевского книготорговца в сообществе

книготорговцев и издателей Парижа (1732 г.). К 1755 г. он владел четырьмя крупнейшими столичными книжными магазинами, где активно продавались научные труды Ж.-Л. Д'Аламбера. Участие в «Энциклопедии» стало самым амбициозным и прибыльным проектом в карьере М. А. Давида.

Отмечается, что отношение издателя-книготорговца к компании было двойственным [20, р. 125–126]. С одной стороны, М. А. Давид остается верным «Энциклопедии», пишет для нее две информативные статьи. Статья «Каталог» (*Catalogue*, II том) описывала системы классификации книг, для ее написания автор использовал завещанную его коллеге, А. Ф. Ле Бретону, рукопись аббата Жирара «*Bibliothèque générale ou Essai de Littérature Universelle*». Издатель как автор предполагал, что «образная система знаний» могла бы «послужить введением и образцом» для лучшей библиографической классификации (т. II, стр. 765b). Разъясняя возможности приобретения книготорговцем прав на книгу в статье «Право на переиздание» (*Droit de copie*, V том), М. А. Давид высказывал озабоченность авторским правом: поднимал вопрос о сохранении содержания произведения в случае его переиздания, заявлял о необходимости новых переговоров с автором при изменении условий публикации. Выражая гордость за «Энциклопедию», М. А. Давид утверждал, что заботы и расходы, которые понесли издатели, послужат тому, что это «новое произведение» станет своеобразным «национальным памятником» (т. V, стр. 147a) [16, р. 64].

С другой стороны, проект по созданию «Энциклопедии» доставил ему массу неприятностей: преследования со стороны полиции, выпуск поддельных изданий в Англии и Голландии, тайная цензура со стороны одного из компаньонов-издателей — А. Ф. Ле Бретона. В 1769 г., незадолго до своей смерти, М. А. Давид продал А. К. Бриассону свою долю в предприятии за 166 000 ливров [20, р. 126].

Последний из участников совместного проекта, Л. Дюран (*Laurent Durand*, 1712–1763), не являясь потомственным книготорговцем или печатником, рано проявил свои таланты на этом поприще. В 26 лет, став владельцем одного из крупных парижских книжных магазинов, он активно публикует и продает книги, переведенные Д. Дидро в качестве его главного редактора, некоторые из них появились без одобрения или разрешения правительства. В то время, когда церковь и государство устанавливали строгие ограничения на свободу слова, не только Д. Дидро требовалось мужество, чтобы писать книги, но и Л. Дюрану, чтобы их публиковать. В 1748 г. Л. Дюран издает книгу одного из вдохновителей вольнодумных сочинений Франсуа Венсана Туссена «Нравы», осужденную Парламентом на сожжение, но пользовавшуюся в обществе большим успехом [13].

Наряду с А. К. Бриассоном и М. А. Давидом-старшим Л. Дюран имел 1/6 долю в сообществе ассоциированных торговцев по изданию «Энциклопедии». Он благосклонно относился к идеям Д. Дидро и Просвещения в целом, но был менее активен, чем его коллеги в продвижении «Энциклопедии».

Известно о нескольких инициативах с его стороны в конце жизни: он принимал участие в получении подписки, в кампании по защите против обвинений в плагиате (1759–1760), написав и опубликовав «Обоснование нескольких статей Энциклопедического словаря», вел переговоры в Голландии с книготорговцами (1759 г.) о возможности публикации «Энциклопедии», в 1762 г. партнеры попросили Л. Дюрана решить вопрос о переиздании иллюстраций «Энциклопедии». Возможно, Л. Дюран как участник и инвестор иных значительных литературных проектов предпочитал посвящать себя другой деятельности, вкладывая в энциклопедический проект свой опыт и финансы [21].

Доверие читателя к новому научно-художественному жанру вызывали не только авторы статей «Энциклопедии», но и высокий культурный уровень и коммуникативное лидерство тех, кто продвигал этот жанр на книжном рынке, что способствовало оптимальному контакту с читательской аудиторией. Приведем в этой связи ценное и уместное замечание известного библиофила М. В. Раца: «Издатель, редактор, дизайнер, книгопродавец, библиограф, библиотекарь... — в конечном счете, все они связаны общим делом — обеспечивают, каждый по-своему, эффективное функционирование книги в системе общения» [22, с. 291–292].

В заключение отметим, что издатели сыграли важную роль в появлении и распространении нового научно-художественного жанра литературы, каким стала «Энциклопедия» Д. Дидро и Ж. Л. Д'Аламбера. Назначение ее варьировалось от описания происхождения вещей и новых открытий до установления правдивости фактов и изложения событий, восполняя недостатки образованности, отсутствие гениальности, изобретательности и воображения читателя. «Энциклопедия», среди авторов которой отмечены ее издатели, отражает положительное отношение к знанию, содержавшемуся в целом в книгах эпохи Просвещения. Оказав влияние на мировую культуру, она рассматривается в качестве «Библии эпохи Просвещения», что позволяет говорить о ее значимости и художественном потенциале в литературе XVIII в. [14, с. 45].

Добавим, что упоминание имен издателей как коллективного полиадресанта на титульном листе «Энциклопедии» является информационно-рекламным ходом, построенным на товарной и потребительской стратегиях для привлечения читательской аудитории. Проанализированная издательская практика выполняет коммуникативные задачи по информированию целевой аудитории, способствуя позиционированию энциклопедии как интеллектуального продукта на книжном рынке.

Список источников

1. Викулова Л. Г. Издательский дискурс, или Как себя рекламирует книга. Эволюция и трансформация дискурсов: языковые и социокультурные аспекты (Самара, 1–2 апреля 2016 г.). Самара: СамГУ; 2016: 104–112.
2. Чупрына О. Г., Баранова К. М., Меркулова М. Г. Судьба как концепт в языке и культуре. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2018; 3 (56): 120–125.

3. Шартье Р. Письменная культура и общество / пер. с фр. и послесл. И. К. Стаф. М.: Новое издательство; 2006. 272 с.
4. Барроуз С. Библиометрия, популярное чтение и литературное поле издателя эпохи Просвещения. Французский ежегодник: к 225-летию Французской революции / под ред. А. В. Чудинова и Д. Ю. Бовыкина. М.: ИВИ РАН; 2015: 15–43.
5. Мандель Б. Р. Книжное дело и история книги. М.: Директ-Медиа; 2014. Ч. 1. 608 с.
6. Мардиева Л. А. Коллективная культурная память общества (прецедентные визуальные образы и феномены). *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2011; (3): 202–209.
7. Викулова Л. Г. Издатель как медиатор в литературной коммуникации. Личность и модусы ее реализации в языке: коллективная монография. М.: ИЯ РАН; Иркутск: ИГЛУ; 2008: 188–206.
8. Байрамукова А. И. Метафилология В. И. Даля по инициальной части «Толкового словаря живого великорусского языка». Титульный лист как текст. *Textus*. 2008; 12–1 (12): 296–320.
9. Водяницкая А. А. Влияние оценочных значений на формирование положительного образа ученого в академическом дискурсе. Наука в общественном диалоге: ценности, коммуникации, организация: мат-лы Межд. науч. конф. (Санкт-Петербург, 24–25 апр. 2017 г.). СПб.: СПбПУ им. Петра Великого; 2017: 49–52.
10. Уткоф А. Ю. Книгопродавцы иностранного происхождения в России во второй половине XVIII – начале XIX вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 05.25.03. Санкт-Петербург; 2021. 24 с.
11. Викулова Л. Г. Французский литератор XVII века: энциклопедическая доминанция, лингвистическая компетенция, коммуникативное лидерство. *Древняя и Новая Романья*. 2016; Т. 17. 1 (17): 266–278.
12. Kafker F. A., Loveland J. André-François Le Breton, initiateur et libraire en chef de l'*Encyclopédie*. *Recherches sur Diderot et sur l'Encyclopédie*. 2016; (51): 107–125. DOI: 10.4000/rde.5390
13. Edition numérique collaborative et critique de l'*Encyclopédie*. URL:<http://enccre.academie-sciences.fr/encyclopedia> (дата обращения: 15.01.2022).
14. Демичева Т. М. Книга и разум в «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера. *Труды кафедры истории Нового и новейшего времени*. 2019; (19–2): 43–52.
15. BiblioMab: le monde autour des livres anciens et des bibliothèques. URL: <https://bibliomab.wordpress.com/2012/01/06/permissions-approbations-privileges-censure-avant-la-revolution-francaise-ledition-sous-contrôle/> (дата обращения: 16.01.2022).
16. Malo D. Diderot et la librairie: l'impensable propriété. *Recherches sur Diderot et sur l'Encyclopédie*. 1991; (10): 57–90. DOI : <https://doi.org/10.3406/rde.1991.1100>
17. Kafker F. A. The Fortunes and Misfortunes of a Leading French Bookseller-Printer: André François Le Breton, Chief Publisher of the *Encyclopédie*. *Studies in Eighteenth-Century Culture*; 1976; T. V: 371–385.
18. Герасимова С. А. Продвижение французской энциклопедии XVIII в. в России. Ярославский текст в пространстве диалога культур: мат-лы III Всерос. науч. конф. (Ярославль, 10–11 апр. 2018 г.). Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского; 2018: 52–57.
19. Kafker F. A., Loveland J. Antoine-Claude Briasson et l'*Encyclopédie*. *Recherches sur Diderot et sur l'Encyclopédie*. 2003; (35): 131–142.

20. Sørensen M. P. David, Michel-Antoine. Dictionnaire de Diderot / R. Mortier, R. Trousson. Paris: Honoré Champion; 1999: 125–126.
21. Kafker F. A., Loveland J. Diderot et Laurent Durand, son éditeur principal. *Recherches sur Diderot et sur l'Encyclopédie*. 2005; (39): 29–40.
22. Рац М. Воспоминания и размышления (новые страницы). Книга в системе общения: вокруг «Заметок библиофила»: сб. ст. / сост. М. В. Рац. СПб.: Петро; 2005. 111–459.

References

1. Vikulova L. G. Izdatel'skij diskurs, ili Kak sebya reklamiruet kniga. E'voljuciya i transformaciya diskursov: yazy'kovy'e i sociokul'turny'e aspekty` (Samara, 1–2 aprelya 2016 g.). Samara: SamGU; 2016. 104–112. (In Russ.).
2. Chupry'na O. G., Baranova K. M., Merkulova M. G. Sud'ba kak koncept v yazy'ke i kul'ture. *Voprosy` kognitivnoj lingvistiki*. 2018; 3 (56): 120–125. (In Russ.).
3. Shart'e R. Pis'mennaya kul'tura i obshhestvo / per. s fr. i poslesl. I. K. Staf. M.: Novoe izdatel'stvo; 2006. 272 s. (In Russ.).
4. Barrouz S. Bibliometriya, populyarnoe chtenie i literaturnoe pole izdatelya e'poxi Prosveshheniya. *Francuzskij ezhegodnik: k 225-letiyu Francuzskoj revolyucii / pod red. A. V. Chudinova i D. Yu. Bovy'kina*. M.: IVI RAN; 2015: 15–43. (In Russ.).
5. Mandel' B. R. Knizhnoe delo i istoriya knigi. M.: Direkt-Media; 2014. Ch. 1. 608 s. (In Russ.).
6. Mardieva L. A. Kollektivnaya kul'turnaya pamyat` obshhestva (precedentny'e vizual'ny'e obrazy` i fenomeny'). *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya*. 2011; 3: 202–209. (In Russ.).
7. Vikulova L. G. Izdatel' kak mediator v literaturnoj kommunikacii. Lichnost' i modusy` ee realizacii v yazy'ke: kollektivnaya monografiya. M.: IYa RAN; Irkutsk: IGLU; 2008: 188–206. (In Russ.).
8. Bajramukova A. I. Metafilologiya V. I. Dalya po inicial'noj chasti «Tolkovogo slovarya zhivogo velikorusskogo yazy'ka». Titul'ny'j list kak tekst. *Textus*. 2008; 12–1 (12): 296–320.
9. Vodyaniczkaya A. A. Vliyanie ocenochny'x znachenij na formirovanie polozhitelnogo obraza uchenogo v akademicheskom diskurse. *Nauka v obshhestvennom dialoge: cennosti, kommunikacii, organizaciya: mat-ly` Mezhd. nauch. konf. (Sankt-Peterburg, 24–25 apr. 2017 g.)*. SPb.: SPbPU im. Petra Velikogo; 2017: 49–52. (In Russ.).
10. Utkof A. Yu. Knigoprodavcy' inostrannogo proisxozhdeniya v Rossii vo vtoroj polovine XVIII – nachale XIX vv.: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 05.25.03. SPb.; 2021. 24 s. (In Russ.).
11. Vikulova L. G. Francuzskij literator XVII veka: e'nciklopedicheskaya dominaciya, lingvisticheskaya kompetenciya, kommunikativnoe liderstvo. *Drevnyaya i Novaya Romaniya*. 2016; T. 17. 1 (17): 266–278. (In Russ.).
12. Kafker F. A., Loveland J. André-François Le Breton, initiateur et libraire en chef de l'Encyclopédie. *Recherches sur Diderot et sur l'Encyclopédie*. 2016; (51): 107–125. DOI: 10.4000/rde.5390
13. Edition numérique collaborative et critique de l'Encyclopédie. [cited 2022 Jan 15] Available from: <http://enccre.academie-sciences.fr/encyclopedie> (data obrashheniya: 15.01.2022).

14. Demicheva T. M. Kniga i razum v "E`nciklopedii" Didro I D'Alambера. Trudy` kafedry` istorii Novogo i novejshego vremeni. 2019; (19–2): 43–52. (In Russ.).
15. BiblioMab: le monde autour des livres anciens et des bibliothèques. [cited 2022 Jan 16] Available from: <https://bibliomab.wordpress.com/2012/01/06/permissions-approbations-privileges-censure-avant-la-revolution-francaise-ledition-sous-controle/> (data obrashheniya: 16.01.2022).
16. Malo D. Diderot et la librairie: l'impensable propriété. *Recherches sur Diderot et sur l'Encyclopédie*. 1991; (10): 57–90. DOI: <https://doi.org/10.3406/rde.1991.1100>
17. Kafker F. A. The Fortunes and Misfortunes of a Leading French Bookseller-Printer: André François Le Breton, Chief Publisher of the Encyclopédie. *Studies in Eighteenth-Century Culture*; 1976. (V): 371–385.
18. Gerasimova S. A. Prodvizhenie francuzskoj e`nciklopedii XVIII v. v Rossii. Yaroslavskij tekst v prostranstve dialoga kul'tur: mat-ly`III Vseros. nauch. konf. (Yaroslavl`, 10–11 Apr. 2018 g.). Yaroslavl`: Yaroslavskij gos. ped. un-t im. K. D. Ushinskogo; 2018. 52–57. (In Russ.).
19. Kafker F. A., Loveland J. Antoine-Claude Briasson et l'Encyclopédie. *Recherches sur Diderot et sur l'Encyclopédie*. 2003; (35): 131–142.
20. Sørensen M. P. David, Michel-Antoine. *Dictionnaire de Diderot* / R. Mortier, R. Trousson. Paris: Honoré Champion; 1999. 125–126.
21. Kafker F. A., Loveland J. Diderot et Laurent Durand, son éditeur principal. *Recherches sur Diderot et sur l'Encyclopédie*. 2005; (39): 29–40.
22. Racz M. Vospominaniya i razmy`shleniya (novy`e stranicy'). *Kniga v sisteme obshheniya: vokrug «Zametok bibliofila»*: sb. st. / sost. M. V. Racz. SPb.: Retro; 2005. 111–459.

Информация об авторе

Светлана Анатольевна Герасимова — кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка и лингводидактики Института иностранных языков МГПУ.

Information about the author

Svetlana A. Gerasimova — PhD (Philology), associate professor of the French language and linguistic didactics department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Научная статья

УДК 82-2.09

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.03

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ САТИРИЧЕСКОЙ ДРАМАТУРГИИ Ю. ПОЛЯКОВА (НА ПРИМЕРЕ ПЬЕСЫ «КАК БОГИ»)

Крылова Снежана Владимировна

Московский государственный областной университет,

Московская область, Россия,

sv.krylova@mgou.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4071-2884>

Аннотация. На примере пьесы «Как боги» (2014) в статье выявляется художественное своеобразие сатирической драматургии Юрия Полякова, вызывающей на данный момент споры, как правило, не эстетического, а литературно-кланового характера. Обозначены сильные стороны поляковских пьес: яркость и актуальность сюжетов, тщательная проработка характеров, искусство диалога, афористичность, остроумие, разоблачение психологии криминального капитализма и лицемерия, едкая социальная критика. Отмечается ориентация драматурга на узнаваемые типажи, создание в пьесах пространства для актерской и режиссерской импровизации. Проанализированы недостатки пьес, снижающие качество многих произведений талантливого драматурга, уже вошедшего в историю русской драматургии начала XXI в.

Ключевые слова: сатирические типажи; афористичность; искусство диалога; пространство для импровизации.

Для цитирования: Крылова С. В. Художественное своеобразие сатирической драматургии Ю. Полякова (на примере пьесы «Как боги»). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*. 2022; 46 (2): 28–37. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.03

Original article

THE ARTISTIC ORIGINALITY OF THE SATIRICAL DRAMA OF YU. POLYAKOV (ON THE EXAMPLE OF THE PLAY «LIKE GODS»)

Snezhana V. Krylova

Moscow State Regional University,

Moscow Region, Russia,

sv.krylova@mgou.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4071-2884>.

Abstract. Taking the play «Like the Gods» (2014) as the example, the article reveals the artistic originality of Yuri Polyakov's satirical drama, which at the moment causes

controversy, that is, as a rule, of a literary-clan nature rather than of an aesthetic one. The strengths of Polyakov's plays are as follows: brightness and relevance of the plot, thorough elaboration of characters, art of dialogue, aphoristic nature, wit, the psychology of criminal capitalism and hypocrisy exposure, merciless social criticism. The playwright focuses on recognizable characters, creates in his plays the space for actor and director improvisation. The study aims at the drawbacks of the plays, which affect the quality of the talented playwright's works, who has already entered the history of Russian XXI century literature.

Keywords: satirical types; aphorism; the art of dialogue; space for improvisation.

For citation: Krylova S. V. The Artistic Originality of the Satirical Drama of Yu. Polyakov (on the Example of the Play «Like Gods»). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2022; 46 (2): 28–37. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.03

Сатирическая драматургия Ю. Полякова востребована в театральной среде современной России и за рубежом: в столичном «Театре сатиры» 5 лет шла «апокалиптическая комедия» «Чемоданчик» (2015), новая драма «В ожидании сердца» (2019) прочитана автором в МТЦ «Вишневый сад», а в текстовом варианте появилась в начале 2021 г. [1]. В 2015 и 2019 гг. при поддержке Министерства культуры в Москве прошел международный фестиваль поляковских пьес и инсценировок «Смотрины».

Рецензенты не без оснований называют пьесы Полякова коммерческими: на спектаклях не бывает пустых залов. При этом либеральная критика клеймит драматургию Полякова, патриотическая — поет ей дифирамбы. Например, обозреватель «Новой газеты» М. Токарева так характеризует первые «Смотрины»: «У сатиры есть свойство подниматься над материалом, а не топить в нем зрителя. <...> Здесь не характеры — пародии, схожие друг с другом, как близнецы. <...> все это — именно густая, концентрированная пошлость» [2, с. 27]. Кинорежиссер С. Говорухин высказывает противоположную точку зрения: «Пьесы Юрия Полякова — редкое явление нынешней драматургии. Они очень современные, хотя написаны по классическим канонам без хаотичного новаторства, скрывающего беспомощность. Он мастер. <...> Его персонажи <...> западают в память с классической отчетливостью» [3, с. 5–6].

Полярные точки зрения на творчество Полякова требуют научного осмысления его драматургии. Пионерами здесь стали лингвисты, изучающие языковые особенности прозы и публицистики Полякова [см.: 4, 5]. Однако до сих пор его пьесы не подвергались литературоведческому анализу, в то время как количество изданных им сборников, пьес и инсценировок его прозаических текстов непрерывно растет, а спектакли не сходят с театральных подмостков.

Как известно, «сатирики адресуют свои произведения современникам. Ориентация на современность требует от писателя особого тона» [6, с. 40]. Юрию Полякову интересно, что происходит с душой человека, который из упорядоченного, понятного советского быта шагнул в эпоху криминального

капитализма. Его героев можно условно разделить на две группы: на вписавшихся и не вписавшихся в новую реальность.

Каждая пьеса Полякова обнажает авторскую аксиологию. Державник, патриот, знающий цену врагам страны, но трезво видящий и недостатки своего лагеря, автор нескольких полемичных книг публицистики («Порноκραтия», 2005; «Левиафан и Либерифан. Детектор патриотизма», 2015; «Быть русским в России», 2019), литературный борец, дающий колкие интервью, он болеет душой за Родину, ненавидит цинизм властей предрержащих, пытается найти опору как в категориях верности, долга по отношению к стране, так и в душах своих современников. Напрямую обращаясь к зрителю и читателю, драматург сознательно вызывает неприязнь к тем персонажам, которых не любит сам.

В пьесах Полякова сильны элементы сатиры, сюжетные ходы гротескно укрупнены. Объект критики — цинизм и шаткие границы нравственных ценностей у перестроечных нуворишей. Однако особенно внимательно Поляков наблюдает за теми людьми традиционной русской культуры, кто, пошатнувшись, все-таки устоял. Так драматург продолжает гуманистические традиции русской литературы, которая всегда видела задачу художника в том, чтобы, обнажая «мотивы коварных поступков», высвечивать «духовный смысл происходящего» [7, с. 66].

Пьесе «Как боги» (2014) можно назвать одним из самых известных произведений Полякова. Она с успехом идет и в столице, и в провинции. В центре внимания — семья бывшего дипломата, 61-летнего Леонида Ивановича Гаврюшина, и его жены, 39-летней Веры Николаевны. Гаврюшин некогда был послом и на почетной работе пристрастился к алкоголю, китайской поэзии и философии. На этом специфическом сочетании Поляков выстроил изящную комическую линию с китайцем-домовым, обрывками стихов и философских афоризмов. Первый брак Гаврюшина закончился скандалом: жена Алевтина сбежала от него со «шведским журналистиком», оставив мужу «на память» [8, с. 433] одиннадцатилетнего сына Максима. Чтобы не сломать карьеру, Гаврюшин скоропалительно женился на юной студентке Вере, только что пережившей любовную драму: ее возлюбленный из карьерных соображений женился на однокурснице со связями. Брак с Гаврюшиным стал для нее ответным ударом предателю: «И я отомстила. Себе. На всю жизнь» [8, с. 455].

Действие в пьесе происходит в начале 1990-х, когда семья Гаврюшиных оказывается в ситуации пошатнувшегося равновесия: Гаврюшин не у дел, переводит китайскую поэзию и стремительно спивается, Вера Николаевна зарабатывает тем, что преподает этикет «новым русским». Дворянская кровь, хорошее образование, опыт жены посла позволяют ей иметь богатую клиентуру. Незаурядность героини проявилась в том, что она не только учит культуре, но и воплощает ее самим своим обликом умной, тонкой, думающей женщины. Предмет беспокойства супругов — дочь, студентка Алена, «коллекционирующая» мужчин, увлекавшаяся в недалеком прошлом наркотиками, а теперь алкоголем. Мать пытается воздействовать на дочь, но поколебать модное

среди молодежи 1990-х «упрощенное и обыденное восприятие любви исключительно как секса» оказалось делом душевно затратным, требующим «определенных нравственных усилий и мужества» [9, с. 133–134]. В битве за Алену родители неизменно проигрывают.

Неприятностей семье добавляет и внезапно явившаяся Алевтина с тридцатипятилетним сыном Максимом. Вышедшая замуж за богатого, но скупого старика-шотландца, она теперь носит фамилию Мак-Кенди. Максим в очередной раз пришел просить у отца денег на новый бизнес — VIP-ветклинику для кошек «Чик-чик».

В пьесе проявилось искусство Полякова строить комические диалоги. Каждый персонаж ведет свою партию, которая по законам сцены «сконцентрированно» передает ту или иную отрицательную черту¹: вульгарность Алены, беспечный авантюризм вечного недоросля Максима, расчетливую обольстительность дельца Непочатого, пьяную философичность и поэтичность Гаврюшина. Драматург мастерски создает узнаваемые типажи. Психология героев раскрывается не только в поступках, но и в манере общения, отражающей их жизненные принципы или отсутствие таковых. Так, бизнесмен, богач и циник Непочатый, некогда бравший у Веры Николаевны уроки этикета и плененный этой «наркотической женщиной» [8, с. 407], готов ее купить, сделать если не женой, то хотя бы любовницей. В попытках понравиться ей он не находит нужным скрывать способы получения сверхприбылей:

Непочатый. Есть у меня в Старосибирске заводик. Никудышный. Лет пять назад там работяги забузили, вышли, перекрыли федеральную трассу. <...>

Гаврюшина. С чего же это они вдруг забузили?

Непочатый. Из-за ерунды: зарплату полгода не получали.

Гаврюшина. Что ж вы так? Надо делиться!

Непочатый. Эх, Вера Николаевна, бизнес — это когда берешь сразу, а отдаешь потом.

Гаврюшина. Или совсем не отдаешь.

Непочатый. Ну, это идеальный бизнес! [8, с. 409].

Диалог вскрывает циничную суть российского капитализма, когда «ерундой» стало обворовывание рабочих, ложь, обман, предательство. За уроки с Верой Николаевной Непочатый расплачивается именно этими грязными деньгами. Важно другое: интеллигентному семейству, оказывается, нечего противопоставить хищникам. Багаж культуры способен защитить их в спорах, сохранить достоинство в личном общении, но для выстраивания собственной жизни интеллигентам не хватает энергии, настойчивости и духовных оснований.

¹ О сатирическом «спрессовывании, концентрировании жизненного материала на минимальной художественной площади» и сознательной «деформации образа, способствующей выявлению наиболее существенных пороков», см. в классическом труде Ю. Борева: [10, с. 85–177].

Вера Николаевна — хранительница традиционной русской культуры. Нравственные, христианские законы для нее не пустой звук. Пресекая призывания Непочатого, одним из аргументов отказа она называет венчанность их брака с Гаврюшиным; в диалоге с Алевтиной о пластических операциях ссылается на отрицательное мнение по этому поводу священника. Она снисходительно смотрит на нелепые бизнес-планы пасынка, с пониманием относится к первой жене Гаврюшина, терпит пьянство мужа, уважает его занятия переводами и увлечение китайской культурой, деликатно пытается влиять на распутство двадцатилетней дочери, с брезгливостью относится к ухаживаниям Непочатого. Но когда Вера становится объектом страсти нового ученика, тридцатилетнего сибирского самородка Артема Бударина, она не может устоять перед его дерзостью, горячностью, властью. Уже первый их урок, едва не закончившийся отказом ученика от занятий из-за ложного чувства унижения у перевоспитуемого, обнажает два сильных характера:

Гаврюшина. Вам надо обязательно овладеть искусством прощальной улыбки. Ну-ка, повторите: «Я больше к вам не приду!» И улыбнитесь!

Артем (поколебавшись, повторяет, улыбаясь). Я больше к вам не приду!

Гаврюшина. Добавьте немного иронии!

Артем. Я больше к вам не приду!

Гаврюшина. Уже лучше! Немного вежливой скорби!

Артем. Я больше к вам не приду.

<...>

Гаврюшина. Отлично, Артем Михайлович! Схватываете на лету.

Артем (зло). И хватаю я тоже на лету! (Уходит.) [8, с. 436–437].

Сила Веры Николаевны — в знании человеческой психологии, сдержанности, моральной самодисциплине, сила Артема — в желании жить по-другому, «как боги», о чем он узнал из прочитанной в детстве книжки про античный Олимп. Приведенный диалог демонстрирует заложенное в пьесах Полякова пространство для актерской и режиссерской свободы, импровизации. В этой сцене драматургу в равной степени интересны оба персонажа, за роковыми действиями которых он наблюдает. Перед нами знакомые незнакомцы русской сцены: молодой харизматичный хищник и «прекрасная дама» поверженной русской интеллигенции. Поляков иронически наблюдает за тем, какие ценности выстраивает для себя нарождающаяся экономическая элита. Принципы молодого русского капитализма обнажены в диалоге Бударина с Аленой: «Хочешь — сделай. Нужно — возьми. Боишься — преодолей себя или умри. Мешают — отодвинь. Сопротивляются — победи» [8, с. 433].

Несмотря на очевидный эгоцентризм, в программе молодого капиталиста много подлинной брутальности, готовности быть хозяином собственной судьбы. Из Старосибирска в Москву его, сироту, прошедшего армию, войну в Чечне, пригласил Непочатый. Он увидел в нем талант предпринимателя и не заметил, как из подчиненного Артем быстро превратился в конкурента.

Не заметила и Вера Николаевна, как увлеклась «окультуренным» самородком (Поляков в пьесе использовал травестирированный сюжет Пигмалиона и Галаатеи). Ни муж, ни дочь не стали ей опорой в борьбе с неожиданно вспыхнувшим чувством.

Любовные треугольники в пьесе работают на выявление мысли автора, показывающего пропасть между старой культурой и новой реальностью. Так, Артем Бударин между дочерью и матерью выбрал мать — женщину старше его, но гораздо интереснее и глубже молодой и влюбленной в него Алены. Побывав в «коллекции» дочери, он цинично добивается близости и с матерью — Верой Николаевной. У Веры нет иллюзий по поводу моральных качеств Артема. Потрясенная своим падением, но признавая его силу, героиня дает моральную оценку амбициям Артема, предлагающего ей уехать с ним и жить, как боги: «А ты знаешь, мальчик, как жили боги? <...> Они ради власти и похоти убивали, лгали, обманывали, предавали, оскопляли друг друга <...> Они крали друг у друга коров, жен, наложниц... А несчастные женщины, которые на свою беду приглянулись блудливым небожителям, гибли...» [8, с. 456]. Но молодой бизнесмен не терпит отказов. Стремящийся быть похожим на Гермеса Артем, поняв, что Вера не хочет продолжать с ним никаких отношений, делает предложение Алене, вручая ей то самое кольцо, от которого отказалась мать.

Финал пьесы Полякова чрезвычайно насыщен событиями. Колесо возмездия раскрутилось необратимо: сразу после свадьбы молодых Вера узнает о своей беременности; в руках отвергнутого Непочатого оказываются кадры интимной встречи Веры и Артема, которыми он шантажирует «влюбленную курицу» [8, с. 474], заставляя ее уговорить Артема вернуть ему крупную сумму; Алена узнает правду об отношениях матери и мужа; наконец молодожены гибнут в заминированном чеченцами автомобиле. Так в финале остроумная сатирическая пьеса превращается в трагедию, словно подтверждая наблюдения С. Я. Гончаровой-Грабовской о «жанровых мутациях» русской драматургии рубежа XX–XXI вв., когда «границы между драмой, комедией и трагедией становятся зыбкими и прозрачными. <...> комедия тяготеет к драме, драма — к комедии, комедия — к трагикомедии» [11, с. 9]. И хотя исследовательница не включила в поле своих наблюдений пьесы Ю. Полякова, но классически ориентированный драматург отразил сместившуюся, хаотическую реальность и на сюжетном, и на жанровом уровне.

Поляков выстроил свою пьесу на авантюрно-психологическом конфликте, цепочке назревших неизбежностей и мнимых случайностей. Жесткий сюжетный каркас, стилистическая проработанность каждой роли, драматизм сочетаются в пьесе с изящными игровыми мизансценами, среди которых нелепые поступки горе-бизнесмена Максима, немудреная философия охотницы за богатыми мужьями Алевтины Мак-Кенди. Но главная партия, безусловно, принадлежит алкоголику-конфуцианцу Гаврюшину и его умной и не слишком счастливой супруге. Именно они блистательно владеют искусством диалога,

через призму их взгляда оцениваются поступки персонажей и события жизни, сильно отклонившейся от нормы. Они острее всех осознают отход от нравственных законов русских людей эпохи перестройки. И если сфера занятий Веры — окультуривание новоиспеченных капиталистов — связана со служением этим законам, то своему увольнению из МИДа и сломанной карьере Гаврюшин может противопоставить только алкоголизм и китайскую поэзию. Комментарий чеховского Вершинина словно стоит за спиной русского интеллектуала XXI в.: «Русскому человеку в высшей степени свойственен возвышенный образ мыслей, но скажите, почему в жизни он хватает так невысоко? Почему?» [12, с. 268]. Единственная дочь Гаврюшиных, Алена, сильно уступает родителям и в нравственном, и в интеллектуальном плане. Очевидно, что система ценностей русского интеллигента советской формации оказалась несостоятельной для нового времени.

И все же драматург не оставляет зрителя без надежды. Интересно, что режиссеры в большинстве российских постановок трактуют финал по-разному, но его обнадеживающая суть остается неизменной. Пьесу завершает большая авторская ремарка, в книжном издании обозначенная как эпилог:

...Гостиная, но вместо старинной липы в окне виднеется молодое зеленое деревце, едва достигшее лоджии. На каминной полке ни одного сосуда. За столом сидят трое: Вера Николаевна, Леонид Иванович и девочка-школьница. У нее очень прямая осанка, так как между спиной и руками продета швабра. Они пьют чай в молчании. В стороне сидит Китаец и играет на яшмовой флейте [8, с. 480].

Финал пьесы многозначен. Потерявшая дочь и зятя Вера Николаевна родила девочку от Бударина, и муж по-конфуциански принял ребенка молодого соперника. На свет надежды указывает и молодое деревце за окном. Но детали говорят об обратном: продетая швабра напоминает прежний «строгий» сценарий воспитания в семье, сформировавший некогда у Алены идеальную осанку, но не чувство чести и благородства. На каминной полке больше нет языческих жертвенников, но нет в гостиной и никаких других знаков изменившегося мироощущения героев. Главная героиня остается жить, и ее имя с плотной аурой религиозных и жизнотворческих смыслов дает надежду на возрождение духовности.

Как бы то ни было, авторское и зрительское сочувствие — на стороне главных героев. Печальные звуки флейты, молчание, чаепитие... Что защищает этих людей от очередных ударов судьбы? Преобразится ли их молчание в созидание? Драматург не дает ответов. Он оставляет зрителя в состоянии просветленного ожидания. Это тот случай, когда ответы дает сама жизнь. Думается, что за декорациями этой условно немой сцены, напрямую связанной «с темами греха, возмездия и покаяния», стоит тень Гоголя [13, с. 135]. В финале пьесы нет ревизора, но над молчаливыми героями, несомненно, витает аура ревизии (в социальном и метафизическом смысле): как выстроить свою жизнь дальше?

Анализируя стратегию «ревизорских» текстов в русской сатирической комедии XIX–XX вв., челябинская исследовательница пишет: «...тема ревизии, трансформированная в XX веке с учетом гениального сюжетостроения Гоголя, в особенности выразительно обнаруживает себя в период смены строя и экономического уклада как предзнаменование грядущих катастроф» [14, с. 133]. Исторический слом девяностых не дает покоя современной русской литературе. Поляков не исключение. Он трезво оценивает экономическую и нравственную обстановку в России, не веря в социального, но задумываясь о некоем метафизическом Ревизоре. Вот почему финальная часть пьесы «Как боги» пронизана идеей возмездия. Неслучайно и появление в пьесах Полякова последнего десятилетия лиц духовного сословия, в которых много мирского, нецерковного (священник Михаил Тяблов в «Одноклассниках», мать Евсевия в последней по времени пьесе «В ожидании сердца»). Это тоже одна из граней русского мира, без которой драматург-реалист не представляет современной России.

Несомненно, в драматургии Полякова есть и сильные, и слабые стороны. К числу первых относятся увлекательность сюжетов, сатирическая и социальная направленность конфликтов, игровое начало, способствующее свободе и вариативности сценической интерпретации, афористичность, яркость языка, остроумие и стилистическая проработанность диалогов.

Безусловное мастерство сказывается и в антропонимике поляковских пьес: имена и прозвища героев — всегда знак, остроумный штрих, который работает в репликах персонажей, выявляя их суть, выполняя «характерологическую функцию» и «указывая на жизненную философию героев» [15, с. 94]. Это начинающий олигарх Черметов, крупный бизнесмен Непочатый, профессор Куропатов, майор Окопов, криминальный банкир Ваха Джохарович Мусаев, администратор отеля «Медовый месяц» Паркинсон, юный скрипач, надежда своей одинокой матери Амадей Хренов и т. д. Прием «говорящие имена» связывает пьесы с классической сатирической традицией XVIII–XIX вв. Речевая характеристика каждого персонажа точно индивидуализирована, вытекает из его характера, душевного строя и степени образованности.

Слабость пьес Полякова связана с чрезмерным акцентированием эротической составляющей жизни героев. В прозе, пьесах, особенно в комедиях, Полякова множество пикантных сцен, эротики, адюльтера, запутанных любовных многоугольников («Левая грудь Афродиты», «Женщины без границ»). В устойчивом интересе к этой сфере драматург порой выходит за грани приличий, а значит, и высокой словесности. И дело здесь не в сатирическом методе — дыхание культуры ощутимо в творениях русских сатириков: в гротескных фантазиях М. В. Гоголя и М. Е. Салтыкова-Щедрина, интеллигентском артистизме М. Булгакова, сделавшего местом действия пьесы «Зойкина квартира» подпольный публичный дом. Но в пьесах литературного борца и идеолога Ю. Полякова нет того «высокого восторженного смеха» сатирика, который «достоин стать рядом с высоким лирическим движеньем» [16, с. 276–277]. Пожалуй, это проблема всей русской сатиры начала XXI в. — от Пелевина

до Жванецкого, — которая умеет обличать, но не в силах вознести читателя, указать на преображенный мир, созданный мечтой художника и чаянием идеала. В любом случае именно в этом противоречивом и отчасти болезненном качестве Ю. Поляков уже вошел в историю русской драматургии начала XXI в.

Список источников

1. Поляков Ю. В ожидании сердца (драма в двух актах). *Luterratura*. 2021; 174 (январь). URL: <http://litteratura.org/dramaturgy/3786-yuriy-polyakov-v-ozhidanii-serdca.html> (дата обращения: 11.01.2021).
2. Токарева М. Спаситель сцены: смотрины. *Новая газета*. 2015; 129 от 23.11: 26–27.
3. Говорухин С. Мой любимый писатель. *Как боги: семь пьес о любви*. М.: АСТ; 2014: 5–6.
4. Глебская Т. Ф., Иванова Н. Е. Морфолого-синтаксические и функциональные особенности сравнений в творчестве Юрия Полякова. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2017; 11 (188): 36–40.
5. Глухова О. П. Средства выражения авторской модальности в прозе Ю. Полякова. *Слово. Грамматика. Речь*. 2015; 16: 162–165.
6. Матвеева И. И. Неклассическая сатира А. П. Платонова: эстетические принципы, новые смыслы. *Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2020; 3 (39): 35–44.
7. Алексеева Л. Ф. Драматические сцены В. А. Сумбатова «Распятие»: проблема сопротивления злу. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*. 2017; 3: 57–68.
8. Поляков Ю. М. Как боги: семь пьес о любви. М.: АСТ; 2014. 512 с.
9. Овсянникова С. В. «Женский разговор» Валентина Распутина: вечные темы и вечные проблемы. *Художественная литература как культурный ансамбль. Сб. статей II Междунар. конференции, посвященной Году литературы в России*. М: Московский институт телевидения и радиовещания «Останкино»; 2016: 130–134.
10. Боров Ю. Комическое. М.: Искусство; 1970. 269 с.
11. Гончарова-Грабовская С. Я. Парадоксы комического в русской драматургии рубежа XX–XXI вв. *Вестник БДУ. Серия 4: Филология. Журналистика. Педагогика*. 2015; 3: 8–11.
12. Чехов А. П. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7: Драматические произведения. М.: Правда, 1979. 448 с.
13. Баль В. Ю. Гоголевский текст в пьесах Н. Коляды (на материале поэмы «Мертвые души» и комедии «Ревизор»). *Сибирский филологический журнал*. 2020; 4: 133–147.
14. Бодрова Л. Т. Принципы игровой поэтики в стратегии «реvisorских» текстов русской сатирической комедии XIX–XX вв. *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. 2015; 1: 131–138.
15. Борбунюк В. А. «О той жизни, которая будет после нас»: чеховская генеалогия пьесы А. Афиногенова «Далекое». *Сибирский филологический журнал*. 2018; 2: 89–102.
16. Гоголь Н. В. Избр. соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Худ. лит.; 1984. 495 с.

References

1. Poljakov Ju. V ozhidanii serdca (drama v dvux aktax). *Litteratura*. 2021; 174 (yanvar'). URL: <http://litteratura.org/dramaturgy/3786-yuriy-polyakov-v-ozhidanii-serdca.html> (data obra-shheniya: 11.01.2021). (In Russ.).

2. Tokareva M. Spasitel' sceny': smotriny'. *Novaya gazeta*. 2015; 129 ot 23.11: 26–27. (In Russ.).
3. Govoruxin S. Moj ljubimy'j pisatel'. *Kak bogi: sem` p`es o ljubvi*. M.: AST; 2014: 5–6. (In Russ.).
4. Glebskaja T. F., Ivanova N. E. Morfologo-sintaksicheskie i funkcional'ny'e osobennosti sravnenij v tvorcestve Juriya Polyakova. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2017; 11 (188): 36–40. (In Russ.).
5. Gluxova O. P. Sredstva vy`razheniya avtorskoj modal'nosti v proze Ju. Polyakova. *Slovo. Grammatika. Rech`*. 2015; 16: 162–165. (In Russ.).
6. Matveeva I. I. Neklassicheskaya satira A. P. Platonova: e`steticheskie principy`, novy`e smy`sly'. *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya jazy`ka. Jazy`kovoe obrazovanie*. 2020; 3 (39): 35–44. (In Russ.).
7. Alekseeva L. F. Dramaticheskie sceny` V. A. Sumbatova «Raspyatie»: problema soprotivleniya zlu. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*. 2017; 3: 57–68. (In Russ.).
8. Polyakov Ju. M. *Kak bogi: sem` p`es o lyubvi*. M.: AST; 2014. 512 s. (In Russ.).
9. Ovsyannikova S. V. «Zhenskij razgovor» Valentina Rasputina: vechny`e temy` i vechny`e problemy`. *Xudozhestvennaja literatura kak kul`turny`j ansambl`. Sb. statej II Mezhdunar. konferencii, posvjashhennoj Godu literatury` v Rossii*. M.: Moskovskij institut televideniya i radioveshhaniya «Ostankino», 2016: 130–134. (In Russ.).
10. Borev Ju. *Komicheskoe*. M.: Iskusstvo; 1970. 269 s. (In Russ.).
11. Goncharova-Grabovskaja S. Ja. Paradoksy` komicheskogo v russkoj dramaturgii rubezha XX–XXI vv. *Vestnik BDU. Seriya 4: Filologiya. Zhurnalistika. Pedagogika*. 2015; 3: 8–11. (In Russ.).
12. Chexov A. P. *Sobr. soch.:* v 8 t. T. 7: *Dramaticheskiye proizvedeniya*. M.: Pravda, 1979. 448 s. (In Russ.).
13. Bal` V. Ju. Gogolevskij tekst v p`esax N. Kolyady` (na materiale poe`my` «Mertvy`e dushi») i komedii «Revizor»). *Sibirskij filologicheskij zhurnal*. 2020; 4: 133–147. (In Russ.).
14. Bodrova L. T. Principy` igrovoj poe`tiki v strategii «revizorskih» tekstov russkoj satiricheskoy komedii XIX–XX vv. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2015; 1: 131–138. (In Russ.).
15. Borbunuk V. A. «O toj zhizni, kakaya budet posle nas»: chexovskaya genealogiya p`esy` A. Afinogenova «Dale`koe». *Sibirskij filologicheskij zhurnal*. 2018; 2: 89–102. (In Russ.).
16. Gogol` N. V. *Izbr. soch.:* v 2 t. T. 2. M.: Xud. lit.; 1984. 495 s. (In Russ.).

Информация об авторе

Снежана Владимировна Крылова — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета (МГОУ).

Information about the author

Snezhana V. Krylova — PhD (Philology), docent, associate professor of the XX century Russian literature department, Moscow State Regional University.

Научная статья

УДК 821.112.2

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.04

ОТРАЖЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРОБЛЕМ В ДРАМЕ Ф. ГРИЛЬПАРЦЕРА «МЕДЕЯ»

Красовицкая Юлия Владимировна

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

krasovizkaya-yulia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6765-7424>

Аннотация. Драма Ф. Грильпарцера «Медея» рассматривается в статье как пример отражения в литературе проблем межкультурной коммуникации. Анализ позволяет выделить важные составляющие, попытки разрешения и причины эскалации конфликта между представителями различных культур.

Ключевые слова: колхская царевна; Колхида и Эллада; межкультурная коммуникация; межкультурный конфликт; чужестранец.

Для цитирования: Красовицкая Ю. В. Отражение современных коммуникативных проблем в драме Ф. Грильпарцера «Медея». *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*. 2022; 46 (2): 38–47. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.04

Original article

REFLECTING MODERN COMMUNICATION PROBLEMS IN F. GRILLPARZER'S DRAMA «MEDEA»

Yuliya V. Krasovizkaya

Moscow City University,

Moscow, Russia,

krasovizkaya-yulia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6765-7424>

Abstract. «Medea» by F. Grillparzer represents the way intercultural communication issues are reflected in literature. Analysis allows to single out important components as well as attempts to resolve conflicts and the reasons for their escalation between different cultures.

Keywords: Colchian princess; Colchis and Hellas; intercultural communication; intercultural conflict; foreigner.

For citation: Krasovizkaya Ju. V. Reflecting Modern Communication Problems in F. Grillparzer's Drama «Medea». *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2022; 46 (2): 38–47. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.04

Отражение межкультурной коммуникации в литературе можно обозначить как необъятное, увлекательное и продуктивное поле для исследования. «Очевидностью является то, что происходящие процессы глобализации информационного, экономического и гуманитарного пространств настоятельно приводят к расширению и углублению сферы межкультурной коммуникации» [1, с. 7]. Литература может рассматриваться как инструмент для налаживания межличностных контактов и в то же время как коллекция примеров позитивного и негативного опыта межкультурной коммуникации на фоне «углубления глобализационных процессов, их многовекторной и разновариантной реализации» [2, с. 399]. Герои произведений становятся испытываемыми фигурами, помогающими читателям не только скорректировать определенные аспекты своего поведения во взаимоотношении с представителями других культур, но и больше узнать о них.

«Ситуация межкультурного взаимодействия, в том числе в семиотическом пространстве, развивается чаще всего как диалог» [1, с. 7]. И именно «возможности ведения диалога» [3, с. 33] народов и культур будет посвящено наше внимание в данной статье. Мы рассмотрим трагедию «Медея» (Medea) — заключительную часть трилогии классика австрийской литературы Франца Грильпарцера «Золотое руно» (Das goldene Vlies) (1818–1820) — и попытаемся не только показать важнейшие аспекты межкультурного конфликта, освещенного в этом произведении, но и провести краткое сравнение с первоначальной трагедией «Медея» великого древнегреческого драматурга Еврипида (поставлена в 431 г. до н. э.), поскольку древние трагики, как справедливо подчеркивает Д. Л. Чавчанидзе, должны оставаться примером для современных писателей [4, с. 70].

Новизна данного исследования заключается в попытке обозначить в драме Ф. Грильпарцера, не переведившейся на русский язык, актуальные проблемы межкультурной коммуникации и пути их решения.

Творчество Франца Грильпарцера (1791–1872) недаром вызывает большой интерес у исследователей и ценителей немецкоязычной литературы. Этот писатель уже при жизни был признан первым национальным драматургом, стоящим у истоков классической австрийской литературы. Австрия также была выбрана нами не случайно. На протяжении всей своей непростой и зачастую драматичной истории она находилась как будто на стыке различных культурных миров (германского и славянского). Это не могло не отразиться и на национальном составе государства, получившего политическую независимость лишь в 1918 г., и затем в 1945 г. после восьми лет пребывания под властью нацистской Германии.

Целью данной статьи является стремление показать, как резко возрастает значение и внимание к проблемам межкультурных конфликтов в литературе уже в начале XIX столетия. Впоследствии этот феномен будет проявляться еще резче и отчетливее.

При работе с произведениями Ф. Грильпарцера необходимо упомянуть таких видных отечественных ученых, как Е. Г. Эткинд, Д. В. Затонский,

А. В. Михайлов. Среди зарубежных исследователей творчества писателя следует отметить монографии А. Эрара, Г. Штефански, Л. Беригера, Е. Фишера, Й. Надлера, А. Зауера.

Относительно рассматриваемой в статье проблематики наиболее актуальными представляются нижеперечисленные исследования. К. М. Азадовский в своей работе «Конфликт в драматургии Грильпарцера» справедливо подчеркивает, что проблема «индивидуальной человеческой свободы» имела в творчестве драматурга первостепенное значение. Это соответствовало передовым общественным идеалам и новым буржуазно-демократическим принципам свободы [5, с. 16]. В контексте этих идей представитель любой национальности и культуры должен был восприниматься окружающими как равноправный и уважаемый член общества, участник диалога. Тем не менее, и доказательством может служить трагедия Медеи, на практике все выглядело несколько иначе.

В трагедиях Ф. Грильпарцера происходит столкновение «субъективной свободы и объективной необходимости». Этой проблеме уделяет особое внимание известный германист Ф. Штрих. В своей монографии «Эстетика Ф. Грильпарцера» 1905 г. он указывает на постоянную конфронтацию героя, утверждающего свое «я», с безжалостной необходимостью [6, s. 30]. Одной из ипостасей давящего над Медеей рока становится враждебное отношение греков к ее народу из царства Колхиды. Героиня вынуждена бороться за свои права и идти на страшные жертвы. Тем не менее это никак не меняет ее статус в глазах окружающих, а принятые решения и отчаянные поступки еще больше портят ее репутацию. Происходит переоценка ценностей. Медея как будто смиряется с тем, что свобода выбора действительно невозможна. Это понимание выражается в ее словах, обращенных к Ясону в конце трагедии: «Смирись со справедливой карой, Неси покорно то, что суждено» [5, с. 19].

Е. Нечепорук в своей работе обращает внимание на ряд важных особенностей драмы Ф. Грильпарцера. Исследователь указывает на «контраст двух различных социальных, религиозно-моральных и культурных миров — Колхиды и Греции, варваров и эллинов». За этим противопоставлением скрывается в том числе столкновение народов и культур в Габсбургской монархии [7, с. 9]. Колхида воплощает образ дикой страны, где живет народ, руководствующийся в своих решениях не законом, но страстями. В образе Медеи неподчинение нормам и правилам компенсируется непосредственностью, искренностью. Однако эти черты характера оказываются невостребованными на новой родине. Оба героя, Медея и Ясон, по мнению ученого, переживают «процесс самоотчуждения» [7, с. 10].

Идея противопоставления себя себе подробно рассматривается и в работе австрийского литературоведа Й. Шпренглера «Грильпарцер как трагик вины» [8, s. 20]. Действительно, Ясон в погоне за руном теряет свой прежний облик светлого юноши, а затем пускается на откровенное предательство ради собственной же выгоды. Медея из свободолюбивой непокорной царевны

превращается сначала в одержимую и ослепленную любовью игрушку в руках предводителя аргонавтов, затем в страдающую женщину, готовую пойти на любые уступки ради спасения своей семьи, и, наконец, в фурию-мстительницу. Все эти преобразования происходят с героями на чужбине или под властью чуждых сил (как в случае предательства Медеей отца и брата).

С. А. Беловодский подчеркивает еще один важный момент. В своем диссертационном исследовании он пишет о сочетании двух тем в трилогии Ф. Грильпарцера: темы золотого руна и темы Медеи. Они затрагивают внешний и внутренний аспекты, это необходимо для репрезентации идеи самой судьбы — «мирового тропа» [9, с. 132] — и одновременно проблемы межкультурного конфликта, основывающегося на внешнем и внутреннем противостоянии. Герой будто «конструирует окружающий мир в своем сознании» [10, с. 120]. Отсутствие внутреннего равновесия приводит героев к трагическому финалу, в то же время переживая внутренний конфликт, невозможно противостоять внешним силам.

Конфликт в драме Ф. Грильпарцера, в отличие от драмы Еврипида, показан в развитии. Помимо тонко выписанных психологических аспектов взаимоотношений мужчины и женщины, важное значение в трансформации внутреннего мира главных героев приобретает влияние чуждого окружения и необходимость приспособляться к новым условиям жизни в атмосфере враждебности и неприязни. Этот фактор во многом определяет причинно-следственные связи поступков героев. В оценке греками Колхиды (родины Медеи) изначально преобладают негативные ноты. Это связано в том числе с диссонансом «патриархального и матриархального мироустройств». Власть женского начала осмысливается как нечто темное, враждебное, непонятное, пронизанное чувственной бессознательной энергией. Ему противопоставляется светлая Эллада, где царит четкий и ясный, основанный на законах разума патриархальный уклад [9, с. 137, 138]. Конфронтация женского и мужского начал пронизывает всю пьесу. Ясон и Медея превращаются в заклятых врагов и достойных друг друга противников. Решающим фактором становится то, что схватка происходит в стране Ясона, пусть отчасти уже чужой для него, однако еще сохраняющей былые светлые воспоминания.

Трагедия, по мнению немецкого литературоведа Х. Бахмаира, складывается из целой череды недоразумений, ошибочных толкований, неверно воспринятых слов [11, S. 201]. По сути, это типичный набор недочетов, нарушающих или осложняющих межкультурную коммуникацию. Рассмотрим один из эпизодов общения Медеи и Креузы, дочери коринфского царя Креонта, решающего приютить Ясона.

Медея обращается к царевне за помощью, чтобы научиться вести себя «по-гречески» так, как этого желал бы супруг. Песенка из юности Ясона оказывается исключительно неудачным вариантом, поскольку будит в изменнике светлые воспоминания из прошлого и в то же время подчеркивает неумение

колхской царевны исполнять подобные увеселительные мотивы под собственный аккомпанемент на лире. Немаловажное значение имеет психологический фактор — Медея обращается за помощью к самому неподходящему человеку. Креуза, хоть и отчаянно пытается, не может скрыть свою симпатию к Ясону.

В то же время описанную ситуацию вполне можно оценить как ошибку межкультурной коммуникации. Текст драмы оставляет нам право судить, был ли выбор в пользу незамысловатого напева сделан со злым намерением или случайно. Очевидным, однако, оказывается результат — углубление конфликта, основанного на различии двух культур. В очередной раз подчеркивается невозможность для Медеи стать частью мира Эллады. Попытка социализации как процесса «усвоения <...> определенной системы знаний, норм и ценностей, позволяющих <...> функционировать в качестве полноправного члена общества» также оказывается неудачной [12, с. 5]. Колхская царевна, жрица, повелительница снадобий выглядят смешно и нелепо. Диалога культур не происходит.

Р. Шютцайхель справедливо подчеркивает в своем исследовании, что предпосылкой общения является владение участниками коммуникационного акта достаточным количеством сведений и интерпретационных шаблонов, чтобы судить друг о друге [13, S. 157]. Недостаток подобной информации провоцирует углубление конфликта в драме. Обе героини руководствуются отчасти слухами и общим мнением, отчасти мимолетными личными наблюдениями. Для Креузы Медея — дикарка, порой вызывающая сочувствие. Для Медеи греческая царевна — наивное дитя надменного народа. Чувства Креузы можно описать как брезгливую жалость. Жрица Гекаты, в свою очередь, полагается на искренность и врожденное чувство справедливости царевны. Оба суждения оказываются ошибочными.

Диссонанс в общении усиливается за счет того, что каждая из участниц диалога по-своему расставляет акценты. Реплики становятся импульсом для противника и одновременно реакцией на его слова. Так, разучиваемая песенка вызывает у героинь совершенно разные чувства. Для Креузы — это светлые воспоминания, дарящие надежду, для Медеи — грустное подтверждение тому, что она предчувствовала и впоследствии увидела в своем муже:

О боги,
Великие боги!
Помажьте мою голову,
Выгните мою грудь,
Чтоб мужчин
Я победил,
И также
Изящных дев [14] (здесь и далее перевод наш. — Ю. К.).

Колхская жрица становится той девой — трофеем воина, о котором он мечтал в начале похода. Креуза признается, что никогда не воспринимала слова

песенки в таком ключе. Погружаясь в воспоминания, Медея вновь переживает свое противостояние соблазну и чарам предводителя аргонавтов.

Герой, бог, он звал, звал, звал,
Пока свою жертву не заманил, не уничтожил,
Затем ее отбросил, и никто не поднял [14].

Креузу эти слова пугают и отталкивают: «Его жена, и так его порочишь?» [14]. «Его не знаешь ты, я ж знаю целиком», — возражает Медея [14]. В словах последней звучит одновременно боль и еще не угасшая любовь. Взгляды двух героинь диаметрально разнятся. Кажется, они говорят вовсе не об одном человеке. Непонимание все больше отдаляет их друг от друга.

Помимо прочего, вербальное общение дополняется невербальными знаками [15, S. 3]. Сломанная лира в неумелых руках Медеи может рассматриваться как предзнаменование и одновременно символ крушения любой возможности рационального и продуктивного диалога.

Чужая страна всегда так или иначе накладывает отпечаток на поведение иностранцев. Медея и ее кормилица Гора ощущают себя заложницами. Это придает их поступкам и словам особую остроту и страстность борющихся жертв. В постоянной опасности находился и Ясон, прибывший на чужбину за золотым руном. Негативное отношение греков к Колхиде и колхов к жителям Эллады неоднократно высказывается в драме. Подобная расстановка акцентов не может не оставить своего негативного отпечатка на поведении и настроении героев. Тем не менее, и это важно подчеркнуть как активную попытку Медеи преодолеть созданный предрассудками барьер, главная героиня пытается приспособиться к новым условиям жизни:

Что было правым дома, здесь зовут неправым,
Что дозволялось, гонят здесь со злобой;
Давай изменим мы обычаи и речи,
Не можем больше быть, кем мы желаем,
Давай же будем хоть, кем можем [14].

Эта позиция, несмотря на ее наигранность и сохраняющуюся в сердце Медеи тоску по родине и любовь к ней, получает одобрение у Ясона. Он хочет укрепить появившийся росток смирения. Дополнительным шагом к отказу от прежних привычек, ритуалов, верований, по его мнению, должна стать своего рода мимикрия. Он советует Медее облачиться в греческие одеяния, ведь и он постарался в царстве колхов приспособиться к окружающей действительности. Подобная просьба не вызывает протеста у его супруги, она готова пойти на этот шаг, раз уже решилась предать земле подаренные ей матерью предметы культа и таким образом фактически отказалась от своей прежней жизни. «Светает — начинается новая жизнь», — восклицает она чуть раньше, пытаясь вселить надежду в свое сердце и одновременно в сердце Горы [14].

Однако кормилица использует безошибочное оружие, столь привычное в межкультурных распрах, — давление на детей. Она убеждает малышей,

что их отец принадлежит подлому и трусливому народу. Как ни парадоксально, именно таким Ясон предстает в драме, однако, даже если в каждом вымысле и кроется доля правды, использование подобных средств изначально обесценивает любые попытки налаживания межкультурных связей. Это можно наблюдать и на другом примере. К Медее греки относятся с большим предубеждением, и она действительно хорошо разбирается во всевозможных ядах. Однако клеймо ведьмы лишь усугубляет ситуацию, усиливая негодование и ненависть в сердце колхской царевны. Грекам, в свою очередь, предупрежденным и знающим своего врага в лицо, все равно не удается защититься от ее гнева. При этом хорошее отношение без предубеждений вполне могло бы повернуть эскалацию конфликта вспять.

Навязанное с детства предвзятое отношение к чужестранцам или выходцам из некоей определенной страны имеет большой вес. На примере Креузы можно заметить, с каким трудом происходит избавление от существующих стереотипов: «Она не дикая. Отец смотри сюда, она плачет» [14]. Личный опыт общения способен многое изменить, в драме его влияние можно заметить в том, как меняется отношение греческой царевны к чужеземке. Креуза позволяет Медее приблизиться к себе, старается, даже если это лишь видимость, утешить отвергнутую.

Медее также чувствует эту перемену и потому обращается к девушке за помощью. В ее словах звучит все то же желание приспособиться к чужому миру, принять его, найти свое место:

Я чужеземка из чужой страны,
Мне незнакомы здешние обряды,
Меня бегут за это, презирают,
Я всем дикарка, низшее созданье,
Хоть первой я была в своей стране.
Хочу я делать то, что мне укажут,
Скажите же, не гневайтесь [14].

Условием пребывания в царстве Креонта становится отказ Медее от всех «колдовских» практик. Жрица Гекаты соглашается. Она также готова забыть свойственное ее соотечественникам презрение ко всякой ручной работе: соглашается сесть за ткацкий станок и, как служанка, слушаться указаний Креузы, лишь бы сохранить свой союз с Ясоном [14]. Таким образом, пребывание в Элладе подразумевает полную ассимиляцию. Однако и это не может противостоять распространяющимся о Медее слухам. Сам повелитель Олимпа Зевс — покровитель чужестранцев — не в силах защитить «колдунью». Гостеприимство греков наталкивается на непреодолимую стену народных предрассудков.

Как уже отмечалось выше, герои драмы вступают в борьбу не только с внешними обстоятельствами, но и с собой. На примере Медее мы можем наблюдать подобное состязание как минимум два раза: в борьбе за право остаться рядом с Ясоном, отказываясь от своего прошлого, и в борьбе с собственным отчаянием, толкающим героиню на убийство детей. Ясон также

дважды пытается преодолеть себя: когда он упрасивает Креонта не изгонять Медею, хотя его страсть к ней давно прошла; и чуть позже, когда решение греческого царя ставит его перед выбором — самому стать бездомным чужаком или нарушить свои обеты, данные жрице. Медея дважды переступает через свои чувства. Ясон в последнем поединке с собой делает выбор в пользу собственных интересов. Судьба неприкаянного чужестранца пугает его больше всего, но именно на такую жизнь он обрекает покинутую супругу.

Все расставленные выше акценты призваны подчеркнуть, сколь важное значение приобретает тема межкультурного конфликта в драме Ф. Грильпарцера. Это становится еще более наглядным при сравнении с одним из первоисточников — трагедией Еврипида. Здесь Медея предстает совсем в ином свете: «Пусть гражданам успела угодить // Она в изгнании <...> Медея, // Как волн утес, не слушает друзей, // В себя прийти не хочет» [16]. Эти строки изначально сглаживают и почти нивелируют тему чужеродности.

Мотив противопоставления светлой Эллады и темной Колхиды все же появляется. Медея и Ясон называют страну колхов варварской. Показательно, что сама Медея именуется себя варварской царевной. Вскользь упоминаются трудности жизни иностранца: «Уступчивым, конечно, должен быть // Меж вас чужой всех больше» [16]. Тем не менее основное внимание героини Еврипида сосредоточено на чувствах обиженной женщины, на ревности и мести.

Медея Грильпарцера тоскует не только по отсутствующей поддержке со стороны семьи и друзей, ее гнетет не только совершенное ею на родине предательство (эти мотивы объединяют обеих протагонисток). Мукой для героини австрийской драмы становится отказ от себя самой через отказ от своего призвания, статуса, любимого ей образа жизни. «Муки нет тяжелее, чем отчизны лишиться», — поет Хор в трагедии Еврипида [16]. Для Медеи Грильпарцера потеря отчизны равносильна потере своего естества «за пределами <...> родного общества» [17, с. 4], «угнетению свободной человеческой личности» [18, с. 15], что, конечно, не может не усугубляться негодованием преданной супругом женщины.

Проведенный анализ позволяет сделать ряд заключений. Обращение к проблеме межкультурной коммуникации придает драме Ф. Грильпарцера особую актуальность. За столкновением греческой и колхской культур отчетливо проступают диссонансы, возникающие в современном мире. Австрийский писатель намечает пути решения возникающего конфликта и одновременно указывает на важные «промахи» своих героев, приводящие к углублению и обострению межкультурных противоречий. Драму «Медея» можно рассматривать как блестящий пример борьбы человека за свободу и право на самоопределение в чужой стране. Трагическая развязка придает этой проблеме особенно острое звучание и заставляет критически взглянуть на окружающую действительность.

Список источников

1. Викулова Л. Г. Основы межкультурной коммуникации. Государственные и национально-культурные символы: учеб. пособие / под ред. Л. Г. Викуловой и Е. Ф. Серебренниковой. 2-е изд. стер. М.: Флинта; 2019. 277 с.
2. Тарева Е. Г., Викулова Л. Г., Макарова И. В. Инновационное моделирование кейсов по межкультурной коммуникации. *Бизнес. Образование. Право*. 2018; 4 (45): 398–404.
3. Красовицкая Ю. В. Аудиобиблиотека онлайн и ее ресурсы для изучения немецкого языка на всех уровнях. *Преподавание иностранных языков и новые подходы к академическому сотрудничеству в эпоху интернета*: сб. науч. трудов и материалов конф. М.: Релод; 2018: 32–39.
4. Чавчанидзе Д. Л. Грильпарцер и Пушкин. *Вопросы филологии*. 2004; (1): 69–72.
5. Азадовский К. М. Конфликт в драматургии Грильпарцера. *Филологические науки*. 1969; (2): 15–24.
6. Strich F. Franz Grillparzers Ästhetik. München: Nabu Press; 2011. 252 S.
7. Нечепорук Е. Гений Грильпарцера. *Вікно в світ*. 2000; (2): 5–23.
8. Sprengler J. Grillparzer der Tragiker der Schuld. Wien: Berger; 1947. 70 S.
9. Беловодский С. А. Франц Грильпарцер. Ранний период творчества (психотип и проблемы творческой самореализации): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Воронеж; 2002. 239 с.
10. Чупрына О. Г., Баранова К. М., Меркулова М. Г. Судьба как концепт в языке и культуре. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2018; (3): 120–125.
11. Bachmair H. Nachwort. Grillparzer Franz. Das goldene Vließ. Der Gastfreund. Die Argonauten. Medea. Hrsg. v. H. Bachmair. Stuttgart: Reclam; 1995: 200–210.
12. Актуальные каналы социализации личности: от теории к технологиям / В. П. Сергеева, Л. С. Подымова, Г. В. Сороковых, Е. И. Сухова, Е. А. Алисов и др. М.: Академия повыш. квалиф.; 2013. 168 с.
13. Schützeichel R. Soziologische Kommunikationstheorien. Konstanz: UVK Verlag; 2004. 328 S.
14. Grillparzer F. Medea. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/grillprz/medea/medea51.html> (дата обращения: 12.07.2021).
15. Lachenmayer C. Probleme der interkulturellen Kommunikation in der Literatur am Beispiel Franz Grillparzers «Goldenem Vließ». München: GRIN Verlag; 2010. 28 S.
16. Еврипид. Медея. URL: <https://www.litres.ru/evripid/medeya/chitat-onlayn/page-7/> (дата обращения: 15.07.2021).
17. Красовицкая Ю. В. Литература, история и культура Германии (страноведческий курс для младшей средней школы): учебно-метод. пособие. М.: МГПУ; 2020. 104 с.
18. Красовицкая Ю. В. Политический аспект в драме немецкого экспрессионизма. *Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2018; 2 (30): 15–21.

References

1. Vikulova L. G. Osnovy` mezhkul`turnoj kommunikacii. Gosudarstvenny`e i nacional`no-kul`turny`e simvolj`: ucheb. posobie / pod red. L. G. Vikulovoj i E. F. Serebrennikovoj. 2-e izd. ster. M.: Flinta; 2019. 277 s. (In Russ.).

2. Tareva E. G., Vikulova L. G., Makarova I. V. Innovacionnoe modelirovanie kejsov po mezhkul'turnoj kommunikacii. *Biznes. Obrazovanie. Pravo*. 2018; 4 (45): 398–404.
3. Krasovizkaya Yu. V. Audiobiblioteka onlajn i ee resursy` dlya izucheniya nemeckogo yazy`ka na vsekh urovnyax. *Prepodavanie inostranny`x yazy`kov i novy`e podxody` k akademicheskomu sotrudnichestvu v e`poxu interneta*: sb. nauch. trudov i materialov konf. M.: Relod; 2018: 32–39. (In Russ.).
4. Chavchanidze D. L. Gril`parcer i Pushkin. *Voprosy` filologii*. 2004; (1): 69–72. (In Russ.).
5. Azadovskij K. M. Konflikt v dramaturgii Gril`parcera. *Filologicheskie nauki*. 1969; (2): 15–24. (In Russ.).
6. Strich F. Franz Grillparzers Ästhetik. München: Nabu Press; 2011. 252 S. (In Russ.).
7. Necheporuk E. Genij Gril`parcera. *Vikno v svit*. 2000; (2): 5–23. (In Russ.).
8. Sprengler J. Grillparzer der Tragiker der Schuld. Wien: Berger; 1947. 70 S. (In Russ.).
9. Belovodskij S. A. Franc Gril`parcer. Rannij period tvorcestva (psixotip i probleme` tvorcheskoj samorealizacii): dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.03. Voronezh; 2002. 239 s. (In Russ.).
10. Chupryna O. G., Baranova K. M., Merkulova M. G. Sud`ba kak koncept v yazy`ke i kul`ture. *Voprosy` kognitivnoj lingvistiki*. 2018; (3): 120–125. (In Russ.).
11. Bachmair H. Nachwort. Grillparzer Franz. Das goldene Vließ. Der Gastfreund. Die Argonauten. Medea. Hrsg. v. H. Bachmair. Stuttgart: Reclam; 1995: 200–210.
12. Aktual`ny`e kanaly` socializacii lichnosti: ot teorii k tehnologiyam / V. P. Sergeeva, L. S. Pody`mova, G. V. Sorokovy`x, E. I. Suxova, E. A. Alisov i dr. M.: Akademiya povy`sh. kvalif.; 2013. 168 s. (In Russ.).
13. Schützeichel R. Soziologische Kommunikationstheorien. Konstanz: UVK Verlag, 2004. 328 S.
14. Grillparzer F. Medea. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/grillprz/medea/medea51.html> (data obrashheniya: 12.07.2021).
15. Lachenmayer C. Probleme der interkulturellen Kommunikation in der Literatur am Beispiel Franz Grillparzers «Goldenem Vließ». München: GRIN Verlag; 2010. 28 S.
16. Evripid. Medeya. URL: <https://www.litres.ru/evripid/medeya/chitat-onlayn/page-7/> (data obrashcheniya: 15.07.2021).
17. Krasovizkaya Yu. V. Literatura, istoriya i kul`tura Germanii (stranovedcheskij kurs dlya mladshej srednej shkoly`): uchebno-metod. posobie. M.: MGPU; 2020. 104 s. (In Russ.).
18. Krasovizkaya Yu. V. Politicheskij aspekt v drame nemeckogo e`kspressionizma. *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovoje obrazovanie*. 2018; 2 (30): 15–21. (In Russ.).

Информация об авторе

Юлия Владимировна Красовицкая — кандидат филологических наук, доцент кафедры германистики и лингводидактики ИИЯ МГПУ.

Information about the author

Yuliya V. Krasovizkaya — PhD (Philology), associate professor of the German studies and linguistic didactics department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Научная статья

УДК 811.161.1'37

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.05

ПРЕДМЕТНЫЙ МИР СРАВНЕНИЯ

Девятова Надежда Михайловна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

deviatovan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-003-1591-3649>

Аннотация. В статье рассматривается сравнительный потенциал предметного имени и роль в организации сравнительного пространства. Предметное имя чаще создает образное сравнение и выступает в конструкциях, где объектом сравнения является человек. Когнитивные возможности имени и оценка сравнения объясняются характером ситуаций, где реализуется опыт взаимодействия человека с объектом. Рассматриваются отдельные группы предметных имен: имена — бытовые предметы, предметы одежды и разные виды пространства.

Оценка обычно создается компаративной константой в соединении с эталоном сравнения. Представлены случаи нетипичной сочетаемости предметного имени и создания образности. Предметное имя может приобретать разную оценку — отрицательную и положительную. Положительный оценочный потенциал создают имена пространственного значения, называющие ближайшее пространство — дом и его составляющие, заряженные положительной энергией дома.

Ключевые слова: предметное имя; эталон сравнения; сравнительный потенциал; компаративная константа.

Для цитирования: Девятова Н. М. Предметный мир сравнения. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*. 2022; 46 (2): 48–58.
DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.05

Original article

THE SUBJECT WORLD OF COMPARISON

Nadezda M. Devyatova

Moscow City University,
Moscow, Russia,

deviatovan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-003-1591-3649>

Abstract. The article examines the comparative potential of the subject name and the role in arranging the comparative space. The subject name often creates a figurative comparison and appears in constructs with a person making the object of comparison. The cognitive possibilities of the name and the comparison estimation rank are due to the situations that determine the person-object interaction. Separate groups of subject names are considered: representing everyday situations, items of clothing and different types of space.

A comparison score is usually created by a comparative constant in concordance with the comparison standard. The study represents cases of atypical subject name compatibility and ways of creating figurativeness. A subject name can create a different perception, both negative and positive. The positive evaluative potential is created by the names of spatial meaning defining the nearest space — the house and its components — charged with the positive energy of home.

Keywords: subject name; comparison standard; comparative potential, comparative constant.

For citation: Devyatova N. M. The Subject World of Comparison. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education.* 2022; 46 (2): 48–58. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.05

Введение

Сравнение — это не только признанное средство выразительности художественной речи, но и способ познания. Сравняя все со всем, мы расширяем границы мира, ищем близость отдаленных сущностей.

Сравнение реализуется в языке разнообразными языковыми конструкциями, каждая из которых представляет собой реализацию логической модели сравнения. Такая модель включает в себя объект сравнения (то, что сравнивают), эталон сравнения (то, с чем сравнивают), общий признак сравнения (компаративная константа), показатель сравнительного отношения. От того, что с чем сравнивается на основании какого признака, зависит выразительный потенциал сравнения. Различен когнитивный потенциал разных классов существительных. В настоящей статье исследуются возможности предметных имен, выступающих в позиции эталона сравнения.

Границы сравнения, как было показано в нашей работе [1], могут создаваться границами мира (логическое сравнение, устанавливающее границы

в рамках своего класса, или эталонное, осуществляющее сравнение объекта с нормой его проявления) либо границами слова (образное сравнение, раздвигающее границы мира далеко за пределы своего класса).

Материал и методы исследования

В настоящей статье ставится цель выявить сравнительные возможности отдельных групп предметных имен, представить способы создания образности моделей с существительными предметного значения, показать роль компаративной константы и эталона сравнения, способы их взаимодействия, оценочный эффект сравнений разных семантических групп.

Материал исследования составили примеры употребления предметных имен в предложениях и небольших текстовых фрагментах, преимущественно извлеченных из произведений художественной литературы методом сплошной выборки. При исследовании сравнительного потенциала предметных имен и выразительных возможностей сравнительных конструкций используются общенаучные методы: наблюдение, описание, обобщение, методика семантического и синтаксического анализа.

Предметное имя как объект исследования в лингвистике сравнения

В сравнительной конструкции при помощи компаративной константы могут соединяться разные объекты сравнения. Чаще предметом сравнения является человек. Для представления его действий, состояний, качеств привлекаются объекты разных классов. Человек сравнивается с человеком, с миром животных и природы. Как класс, обладающий широкими когнитивными и сравнительными возможностями, выступает и мир предметных сущностей.

Говоря о проблеме образности разных семантических групп существительных, Ю. В. Литвинов [2] представил шкалу образности. Степень образности, по мнению автора, определяется отстоянием друг от друга разных классов существительных. Предметные имена на этой шкале дальше всех отстоят от личных существительных, открывающих шкалу. Однако выбор сравнения, его выразительный и оценочный потенциал зависит от многих факторов.

В состав предметных имен включаются разные единицы: собственно предметные сущности (*стол, карандаш*); имена, называющие предметы обихода (*тарелка, бокал*), в том числе предметы одежды (*рубашка, платье*); инструменты (*гвоздь, нож*); части тела (*рука, ладонь*); имена пространственного значения, прежде всего называющие пространство существования человека (*дом, комната*) и более отдаленное пространство (*лес, тайга*) и др. Об общих принципах организации сравнения речь идет в разных работах, например Черемисина [3], A. Gargani [4] и др.

Сравнение изучается и как явление современной речи, обнаруживающее изменения в языке. Анализируя сравнение в языке последних десятилетий, М. Н. Крылова обратила внимание на расширение предметного ряда сравнений, на активность ряда групп (научных и технических новинок, новых предметов и явлений, появляющихся в обиходе и общественной жизни). В качестве отрицательных явлений отмечается использование символов советской эпохи, где проявляется «глумление над историческим наследием». Особенность такого общения, навязываемого различными шоу, — «агрессивно окрашенный разговор» [5, с. 82]. Анализ приводимых примеров позволяет говорить, что цель таких сравнений — создать отрицательный образ сравниваемого объекта. О нарушении этических норм в сравнении (приводятся разные примеры, в том числе с предметными именами) речь идет в другой работе автора [6].

Наше внимание в большей степени будет направлено на конструкции с союзом *как* (о предметных сравнениях с творительным сравнительным или с предлогом *подобно* речь шла в отдельных наших статьях [7, 8]).

Значительную часть нашего материала¹ составляют сравнительные конструкции, где в позиции объекта сравнения выступает человек — его действия, состояния, другие признаки. Например: — *Сколько вам стукнуло, бабуся? Сколько? Ну, герой, герой...*

Выработал стиль, скотина, — участливо-веселый. Стиль «душевный доктор». Врешь, мерзавец. Ты равнодушен, как твой стетоскоп. (Д. Рубина).

Пример демонстрирует особенности группы, где сравнение создается без обращения к общему признаку. Здесь можно видеть особое поведение компаративной константы. Компаративная константа [3, с. 85] — это общий признак, соединяющий объект и эталон сравнения. Вне сравнительной конструкции приписывание общего признака такому существительному оказывается невозможным: **равнодушный стетоскоп*.

Привлечение собственно предметного имени для представления качеств лица создает отрицательную оценку. Например: *Иногда мне кажется, что я его ненавижу. Во-первых, он очень длинный. Я этого не понимаю в людях. Во-вторых, он правдивый до тошноты и любит хлопать своими длинными ручищами меня по спине. В-третьих, — это главное — он упрям, как напильник. Он полагает, что он очень практичный человек, и называет себя не иначе — реалистом* (В. Шукшин). Ср.: **упрямый напильник*.

Сравнение привлекается для представления отрицательных качеств человека. Можно привести и примеры фразеологического сравнения: *тупой как дуб, тупой как пробка, тупой как пень*. Следует отметить, что в сравнении можно говорить об актуализации отдельного, периферийного признака эталона сравнения. Напильник как предмет не имеет свойств лица. В данном примере сравнение, как представляется, выводит на первый план признаки

¹ Часть материала составили примеры из Национального корпуса русского языка (rus-corpora.ru) — НКРЯ. Дата обращения: январь – февраль 2022 г.

«неодушевленность», «отсутствие чувствительности, свойственной человеку». В рассмотренной группе сравнивается несравнимое.

В других случаях существительное *дуб* может реализовать другие признаки предмета, такие как прочность (качество материала), величественность (внешний вид). Тогда на первый план выходит не признак предметности, а признак, характеризующий *дуб* как часть природного мира. Природный мир привносит в сравнение положительную энергию и обычно характеризуется положительной оценкой. Ср.: *Вот талисман тебе от красных губ, / Вот первое звено в твоей кольчуге, — / Чтоб в буре дней стоял один — как дуб, / Один — как Бог в своем железном круге!* (М. Цветаева). *Дуб* в пределах строфы оказывается сопряженным с другим сравнением — *как Бог* и, соответственно, усиливает свой положительный сравнительный эффект.

В большинстве же сравнений в организации сравнения участвует общий признак. Это типичный способ организации сравнения. Компаративная константа связывает объект и эталон сравнения. Например: *Потом бы меня вы бросили, как выпитую бутылку* (С. Есенин); *После смерти мужа Анна осталась одна. Сорок два года. Выглядела на тридцать пять. Многие претенденты распускали слюни, как вожжи.* (В. Токарева). Ср.: *распустить слюни — распустить вожжи*. В сравнении оказываются задействованными параметрические признаки: длина и форма предмета (длинные вожжи).

В сравнениях с предметными именами представлены типичные способы создания образности. Помимо соположения объектов разных онтологических классов участвует и компаративная константа. По отношению к объекту и эталону сравнения она прочитывается как разные лексико-семантические варианты. Ср.: *распустить вожжи* (прямое значение глагола) — *распустить слюни* (переносное, метафорическое значение).

Оценка сравнения зависит от выбора объекта сравнения и компаративной константы. Если компаративная константа называет отрицательный признак лица, предметное имя усиливает отрицательную оценку. Оценка выражается комплексно — компаративной константой и эталоном сравнения. Например: *Но есть правда Анны: вырастила сына, пустила в жизнь, и теперь ее можно задвинуть под диван, как пыльный тапок* (В. Токарева). Сравнение затрагивает бытовую сферу жизни человека. Имена, обслуживающие ее, в художественном тексте обычно реализуют свой отрицательный потенциал. Обыденные ситуации обычно имеют сниженную оценку.

Отрицательная оценка может создаваться эталоном сравнения при нейтральной компаративной константе. Например: *А еще говорит мне попутчик наш: / Так и быть, я тебя запру. / Приберу тебя, как чужой багаж. / А зачем пропадать добру* (М. Н. Айзенберг — НКРЯ). Компаративная константа называет нейтральное действие лица. Или: *Проваливаешься в глубину и в зубную боль, ищешь, как ложкой во щах, утоление, не любовь...* (Н. Е. Горбаневская — НКРЯ). Здесь предметное имя употребляется при описании высоких чувств человека,

и это создает отрицательный эффект. Оценка создается предметным эталоном сравнения. Сама же компаративная константа имеет нейтральный характер.

Если ни компаративная константа, ни эталон сравнения не выражает отрицательной оценки, можно говорить о нейтральном сравнении. Например: *Не так давно, как мячик / Он прыгал и летал, / Твой дед — веселый мальчик, / И он другим не стал* (Ю. П. Мориц — НКРЯ).

Предметное имя настолько разнообразно, что разные группы предметных имен создают разный эффект. Нейтральной оценкой, как представляется, обладают сравнения, называющие игрушки: мячик, юла, волчок и др. Например: *Надежда крутилась как волчок, а каждый день приносил свою новость — дикую, страшную или смешную* (Д. Рубина); *Но вот уже третий день их бросало вперед и назад и валило на бок при перемене движения и на поворотах, и третий день под полом часто-часто перестукивались колесные оси, как палочки заводного игрушечного барабанчика, а поездка протекала благополучно, и опасения Антонины Александровны не оправдывались* (Б. Пастернак). Здесь речь идет о сходстве производимых звуков, производящих приятное для слуха впечатление. Отрицательную оценку сравнения можно наблюдать у существительного *марионетка*, где в сравнении на первый план выходит признак «несамостоятельность, зависимость от чьей-то воли». Например: *Этот папаша держал многие ниточки в своих руках и многих мог заставить прыгать, как марионетки* (В. Токарева).

Характер оценки во многом определяется способом использования предмета человеком. Так, многие предметы посуды, употребляющиеся в сравнениях, создают отрицательный эффект: стакан, кастрюля и др. Например: *Однажды, во время такого замиранья, Надежда — нечаянно! — пролила вишневку на кассовую книгу.*

Лицо Веры опрокинулось, как тот стакан. Она села на табурет — потрясенная, онемевшая (Д. Рубина). Характер оценки зависит от типа ситуации, в которой употребляется имя. Привычные бытовые ситуации создают отрицательный ореол предметных имен. Например: *Светает. Осень, серость, старость, муть. / Горшки и бритвы, щётки, папильотки. / И жизнь прошла, успела промелькнуть, / Как ночь под стук обшарпанной пролётки* (Б. Пастернак).

Рассмотрим подробнее существительные, называющие посуду и некоторые другие бытовые предметы. Чаще они выделяются на функциональном основании [9] и не имеют других смыслов. Стакан, метла, кастрюля и др., выступая в соседстве с объектом сравнения, создают отрицательный фон. Например: *Что же мне делать, певцу и первенцу, / В мире, где наичернейший — сер! / Где вдохновенье хранят, как в термосе / С этой безмерностью В мире мер?!* (М. Цветаева). Термос — небольшое вместилище для хранения жидкости. Предметное имя вписывается в контекст, где противопоставленными оказывается безмерность и мир мер, второй мир наделяется отрицательной оценкой. Приведем пример с другим предметом обихода. Например: *Память зренья,*

своеволя, прихоть, / словно в пропасть без оглядки прыгать, / без конца проваливаться, падать / в память зренья, в зрительную память, / и копать под черными пластами / в памяти просеивать, как в сите (Ю. Левитанский). И сам предмет, и его функциональное предназначение просеивать задают обыденное прочтение. На роль предметного сравнения в связи с представлением разных типов ситуаций обратила внимание О. Ю. Казмирчук [10].

Если же предмет используется в торжественных ситуациях, он наделяется положительной оценкой. Предметное имя несет заряд подобной ситуации. Например: *Чтоб голову свою в шальных кудрях, / Как пенный кубок, возносил в пространство...* (М. Цветаева). Имена, называющие вместилища для жидкости, имеют разный когнитивный потенциал. Существительные *чаша, бокал, кубок* и др. вызывают в представлении торжественные ситуации. Или: *Со мною рядом синяя долина, / Как будто чаша, полная питья* (Н. Рубцов). В приведенном примере в качестве объекта сравнения называется природное имя, и для сравнения используется единица с положительным когнитивным потенциалом. Вино, как и вода, наделено в русской культуре положительным смыслом. Например: *Море Черное, словно чаша вина, / на ладони моей качается* (Б. Окуджава).

Предметное сравнение можно встретить и при описании внешности человека, и это обычно создает отрицательный эффект. Например: *Я надуваю щеки, как паруса. / Рыскаю в анфиладах, гася гостей* (Н. Байтов — НКРЯ); *Все еще с ума не сошла, / Хоть давным-давно полагалось, / хоть и волоса, как метла, / а метла с совком поругалась* (Н. Е. Горбаневская — НКРЯ).

Разный эффект мы наблюдаем, если в качестве эталона сравнения выступают предметы одежды. Чаще употребление таких имен представляет способ иронической характеристики. Например: *Он боялся не узнать Пашку и не узнал бы — не только потому, что тот сидел спиной к окну; Пашка оплелишвел, как старый полушубок, пятнистая лысина расплзлась по всему темени* (Д. Рубина); *Выразительные черные глаза его закатились, физиономия выглядела линялой, как старая майка* (Д. Рубина); *Неожиданно для самого себя он полностью поменял свой образ (тюрьма слезала с него ключьями, как грязные лохмотья* (Д. Рубина); *Вся скукожится, как старый рваный башмак* (из кинофильма «Служебный роман»).

Характер оценки такого предметного имени во многом определяется ситуациями, в которых используются эти предметы. Рубаха, лохмотья, старый полушубок представляют собой элементы обычных бытовых ситуаций и в силу этого заряжаются отрицательной оценкой. Из всего когнитивного потенциала такого имени (например, из прочного материала, красивый, удобный и др.) используются только признаки «старый», «ветхий», «изношенный». Так, используя предметное имя, Б. Окуджава создает сниженный образ войны: *Не верь войне, мальчишка, / не верь: она грустна. / Она грустна, мальчишка, / как сапоги, тесна* (Б. Окуджава). Другие предметы одежды могут создавать иной ореол

ситуации. Можно привести такие существительные, как *мантия, корона, шаль* и др. *Узкий, нерусский стан / Над фолиантами. / Шаль из турецких стан / Пала, как мантия* (М. Цветаева); *Опустившись до земли, солнце точь-в-точь, как до несчастья, дотягивалось до печных изразцов, зажигало коричневым жаром кофейные обои и вешало на стену, как женскую шаль, тень березовых ветвей* (Б. Пастернак). А существительное *плащ* в поэтическом языке (например, в поэзии М. Цветаевой) приобретает высокий смысл и становится символом рыцарства.

Особой энергетикой обладают имена с пространственным значением. На роль таких имен (дома и его пространства) в организации художественного мира текста обращали внимание разные исследователи, см., например, Е. Ю. Кольшева [11, 12]. Пространственными мы будем считать имена, называющие пространство обитания человека (*дом, больница* и др.) и его составляющие (*очаг, печка, лестница, калитка* и др.), а также более широкое пространство — *поле, лес* и др. То, что называет среду обитания, человек наделяет положительным смыслом. Таким пространством является *дом*. Однако есть и пространства, враждебные человеку: *дыра, бездна, труппы* и т. п.

Е. Ю. Казмирчук обратила внимание на роль «составляющих» пространства — пространственных имен в стихотворении Б. Л. Пастернака «Летний день» («...И вся земля раскалена, / Как жаркая лежанка»). «И здесь поэт... отождествляет разнородные начала, если в 1-й строфе дачные костры (нечто привычное, обыденное) отождествлялись с алтарями (сакральное начало), то теперь объединяются, уравниваются огромное и малое, земля сравнивается с лежанкой» [13, с. 188].

При исследовании пространственных имен встает вопрос о сравнительных конструкциях, привлекающих пространственные эталоны сравнения.

Сравнение привлекается для характеристики:

1) окружающей среды: *На дворе стоит июль. / Лето жаркое, как печка* (Ю. П. Мориц — НКРЯ);

2) природного живого мира: *В детстве мне встретился как-то кузнечик / в дебрях колечек трав и осок. / Прямо с колючек, словно с крылечек, / прыгивал он, как танцор, на носок* (Б. Окуджава);

3) человека: *Мы стоим — крестами руки — / безутешны и горды, / На окраине разлуки, у околицы беды, / где размеренный и липкий, / неподкупен ход часов / и улыбки, как калитки, / запираем на засов* (Б. Окуджава). «Составляющие» дома несут положительную энергию.

Положительную энергию такие имена имеют, в частности, в поэзии С. Есенина: *Полюбил я мир и вечность, / Как родительский очаг*. Большое человек постигает через родное и близкое ему.

Заслуживает внимания существительное *стена*, актуализирующее в сравнении разные стороны своего значения: защита для находящегося в доме (*как за каменной стеной*); разлука, разъединение (*глухая стена*): *Пространство,*

пространство, / ты нынче — глухая стена (М. Цветаева); размер: *А из векового графининового сада, засоренного сучьями валежника так, что он стал непроходим, заплывало во весь рост деревьев огромное, как стена большого здания, труппобно-пыльное благоуханье старой зацветающей липы* (Б. Пастернак).

Как и в случае предметных имен, можно видеть, что сравнение может быть организовано как вокруг основных признаков предмета, так и признаков периферийных.

Разный сравнительный потенциал имеют имена, называющие более отдаленное пространство. Это может быть доброе пространство: *рай: Сияют небеса, нетленные, как рай* (А. Фет); *мир* (А. Фет), *старый парк*. Враждебное пространство представляется через другие имена: *на дне: И тишина, как на дне* (Б. Окуджава); *чужой город: А стали заборы валить и с открытыми глазами ничего не узнаю, как в чужом городе* (Б. Пастернак); *ночные улицы: А вот вид — из зеркала молча пялилось на него пустое, дикое и белое, как эти ночные улицы, незнакомое лицо в обрамлении дурацких итальянских кудрей — вид был просто ужасен* (Д. Рубина) и др.

Заключение

Предметное сравнение — частое явление художественного текста. Многие группы предметных имен проявляют активный сравнительный потенциал. Предметные имена, представленные в настоящей статье, активируют свой богатый когнитивный потенциал. Многие их признаки входят в сравнительные конструкции. Чаще их сравнительные возможности находят отражение в сравнении с человеком. В сравнительной конструкции они реализуют свойства тех ситуаций, в которых эти предметы используются.

Предметы — естественное окружение человека, и от того, как человек взаимодействует с этим окружением, предметное сравнение заряжается положительной или отрицательной энергией. Бытовые ситуации определяют отрицательную оценку сравнений с предметным именем. Ситуации высокого порядка заряжают положительной энергией и предметное имя. Пространственное имя может называть и доброе, и враждебное пространство. Пространство, близкое говорящему, как правило, оценивается положительно.

Список источников

1. Девятова Н. М. Сходство как сравнительный смысл и его языковые репрезентации. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология»*. 2011; (2): 7–13.
2. Литвинов Ю. В. Типология образности сравнений (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Л.: ЛГУ; 1990. 20 с.
3. Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка. М.: URSS, 2020. 270 с.

4. Gargani A. *Poetic Comparisons: How Similes Are Understood*. Salford: University of Salford, 2014. 366 p.
5. Крылова М. Н. Какие сравнения наиболее популярны. *Русская речь*. 2008; (5): 80–83.
6. Крылова М. Н. Правильно ли мы сравниваем. *Русская речь*. 2014; 6: 44–49.
7. Девятова Н. М. Подобно и КАК: о сравнительных моделях с предметными актантами. Текст. Структура и семантика. Доклады XI Международной конференции. Т. II. М.: Спортакадемпредс, 2007: 220–225.
8. Девятова Н. М. Творительный сравнения: значение и функции в тексте. *Русский язык в школе*. 2008; (10): 47–51.
9. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари; 2000. 416 с.
10. Казмирчук О. Ю. Роль системы заглавий в художественном универсуме цикла Б. Л. Пастернака «Перedelкино». *Новый филологический вестник*. 2021; 1 (56): 197–206.
11. Kolysheva E. Yu. The space of light and darkness in the context of the creative history of M. A. Bulgakov's novel "The Master and Margarita". *Current issues of the Russian language teaching XIV*. Simona Koryčánková, Anastasija Sokolova (eds.) Masaryk University Press. Brno, 2020: 163–173.
12. Колышева Е. Ю. Пространство «вечного дома» в истории текста романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». *Филологические науки*. 2021; (1): 107–118.
13. Казмирчук О. Ю. Стихотворение Б. Л. Пастернака «Летний день» в контексте «перedelкинского» цикла. *Новый филологический вестник*. 2008; 1 (6): 188–193.

References

1. Devyatova N. M. Shodstvo kak sravnitel'ny'j smysl i ego yazy'kovy'e reprezentacii. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Russkaya filologiya»*. 2011; (2): 7–13. (In Russ.).
2. Litvinov Yu. V. Tipologiya obraznosti sravnenij (na materiale russkogo i anglijskogo yazy'kov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. L.: LGU; 1990. 20 s. (In Russ.).
3. Cheremisina M. I. Sravnitelny'e konstrukcii russkogo yazy'ka. M.: URSS, 2020. 270 s. (In Russ.).
4. Gargani A. *Poetic Comparisons: How Similes Are Understood*. Salford: University of Salford, 2014. 366 p.
5. Kry'lova M. N. Kakie sravneniya naibolee populyarny'. *Russkaya rech*. 2008; (5): 80–83. (In Russ.).
6. Kry'lova M. N. Pravilno li my` sravnivaem. *Russkaya rech*. 2014; (6): 44–49. (In Russ.).
7. Devyatova N. M. Podobno i КАК: о sravnitel'ny'x modelyax s predmetny`mi aktantami. *Tekst. Struktura i semantika. Doklady` XI mezhdunarodnoj konferencii*. Т. II. М.: Sportakadempredс, 2007: 220–225. (In Russ.).
8. Devyatova N. M. Tvoritel'ny'j sravneniya: znachenie i funkcii v tekste. *Russkij yazy'k v shkole*. 2008; (10): 47–51. (In Russ.).
9. Rahilina E. V. Kognitivny'j analiz predmetny'x imen: semantika i sochetaemost`. M.: Russkie slovari, 2000. 416 s. (In Russ.).
10. Kazmirchuk O. Yu. Rol` sistemy` zaglavij v xudozhestvennom universume cikla B. L. Pasternaka «Peredelkino». *Novy'j filologicheskij vestnik*. 2021; 1 (56): 197–206. (In Russ.).

11. Kolysheva E. Yu. The space of light and darkness in the context of the creative history of M. A. Bulgakov's novel «The Master and Margarita». *Current issues of the Russian language teaching XIV. Simona Koryčánková, Anastasija Sokolova (eds.) Masaryk University Press. Brno, 2020: 163–173. (In Russ.)*.
12. Koly'sheva E. Yu. Prostranstvo «vechnogo doma» v istorii teksta romana M. A. Bulgakova «Master i Margarita» *Filologicheskie nauki*. 2021; 1: 107–118. (In Russ.).
13. Kazmirchuk O. Yu. Stixotvorenje B. L. Pasternaka «Letnij den`» v kontekste «peredelkinskogo» cikla. *Novy`j filologicheskij vestnik*. 2008; 1 (6): 188–193. (In Russ.).

Информация об авторе

Надежда Михайловна Девятова — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологических дисциплин Института гуманитарных наук МГПУ.

Information about the author

Nadezda M. Devyatova — Doctor of Philology, associate professor, professor of the department of Russian language and methods of teaching, Institute of Humanities, MCU.

Научная статья

УДК 821.111(73)“18”

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.06

АНТИТЕТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ И АВТОРСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ В РОМАНЕ ДЖ. ОРУЭЛЛА «1984»

Баранова Ксения Михайловна¹,
Афанасьева Ольга Васильевна²

^{1,2} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

¹ BaranovKM@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2740-1643>

² AfanasievaOV@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1982-6577>

Аннотация. В статье исследуются авторские неологизмы, созданные Дж. Оруэллом в романе «1984», проводится анализ их значимости в поэтике произведения и рассматриваются наиболее типичные способы их создания. Авторы также анализируют проблему антитетических конструкций, введенных в повествование, в частности в рамках изучения противоположных значений новых слов новояза, вымышленного языка, используемого в сочинении.

Ключевые слова: неологизмы; антитеза; антитетический; упрощение; словообразовательные процессы; манипуляция.

Для цитирования: Баранова К. М., Афанасьева О. В. Антитетические конструкции и авторские неологизмы в романе Дж. Оруэлла «1984». *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*. 2022; 46 (2): 59–70. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.06

Original article

ANTITHETIC CONSTRUCTIONS AND THE AUTHOR'S NEOLIGISMS IN G. ORWELL'S NOVEL «1984»

Kseniia M. Baranova¹,
Olga V. Afanasieva²

^{1,2} Moscow City University,
Moscow, Russia

¹ BaranovKM@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2740-1643>

² AfanasievaOV@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1982-6577>

Abstract. The article deals with the author's neologisms created by G. Orwell in his novel «1984». It analyzes their importance in the poetics of this work as well as the most

typical ways of their formation. The article also touches upon the problem of antithetic constructions incorporated into the narration especially as specific characteristics of the new words that constitute the *newspeak's* vocabulary, the fictional language in the novel.

Keywords: neologisms; antithesis; antithetic; simplification; word-building processes; manipulation.

For citation: Baranova K. M., Afanasieva O. V. Antithetic constructions and the author's neologisms in G. Orwell's novel «1984». *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2022; 46 (2): 59–70. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.06

Джордж Оруэлл, британский писатель и публицист, известен в кругах литературоведов и лингвистов прежде всего как автор культового романа-антиутопии «1984», изданного в середине XX в. (1949 г.). Это произведение давно уже считается классикой жанра. В нарративе представлено описание общества Океании (вымышленный тоталитарный блок), которая в течение целого ряда лет находится в состоянии войны с иными странами. Главный герой романа — Уинстон Смит (Winston Smith) — по роду своей деятельности должен сохранять историю своей страны для будущих поколений, при необходимости исправляя ее. Подобная нужда возникает в том случае, когда факты, цифры, а также высказываемые жителями государства мнения и прогнозы не совпадают с идеологическими постулатами правящей партии. Фактически основное действующее лицо переделывает историю, переписывая ее в угоду правителям. Происходит рождение новой истины, которая, по сути, является ложью. Естественно, что такая работа оказывает серьезное влияние на жизнь молодого человека. Откорректированное в соответствующем ракурсе словесное пространство и реальное восприятие действительности Смитом входят в противоречие. Он ведет битву с самим собой.

Всех граждан Океании контролируют с помощью слежки и пропаганды, используя специфические технологии как инструмент этого контроля. Одним из них в определенном отношении является вымышленный язык — новояз (*newspeak*). В его состав автор романа включает большое количество созданных им лексических единиц, т. е. таких новообразований, которые ранее не фиксировались в системе языка. Эти слова ощущаются людьми, говорящими на этом языке, в качестве неких инноваций. Если подобные лексические единицы утрачивают налет новизны, они перестают восприниматься как неологизмы.

Так, появившиеся в английском языке конца XX в. слова *ecosystem* (экосистема, т. е. биологическая система, состоящая из живых организмов, среды их обитания, системы связей, осуществляющей обмен веществ и энергии между ними), *software* (программное обеспечение), *no way* (бесполезно), *awesome* (потрясающий) и многие другие в наши дни уже не являются неологизмами. В сознании англоговорящего сообщества XXI в. они прочно ассоциируются с основным словарным фондом английского языка. Отмеченные изменения

увеличивают интенсивность использования перечисленных выше лексических единиц в речи и тексте, во многих случаях приобретая иную стилистическую маркированность.

Как подчеркивают ученые, проводящие исследования в области неологии, эта сфера лингвистики «развивается сейчас столь же стремительно, как и сам объект ее изучения — новые слова» [1, с. 604]. По приводимым в цитируемой статье данным количество неологизмов значительно увеличивается, причем происходит это постоянно. Неологизмы в системе языка в определенной степени противостоят архаизмам, под которыми лексикологи обычно понимают вышедшие из употребления лексические единицы, хотя сам референт, именуемый ими, присутствует в экстралингвистической реальности, получая иное название. В роли подобных наименований могут выступать как неологизмы, так и заимствования, а также иные единицы языка.

Изучению неологистической лексики посвящено большое количество изысканий как у нас в стране, так и за рубежом [2–7]. При этом рассмотрению подвергаются в основном вопросы, связанные с толкованием термина «неологизмы», выделением тематических групп новых слов, сфер их функционирования, а также преимущественного использования словообразовательных моделей, по которым новые слова возникают в языке. Таким образом, данное исследование находится в русле актуальных изысканий нашего времени. Отметим, однако, что роль неологизмов в поэтике англоязычных произведений до сих пор не привлекала в должной мере внимания ученых, а анализ авторских неологизмов на фоне исследования антитетических конструкций в работах по указанной проблематике не проводился вовсе, что и определяет научную новизну данной работы.

В романе «1984» большинство неологизмов относятся к лексической системе вымышленного языка — новояз. Подчеркнем, что название этого языка было изобретено автором и в течение целого ряда лет воспринималось как неологизм, который появился в языке в результате словообразовательного процесса словосложения. В наши дни данный субстантив скорее является известным для многих именем существительным. Эту придуманную Дж. Оруэллом единицу употребляют как филологи, анализирующие текст произведения, так и представители иных гуманитарных наук — социологи, философы, политологи. Искусственный язык в романе является инструментом в руках правителей Океании, что неудивительно. Ведь, по мнению современных исследователей, «лидеры тоталитарного государства принимают активное участие в процессе очищения и табуирования языка» [8, с. 76].

Как было показано выше, современные литературоведы относят роман «1984» к жанру антиутопии, что предполагает «проецирование тенденций настоящего на ближайшее или отдаленное будущее» [9, с. 70]. При этом, как подчеркивает А. П. Горкин, антиутопические сочинения направлены на развенчание и в известной степени осмеяние распространенных социально-

политических доктрин, чаще всего претендующих на максимально быстрое разрешение сложнейших проблем человеческого бытия и установление идеальной общественной системы. Акцент также ставится на том, что антиутопия противостоит как уравнилельной идеологии, так и элитарным концепциям, обожествляющим научно-технический прогресс. Но она не призывает к упразднению последнего во имя патриархальной простоты и естественности бытия [Там же].

Помимо отмеченных выше характеристик анализируемое сочинение обладает определенными чертами, которые обычно свойственны публицистическим жанрам, что неудивительно, ибо до начала своей карьеры романиста Дж. Оруэлл опубликовал более десяти эссе на различные темы, в том числе «Заметки о национализме» (*Notes on Nationalism*, 1945), «Подавление литературы» (*The Prevention of Literature*, 1946), «Политика и английский язык» (*Politics and the English Language*, 1946). Таким образом, можно предположить, что личный опыт писателя в сфере публицистики наложил заметный отпечаток на концепцию создания новояза. В частности, в эссе, вышедших из-под пера писателя, можно усмотреть объяснение краткости созданных им единиц. По сути, выдуманный писателем язык — это своеобразная разновидность английского языка нового периода, созданная для выполнения указанной выше функции в анализируемом сочинении, в котором затрагиваются актуальные социальные, политические и философские проблемы эпохи середины XX в., а также показана субъективная интерпретация картины мира того времени, какой она видится автору. При этом создатель антиутопии в ходе развития сюжета романа постоянно высказывает свои соображения по волнующим его проблемам, что объясняет насыщенность нарратива философскими рассуждениями.

Новояз, придуманный писателем, обладает элементами своей собственной лексико-грамматической системы, в основе которой находится стандартный английский язык, или старояз (*oldspeak*) — термин, используемый для его обозначения в романе. Новояз и старояз противостоят друг другу, образуя антитезу. Эта стилистическая фигура контраста в художественном произведении подчеркивает оппозицию сопоставляемых сущностей. По ходу развития сюжета читателю становится ясно, что новояз должен вытеснить из употребления существующие структуры и единицы традиционного английского языка. Об этом говорит Сайм (*Syme*), приятель главного героя романа: «We're cutting the language down to the bone. The Eleventh Edition won't contain a single word that will become obsolete before the year 2050» [10]¹.

Введение в нарратив феномена вымышленного языка, стилистического приема антитезы и авторских неологизмов можно рассматривать как своеобразную специфику анализируемого произведения. Не последнюю роль

¹ «Мы срезаем с языка все лишнее, до костей. Старояз (т. е. современный литературный язык) будет окончательно вытеснен новоязом к 2050 году» (здесь и далее перевод В. П. Голышева. — К. Б., О. А.).

в появлении новояза сыграли созданные в XIX–XX вв. искусственные языки — бейсик (Basic English), интерлингва (Interlingua) и эсперанто. Иными словами, у придуманного Дж. Оруэллом языка были реально существующие прототипы — вышеупомянутые вымышленные языки.

Отметим, что новояз во многом действует на основе принципа двоемыслия (double think). Этот термин также был создан автором романа. Его суть можно выявить в главных идейных постулатах сочинения, которые построены на основе стилистического приема антитезы: «WAR IS PEACE. FREEDOM IS SLAVERY. IGNORANCE IS STRENGTH» [10]². Как следует из вышеприведенных фраз, по сути, первый субстантив каждого высказывания по своей семантике прямо противопоставлен второму, но одновременно структура предложения уравнивает их между собой. Иначе говоря, происходит соположение двух взаимоисключающих концептов и между ними ставится знак равенства.

Идею двоемыслия явно демонстрируют названия главных министерств, которые встречаются в тексте повествования, и то, чем реально занимаются сотрудники каждого учреждения:

- Министерство Правды (the Ministry of Truth) — фальсифицирует документы;
- Министерство Мира (the Ministry of Peace) — ведет военные действия;
- Министерство Любви (the Ministry of Love) — проводит пытки, при помощи которых происходит обучение двоемыслию и любви к партии;
- Министерство Изобилия (the Ministry of Plenty) — отвечает за нормированное распределение пайков для населения.

Иначе говоря, Министерство Мира занимается войной, Министерство Правды — ложью, Министерство Любви — пытками, Министерство Изобилия морит людей голодом.

У новояза и его лексики обнаруживаются четко выраженные характерные черты. В этом придуманном Дж. Оруэллом средстве общения как бы зафиксированы свойственные английскому языку середины прошлого века некорректности, которые являются таковыми, с точки зрения писателя. В созданном автором романа искусственном языке явно просматривается тенденция к упрощению. Писатель показывает, что в этом можно усмотреть желание представителей власти заставить население страны мыслить в правильном (т. е. нужном для руководителей) направлении. Иными словами, суждения граждан должны быть надлежащими, с точки зрения правителей. По сути же, цель новояза — притупить сознание людей, лишить их возможности воспринимать действительность объективно: «Newspeak was designed not to extend but to diminish the range of thought, and this purpose was indirectly assisted by cutting the choice of words down to a minimum» [10]³. В этом высказывании явно звучит мысль

² «Война — это мир. Свобода — это рабство. Незнание — это сила».

³ «Новояз был призван не расширить, а сузить горизонты мысли, и косвенно этой цели служило то, что выбор слов сводили к минимуму».

о том, что при создании новых слов тоталитаризм ставит весьма определенную цель. В том, как происходит ее реализация, можно усмотреть антитезу: правильное versus неправильное восприятие действительности; объективная versus необъективная ее оценка.

Анализ лексики новояза показывает, что она в большой степени характеризуется эвфемистичностью. Это, в частности, выражается в наличии вышеупомянутого двоемыслия. Как известно, лексикологи определяют эвфемизмы как слова или словосочетания, используемые вместо табуированных единиц, т. е. вместо тех, которые воспринимаются как неприличные, нетактичные, слишком прямолинейные или достаточно грубые [11, с. 210]. Самое большое количество эвфемизмов в романе — это политические или идеологические термины. В них отражаются искаженные представления людей об окружающей их реальности в целях смягчения негативного отношения членов сообщества к политической и социальной жизни в тоталитарном государстве. Например, так называемое Министерство Правды в действительности подменяет факты, изложенные в официальных документах, на недостоверную, но угодную правящей партии информацию. В результате общество лишается возможности узнать, каково реальное положение дел в стране.

Иными словами, авторские неологизмы в системе новояза ведут к ложному пониманию истины гражданами. Например, субстантив *joysamp* (лагерь радости, радлаг) является обозначением трудового лагеря, где содержащихся в нем людей принудительно заставляют вести трудовую деятельность, что вряд ли может ассоциироваться с идеей радостного времяпрепровождения. Принцип двоемыслия можно также усмотреть и в слове *duckspeak* (речекрякать). Об этом говорит Сайм, поясняя Уинстону наличие этого слова в системе новояза: «There is a word in Newspeak,» said Syme, «...duckspeak, to quack like a duck. It is one of those interesting words that have two contradictory meanings. Applied to an opponent, it is abuse, applied to someone you agree with, it is praise» [10]⁴. Поскольку данная многозначная единица соединяет в себе два противоречащих друг другу значения: 1) оскорблять оппонента и 2) хвалить единомышленника, — то здесь также можно усмотреть наличие антитезы.

Объяснения значений многих неологизмов читатель получает именно из уст Сайма, который работает филологом в одном из департаментов и создает новые версии лексических единиц этого языка. Автор при помощи данного персонажа вводит новые единицы в текст повествования: «A word contains its opposite in itself. Take ‘good’, for instance. If you have a word like ‘good’, what need is there for a word like ‘bad’? ‘Ungood’ will do just as well — better, because it’s an exact opposite, which the other is not» [10]⁵.

⁴ «В новоязе есть слово, — сказал Сайм <...> “речекряк” — крякающий по-утиному. Одно из тех интересных слов, у которых два противоположных значения. В применении к противнику это ругательство; в применении к тому, с кем вы согласны, — похвала».

⁵ «Ведь каждое понятие уже включает в себе свою противоположность. Возьмем, например, слово “хорошо”. Если оно есть, зачем нужно слово “плохо”? “Антихорошо” вполне сойдет,

Сайм также поясняет, что неологизм *ungood* (нехороший) оказывается предпочтительнее стандартного прилагательного *bad* (плохой), так как идея противопоставления выражена более наглядно в первой из приведенных в качестве примера лексем. Как отмечалось выше, существенным является также процесс симплификации, или упрощения системы языка. Ведь весь язык, как поясняет Сайм, становится менее сложным, если из него выводятся синонимические единицы. Об этом недвусмысленно заявляет сам герой: «Or again, if you want a stronger version of ‘good’, what sense is there in having a whole string of vague useless words like ‘excellent’ and ‘splendid’ and all the rest of them? ‘Plusgood’ covers the meaning, or ‘doubleplusgood’ if you want something stronger still» [10]⁶. Полную информацию о создаваемом Саймом и его коллегами языке читатель получает из лингвистического эссе «Принципы новояза», которое приводится в качестве приложения в конце произведения.

Способы создания неологизмов, входящих в новояз, весьма традиционны. Как и в реальном английском языке, это аффиксация, конверсия, словосложение и сокращение. Однако частотность их использования при образовании новых слов в созданном Дж. Оруэллом языке по сравнению с английским нашего времени несколько иная. Так, словосложение, которое можно считать доминирующим способом возникновения неологизмов в новоязе, далеко не всеми лексикологами рассматривается как таковое. В частности, ученые отмечают, что этот способ вряд ли можно считать наиболее типичным словообразовательным процессом для английского языка, так как в количественном отношении дериваты и конверсивы явно преобладают в системе английского языка XX–XXI вв. [11, с. 104]. По оценке лексикологов, тем не менее сложные слова и в наши дни представляют собой весьма типичные и характерные для английского языка лексические единицы [Там же].

Если же рассматривать исследуемый феномен в рамках неологии, то придется признать, что именно словосложение является ведущим способом создания новых слов для английского языка. К данному выводу приходит В. И. Заботкина, подчеркивая, что около 30 % (29,5 %) от всего корпуса неологизмов в конце XX в. занимали именно сложные слова, в то время как на долю дериватов приходилось 24 %, сокращений — 14 %, конверсивов — только 3 % [12, с.10]. Более поздние исследования по изучению проблемы продуктивности словообразовательных процессов в современном английском языке также на первое место выводят словосложение [143, с. 120]. На втором и третьем местах, по данным этого исследователя, оказываются процессы сокращения и аффиксации. Конверсия оказывается наименее продуктивным способом создания неологизмов [Там же].

будет даже лучше. Потому что это слово имеет прямо противоположное значение, а слово “плохо” такого значения не имеет».

⁶ «Опять-таки, если тебе потребуется более сильная форма слова “хорошо”, какой смысл иметь целую цепочку неопределенных, бесполезных слов вроде “отлично”, “превосходно” и т. д.? “Плюсхорошо” все это выразит или, если нужно сказать еще сильнее, “плюсплюсхорошо”».

Неудивительно, что большинство авторских неологизмов в анализируемом сочинении Дж. Оруэлла были созданы именно при помощи словосложения. Многие из них появляются в романе «1984» путем соположения основ. При этом образуются они по различным моделям. Это и традиционные для создания имен существительных модели N + N (dayorder — наказ) или Adj + N (ownlife — саможит, индивидуалист), N + V (crimethink — мыслепреступление) и Adj + V (newspeak — новояз) или V + V (speakwrite — аппарат с системой распознавания голоса). Отметим, что последние три модели не фиксируются в системе современного английского языка и слова, созданные подобным образом, естественно, в действующем языке не регистрируются. В традиционном формате вышеприведенные авторские неологизмы могли бы иметь, например, формы crimethought, newspeech/newlanguage, speakwriter/speechwriter, но поскольку новояз, как отмечалось выше, стремится к упрощению, писатель вводит в повествование отмеченные субстантивы, созданные по несколько неожиданным для англоговорящего сообщества моделям.

В этом плане интересно также проанализировать глагольную единицу новояза to blackwhite, образованную по модели Adj + Adj. Данное слово со значением «утверждать, что черное — это белое вопреки очевидным фактам» является ярким примером двоемыслия. Члены общества должны, если того требует власть, быть готовы назвать черное белым, точнее говоря, переиначить смысл лексической единицы. С лингвистической точки зрения определенный интерес представляет тот факт, что в нормативном английском по вышеприведенной модели могут быть образованы только имена прилагательные (light green — светло-зеленый, pale blue — бледно-голубой, bright red — ярко-красный). В исследуемом же романе Дж. Оруэлл использует модель Adj + Adj для образования глагола, что вряд ли представляется возможным по нормам английского языка.

В романе достаточно часто встречаются слова, созданные способом слияния двух или более усеченных основ. В качестве примеров подобных единиц можно привести имя существительное RecDep (образовано из словосочетания Records Department — отдел документации), а также субстантив thinkpol (образовано из сочетания двух единиц think и police — полиция мысли, мыслепол). По этой же модели образовано имя существительное Chocorat (образовано из сочетания chocolate ration — шоколадный паек). Похожий процесс создания сложносокращенного слова происходил и при образовании неологизма upsub (отправлять что-либо вышестоящему должностному лицу), с той лишь разницей, что первая основа не была подвержена каким-либо изменениям, а вторая является результатом усечения финальной части глагола submit (представить).

Неологизмы, созданные при помощи сокращения, как было отмечено выше, также весьма часто встречаются в новоязе, что неудивительно, поскольку для этого вымышленного языка важнейшими характеристиками являются краткость слов, легкость их артикуляции и запоминания. Примерами подобных

авторских неологизмов могут служить следующие сокращенные лексические единицы: *refs* (образовано от имени существительного *references* — рекомендации), *proles* (образовано от субстантива *proletarians* — пролетарии). Как известно, аббревиатуры представляют собой определенный подвид сокращений. Они тоже встречаются в тексте романа. В качестве примера можно привести единицу *V. V.*, используемую вместо хорошо известного сочетания *Big Brother*.

Деривационные новообразования также встречаются в вокабуляре новояза. Подчеркнем, что сама система этого вымышленного языка предполагает наличие строго лимитированных, зафиксированных в специальных словарях аффиксов (приставок и суффиксов). Помимо уже упоминавшихся словообразовательных префиксов *in-*, *plus-* можно выделить суффикс *-ful* для создания имен прилагательных (например, *goodthinkful* — благомыслящий, *speedful* — быстрый, скоростной), а также приставки *ante-* (например, в словах *antefiling* — до подшивки, *antegetting* — до получения); *over-* (как в субстантиве *overheads* — перевыполнение); *mal-* (как в адъективных единицах *malreported* — превратно доложенный, *malquoted* — превратно представленный).

Среди новых единиц вымышленного языка — новояза — встречаются и конверсивы: *think* (думать) и *think* (мысль), *duckspeak* (речекрякать) и *duckspeak* (речекряк). Отметим, что в тексте анализируемого сочинения слова, образованные по этой модели, немногочисленны.

Подводя итог проведенному анализу, можно заключить, что авторские неологизмы в исследуемом романе представляют собой лексические новообразования, созданные писателем по действующим в системе современного английского языка наиболее частотным словообразовательным моделям. Однако автор, используя их, во многих случаях отходит от существующих в реальном языке словообразовательных канонов в отношении частеречной принадлежности того или иного неологизма. При этом необходимо отметить наличие среди этой лексики новых слов, в семантике которых содержатся компоненты, указывающие на реализацию в них вышерассмотренного принципа двоемыслия (*doublethink*). По сути, здесь явно можно усмотреть проявление стилистического приема антитезы на семантическом уровне. Иначе говоря, в определенной части созданных Оруэллом неологизмов явно наличествует антитегическая составляющая.

Как указывают современные филологи, «в центр интересов современной лингвистики все более перемещается культурная (историческая) память слова» [14, с. 42]. Именно слово оказывается в большой степени проводником культуры, своеобразным хранителем исторической памяти. Этот момент, безусловно, можно усмотреть и в неологизмах, используемых в романе «1984». Осуществление контроля над мыслями и действиями граждан (основная функция новояза) достигается при помощи всех задействованных автором средств упрощения вымышленного языка: введение в нарратив авторских неологизмов,

антитетическое использование значений в полисемантических словах, сокращение количества синонимических единиц в лексической системе и т. д.

Дж. Оруэлл показывает читателю основные факторы развития вымышленного языка через характеристику одиннадцатого издания новояза: «The Eleventh Edition is the definitive edition <...>. We're getting the language into its final shape — the shape it's going to have when nobody speaks anything else. When we've finished with it, people like you will have to learn it all over again. You think, I dare say, that our chief job is inventing new words. But not a bit of it! We're destroying words — scores of them, hundreds of them, every day» [10]⁷.

Приведенная выше цитата показывает, что пока старояз не до конца искоренен из памяти граждан, в обществе существует вероятность возникновения сомнений в правильности политики властей, ибо граждане, используя старый вариант языка, еще не научились мыслить. Лингвистические механизмы, в частности удерживание в сознании населения двух разных антитетических значений одного полисемантического слова, принцип двоемыслия, играют здесь важную роль. Концепция, на которой построен новояз, равно как и тотальный контроль государства над сознанием людей, по сути, оказываются безуспешными. Разрушительная сила предложенного обществу вымышленного языка в конце концов завершится падением создавшей его системы.

Список источников

1. Кольцова Е. А. Неологизмы английского языка XXI в. *Вестник РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2017; 8 (3): 604–613.
2. Котелова Н. З. Теоретические аспекты лексикографического описания неологизмов. Избранные работы. СПб.: Нестор-История; 2015. 276 с.
3. Картель О. Н. «Новояз» и неологизмы в романе «1984» Дж. Оруэлла. *Идеи. Поиски. Решения*: сборник статей и тезисов X Междунар. науч. практ. конф., Минск, 23 ноября 2016 г.: в 6 ч. Ч. 5. Минск: БГУ; 2017: 49–55.
4. Темкина В. Л., Сафина А. С. Индивидуально-авторские новообразования в романе Джорджа Оруэлла «1984». *Современные исследования социальных проблем*. 2021; Т. 13. (1–2): 213–218.
5. Kerremans D. A Web of New Words: a Corpus-based Study of the Conventionalization Process of English Neologism. *English and American Studies in German*. 2015; (1): 8–10.
6. Hacken P. T., Thomas C. The Semantics of Word Formation and Lexicalization. Edinburgh: Edinburgh University Press, Inc.; 2013. 272 p.
7. Wei Liu, W. L. Analysis on the Word-formation of English Netspeak Neologism. *Journal of Arts & Humanities*, 2014; vol. 3, (12): 22–30.
8. Костева В. М. К вопросу о языковом пуризме в тоталитарных государствах. *Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2010; 1 (5): 73–79.

⁷ «Одиннадцатое издание — последний вариант <...> Мы придаем языку окончательную форму, ту, которую он примет, когда не будут говорить ни на каком другом языке. Когда мы закончим работу, всем вам придется выучить язык заново. Ты, наверно, думаешь, что мы главным образом выдумываем новые слова. Ничего подобного! Мы уничтожаем слова, десятки, сотни слов каждый день».

9. Горкин А. П. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. М.: Росмэн; 2006. 984 с.
10. Orwell G. Nineteen Eighty-Four. URL: <https://www.orwell.ru/library/novels/1984/english/> (дата обращения: 10.08.2021).
11. Антрушина Г. Б., Афанасьева О. В., Морозова Н. Н. Лексикология английского языка: учебник и практикум. М.: Юрайт; 2015. 287 с.
12. Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка. М.: Высшая школа; 1990. 124 с.
13. Воейкова А. А. Особенности словообразования новой лексики в английском языке (на примере неологизмов, зафиксированных на интернет-сайте www.wordspy.com). *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2015; (3–1): 119–122.
14. Бирюкова Е. В., Попова Л. Г. О тенденциях развития современного сравнительно-исторического, типологического, сопоставительного языкознания. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015; 11(53): 40–43.

References

1. Kol'cova E. A. Neologizmy' anglijskogo yazy'ka HKHI v. *Vestnik RUDN. Ser.: Teoriya yazy'ka. Semiotika. Semantika*. 2017; vol. 8 (3): 604–613. (In Russ.).
2. Kotelova N. Z. Teoreticheskie aspekty' leksikograficheskogo opisaniya neologizmov. *Izbranny'e raboty*'. SPb.: Nestor-Istoriya; 2015. 276 s. (In Russ.).
3. Kartel' O. N. «Novoyaz» i neologizmy' v romane «1984» Dzh. Oruella. *Idei. Poiski. Resheniya: sbornik statej i tezisov X Mezhdunar. nauch. prakt. konf.*, Minsk, 23 noyabrya 2016 g.: v 6 ch. Ch. 5. Mn.: BGU; 2017: 49–55. (In Russ.).
4. Temkina V. L., Safina A. S. Individual'no-avtorskie novoobrazovaniya v romane Dzhordzha Oruella «1984». *Sovremennyy'e issledovaniya social'ny'x problem*. 2021; T. 13. (1–2): 213–218. (In Russ.).
5. Kerremans D. A Web of New Words: a Corpus-based Study of the Conventionalization Process of English Neologism. *English and American Studies in German*. 2015; (1): 8–10.
6. Hacken P.T., Thomas C. *The Semantics of Word Formation and Lexicalization*. Edinburgh: Edinburgh University Press, Inc.; 2013. 272 p.
7. Wei Liu, W. L. Analysis on the Word-formation of English Netspeak Neologism. *Journal of Arts & Humanities*, 2014; vol. 3, (12): 22–30.
8. Kosteva V. M. K voprosu o yazy'kovom purizme v totalitarny'x gosudarstvax. *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie*. 2010; 1 (5): 73–79.
9. Gorkin A. P. *Literatura i yazy'k. Sovremennaya illyustrirovannaya e'nciklopediya*. M.: Rosmen; 2006. 984 s.
10. Orwell G. Nineteen Eighty-Four. URL: <https://www.orwell.ru/library/novels/1984/english/> (data obrashcheniya: 10.08.2021).
11. Antrushina G. B., Afanas'eva O. V., Morozova N. N. *Leksikologiya anglijskogo yazy'ka: uchebnik i praktikum*. M.: Yurajt; 2015. 287 s.
12. Zabotkina V. I. *Novaya leksika sovremennogo anglijskogo yazy'ka*. M.: Vy'sshaya shkola; 1990. 124 s.
13. Voejkova A. A. Osobennosti slovoobrazovaniya novoj leksiki v anglijskom yazy'-ke (na primere neologizmov, zafiksirovanny'x na internet-sajte www.wordspy.com).

Mezhdunarodny'j zhurnal prikladny'x i fundamental'ny'x issledovanij. 2015; (3–1): 119–122.

14. Biryukova E. V., Popova L. G. O tendenciyaх razvitiya sovremennogo sravnitel'no-istoricheskogo, tipologicheskogo, sopostavitel'nogo yazy'koznaniya. *Filologicheskie nauki. Voprosy' teorii i praktiki*. 2015; 11 (53): 40–43.

Информация об авторах

Ксения Михайловна Баранова — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии Института иностранных языков МГПУ.

Ольга Васильевна Афанасьева — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Института иностранных языков МГПУ.

Information about the authors

Kseniia M. Baranova — PhD (Philology), full professor, Head of the English Philology department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Olga V. Afanasieva — PhD (Philology), full professor professor of the English Philology department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Вклад авторов

Ксения Михайловна Баранова — сбор, анализ материала; обработка материала; написание исходного текста; итоговые выводы.

Ольга Васильевна Афанасьева — разработка концепции исследования; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors

Kseniia M. Baranova — material collection; material processing; writing the draft; methodology development; follow-on revision of the text; final conclusions.

Olga V. Afanasieva — research concept; follow-on revision of the text; final conclusions.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81-112

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.07

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИНТЕНСИФИКАТОРЫ ПРИЗНАКА СУБЪЕКТА В СТАРОФРАНЦУЗСКОМ И СТАРОПРОВАНСАЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ (CAR, PAR, BEN, JA, NEMJAS И ДРУГИЕ): ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Школьникова Ольга Юрьевна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

chkolnikova@mail.ru

Аннотация. В статье на материале старофранцузских и старопровансальских литературных текстов XI–XIII вв. рассматривается функционирование наречий, прилагательных, существительных, частиц и застывших выражений, выполняющих функцию усиления признака субъекта либо верификацию факта наличия или отсутствия признака субъекта. Интенсификация признака в старых текстах повышает уровень экспрессивности и выполняет коммуникативно-прагматическую задачу эмоционального воздействия и убеждения реципиента в истинности информации.

Ключевые слова: семантические интенсификаторы; старофранцузский; старопровансальский; признак субъекта; экспрессивизация.

Для цитирования: Школьникова О. Ю. Семантические интенсификаторы признака субъекта в старофранцузском и старопровансальском языках (car, par, ben, ja, nemjas и другие): особенности функционирования. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*. 2022; 46 (2): 71–83. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.07

Original article

SEMANTIC INTENSIFIERS OF THE SUBJECT SIGN IN OLD FRENCH AND OLD PROVENÇAL LANGUAGES (CAR, PAR, BEN, JA, NEMJAS AND OTHERS): FEATURES OF FUNCTIONING

Olga Yu. Shkolnikova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,

chkolnikova@mail.ru

Abstract. Based on the material of Old French and Old Provençal literary texts of the 11th–13th centuries, the article examines the functioning of adverbs, adjectives, nouns,

© Школьникова О. Ю., 2022

particles and frozen expressions that perform the function of strengthening the attribute of the subject, or verifying the presence or absence of the attribute of the subject. The intensification of the feature in old texts increases the level of expressiveness and performs the communicative-pragmatic task of emotionally influencing and convincing the recipient of the truth of the information.

Keywords: semantic intensifiers; Old French; Old Provençal; subject sign; expressivization.

For citation: Shkolnikova O. Yu. Semantic intensifiers of the subject sign in old french and old provençal languages (car, par, ben, ja, nemjas and others): features of functioning. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic education.* 2022; 46 (2): 71–83. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.07

1. Интенсивность как семантическая категория и актуальность ее изучения

Иntenсивность как семантическая категория в последнее время вызывает интерес исследователей современных языков. Это связано с тем, что, будучи одним из средств экспрессивизации высказывания, интенсивность находит все более широкое отражение в таких важных функциональных стилях, как публичная речь, язык прессы и язык рекламы, а также в разговорном языке и языке литературы.

Понятие «интенсивность» рассматривалось во многих классических работах, основные направления и критерии исследования в этой области разрабатывались на материале русского языка и иностранных, в первую очередь английского и немецкого, в сопоставлении языка и речи, на примерах из разных функциональных стилей.

Существуют разные виды количественной характеристики признака: точно измеренная величина, сравнительная величина, достаточная величина и предельно возможная величина. Существенно значимая величина, отражающая категорию интенсивности, противопоставляется вышеуказанным видам наличием ярко выраженной субъективности и отсутствием какой-либо внешней объективной точки отсчета. Простая констатация количества не является интенсификацией, так как не содержит в себе выражения субъективной значимости этого факта для говорящего и его оценки ситуации. Так, ученые отмечают, что интенсификация — это «выражение высокой степени качества или интенсивности действия или состояния», обязательно содержащее в себе оценочный компонент [1, p. 203].

Категория интенсивности в первую очередь выражается наречием «очень», совокупность семантических компонентов которого находит полное отражение в формулировке С. Е. Родионовой: «Говорящий хочет передать, что мера проявления качественного признака превышает обычную, нормальную. Говорящий считает, что это очевидно, этого нельзя не заметить, что это количественное

изменение приводит к некоему качественному изменению, что, возможно, влияет на все параметры обозначаемой стереотипной ситуации и требует переосмысления всей ситуации. Таким образом, говорящий считает, что знание о силе этого качественного признака имеет особую значимость для слушающего и должно повлиять на его ориентацию во внеязыковой действительности» [2, с. 153–154]. Исследователь отмечает прагматический характер категории «интенсивность» и ее связь одновременно с категориями качества и количества, а также выделяет такие составляющие, как «выделенность (релевантность)» и «выдвижение», которые относятся к сфере когнитивной лингвистики.

Второй важнейшей особенностью категории интенсивности является ее связь с категорией экспрессивности, так как высказывание, содержащее интенсифицированный признак, приобретает экспрессивный характер, что связано с желанием говорящего оказать эмоциональное воздействие на собеседника. Коммуникативную цель интенсификации исследователи видят не в том, чтобы продемонстрировать высокую степень признака, а в том, чтобы эффективно воздействовать на адресата при помощи аффективного компонента оценки [3, с. 111].

Лексические средства семантического усиления включают в себя интенсификаторы и интенсификаты; первые осуществляют эксплицитное усиление, вторые — в силу специфики своей семантики — имплицитное, при этом, эксплицитно усиливая на другие слова, они могут становиться интенсификаторами [2, с. 159–160].

Усилительное значение данных лексем (аргументативных коннекторов), создаваемое посредством десемантизации и метафоризации, следует, таким образом, рассматривать в контексте коммуникативно-прагматической задачи убеждающей аргументации, которую ставят перед собой авторы средневековых текстов, о чем пишут и специалисты по прагматике [4, URL]. Поэтому интенсификаторы можно рассматривать как элементы паратекста, текстовой периферии, которые способствуют реализации таких функций основного текста, как эмоциональное воздействие и убеждение читателя в истинности повествования.

«Периферийный путь убеждения читателя исходит от писателя как языковой личности и выражается зависящими от нее языковыми средствами» [Там же]. Для каждой эпохи и языкового социума существует свой набор таких средств. Материалом для данного исследования послужили ранние французские и провансальские тексты XI–XIII вв. Для литературных текстов этого периода характерна повышенная эмоциональность и обилие разнообразных паратекстовых элементов, не все из которых легко переводятся на современные языки. При этом, по нашим наблюдениям, повышение экспрессивности повествования происходит не только за счет усиления самого признака субъекта, но также и за счет акцентуации наличия или же отсутствия такого признака.

2. Основные группы старофранцузских и старопровансальских интенсификаторов признака

2.1. Усилители признака

К интенсификаторам признака — средствам, выражающим его интенсивность, — относятся наречия, частицы, приставки, суффиксы, прилагательные и устойчивые выражения с наречным значением. Они могут употребляться самостоятельно или в комбинации.

(1) Наречие *bien* < *bene* ‘очень’ частотно и полифункционально, следуя многим семантическим значениям своего латинского этимона, оно продолжает и его усилительную функцию по отношению к признаку глагола или прилагательного, к которому относится.

Si li truvez ki tres bien li aiut! ‘Найдите ему того, кто очень хорошо ему поможет!’ (Roland, 1872, p. 781)².

.XX. milie Francs retendrai ben vaillanz. ‘Двадцать тысяч франков оставляю себе очень доблестных.’ (Roland, 1872, p. 789).

E diss en motz ben convinentz. ‘И сказала очень уместными словами.’ (Ste. Foy, 1925, p. 292).

Ben es mortz qui d’amor no sen. ‘Очень мертв тот, кто любви не чувствует.’ (Bernart de Ventadorn [Цит. по: 5, с. 110]).

...bien me doi corecier. ‘...я должен очень разозлиться.’ (Raoul, 1881, p. 3087).

Ben es mos mals de bel semblan. ‘Очень приятны мои неприятности.’ (Bernart de Ventadorn [Цит. по: 5, с. 110]).

Не менее частотно появление наречия *bien* в функции интенсификатора наличия признака, что будет рассмотрено в соответствующем разделе нашей статьи.

(2) Наречия *tant* < *tantum* ‘настолько’ и *aitan* < *ad/id* + *tantum* ‘так’, восходят к латинскому наречию степени/количества признака, функционируют как усилитель признака состояния и признака действия.

E Oliver, qu’il tant roeit amer. ‘И Оливье, которого он так любит.’ (Roland, 1872, p. 2215).

O Deus! tant n’es est monz honraz! ‘О Боже! Так сильно этим этот мир прославлен!’ (Ste. Foy, 1925, p. 84).

«Don, qeus avez aitan tarzad? ‘Господин, что же вы так медлили?’ (Ste. Foy, 1925, p. 148).

(3) Прилагательное *tel* < *talis* ‘такой’, восходит к нереперентному значению латинского прилагательного — «имеющий такие исключительные характеристики (хорошие или плохие)».

¹ Здесь и далее перевод цитат наш. — О. Ш.

² В круглых скобках даны ссылки на цитированные тексты.

Et sancz Lethgiers mul en fud trist por ciel tel mel quae defors vid. 'И святой Леодегарий очень печалился из-за всего того (ужасного) зла, которое он видел за пределами города'. (St. Léger, 1967, p. 143–144).

(4) Наречие *si* < *sic* 'настолько', наследует от своего латинского предка интенсифицирующее значение.

Q'el si m'es belz & amoros. 'Так как он настолько прекрасен, по моему мнению, и достоин любви.' (Ste. Foy, 1925, p. 313).

(5) Еще одно наречие, ведущее свое значение от латыни, — неопределенное наречие количества *molt* < *multum* 'очень', усиливающее как признак качества, так и признак действия.

Fut la pulcele de molt halt parented. 'Девушка была из очень благородной семьи.' (St. Alexis, 2018, p. 41).

Molt le plag. 'Очень ей нравится.' (Ste. Foy, 1925, p. 87).

E dunc se sun molt penedid. 'И тогда они очень раскаялись.' (Ste. Foy, 1925, p. 346).

И наречие *tant*, и наречие *molt* могут комбинироваться с аугментативной приставкой *par* < *per*, восходящей к латинскому префиксу с тем же значением (например: *pergrandis*, *peramare*). В старофранцузских текстах она обычно встречается в конструкции с тмезисом, может употребляться и самостоятельно. Усиливает как признак состояния, так и признак действия.

Al David, cui Deus par amat tant. 'И во времена Давида, которого Бог очень любит.' (St. Alexis, 2018, p. 7).

Tant par fut bels, tuit si per l'en esguardet. 'Он так был красив, все так на него смотрели.' (Rol., 285).

Raoul ot nom, molt par avoit vigor. 'Раулем его звали, очень имел он большую силу.' (Raoul, 1881, p. 9).

Moult par en menja volentiers. 'Очень охотно он их съел.' (Renart [Цит. по: 6, с. 161]).

(6) Прилагательное с наречной усилительной функцией *tot* < *totum* 'весь', изначальное семантическое значение целостности превращается в усилительное в наречном употреблении. Можно встретить и в утвердительном, и в отрицательном предложении.

Czo vostre cabs n'er totz sanglentz. 'Ваша голова будет вся в крови.' (Ste. Foy, 1925, p. 288).

Sens tot forsfait qu'aiam audid! 'За ней нет никакого преступления, о котором мы бы слышали!' (Ste. Foy, 1925, p. 345).

(7) Наречие-интенсификатор *tres* < *trans* 'очень', появляется в середине XII в. как интенсификатор признака состояния.

La plus tres belle riens. 'Самая очень красивая женщина.' (Benoît, 1836, p. 136).

Значение усиления признака действия можно заметить и в глаголе *trestourner*, описывающем резкое активное движение — ‘опрокинуть, повалить’.

Jus a ses piez si l'ad tres tournet mort. ‘Вниз под ноги **так** его опрокинул мертвого’. (Roland, 1872, p. 2291).

(8) Наречие *trop* < fr. *throp ‘скопление, нагромождение’ впервые зафиксировано в «Песне о Роланде» как неререферентный указатель на увеличенный признак состояния или действия.

N'est guaires granz ne trop nen est petiz. ‘Он вовсе не велик и не **очень** мал.’ (Rol., 3822).

Tristran, vois m'en, trop i demor. ‘Тристан, я ухожу, **очень** долго я уже нахожусь здесь.’ (Tristan, 1965, p. 92).

(9) Наречие *assez* (см. пров. *asaz*) < lat. *pop. ad satis* ‘достаточно’ также функционировало как неререферентный усилитель признака состояния и действия.

...totz temps avez audid asaz. ‘...вы все время и **много** слышали об этом.’ (Ste. Foy, 1925, p. 34).

La gentz d'achi fo mal assaz. ‘Местные люди были **очень** плохими.’ (Ste. Foy, 1925, p. 38).

Martiri pres, e fort assaz. ‘Она приняла мучения и **очень** сильные.’ (Ste. Foy, 1925, p. 82).

D'aqi vi gran virtud assaz / Qe Deus fez sobre la fornaz. ‘Оттуда он видел **очень** большое чудо, которое Бог сотворил на решетке.’ (Ste. Foy, 1925, p. 355–356).

Ainz i ferrai de Durendal assez. ‘Напротив, я буду крепко драться Дюрендалем.’ (Roland, 1872, p. 1065).

(10) В старопровансальском зафиксировано наречие-интенсификатор, которое не встречается в северных текстах, — *nemjas* < *nimis*, от латинского этимона наследует значение ‘слишком, чрезмерно’. Интенсифицирует признак состояния.

Idolas tegrun nemjas car. ‘Идолы **слишком** обожают.’ (Ste. Foy, 1925, p. 124).

E czo vol far nemjas soen. ‘И хочет это делать **очень** часто.’ (Ste. Foy, 1925, p. 140).

Folz es qi nemjas se trebailla / Qe per mal far sos linz mais valla. ‘Безумен тот, кто **очень** старается прославить свой род злодеяниями.’ (Ste. Foy, 1925, p. 576).

(11) Как интенсификацию признака состояния можно рассматривать и десемантизированное употребление прилагательных *mervelleux* от *mirabilia*, *fort* < *fortem*, *menu* < *minutum* и выражения *souvent e menu*, каждое из которых является интенсификатором, изначально имея значение высокой степени признака.

.c. milie Francs pour lui unt grant tendrur; / E de Rollant merveilluse pour. ‘Сто тысяч франков испытывают к нему большую нежность и **ужасно** боятся за Роланда.’ (Roland, 1872, p. 843).

A merveilles s'en esbahirent. 'Они ужасно испугались.' (Renart [Цит. по: 6, с. 161]).

S'aiczo non es fort castiad. 'Если это не будет сильно наказано.' (Ste. Foy, 1925, p. 156).

Nonl dizun neiss un bon salud, Antz li menaczan molt menud. 'Они не только не поприветствовали ее, но сильно ей угрожали.' (Ste. Foy, 1925, p. 181–182).

Par mi cel host suvent e menu regarded. 'На войско он внимательно смотрит.' (Roland, 1872, p. 738).

(12) Морфологическим усилителем признака состояния может выступать суффикс **-isme** < *issimus*.

«*E! Durendal, cum es bele e seintisme!*» «О, Дюрендаль, какой ты прекрасный и в высшей степени святой!» (Roland, 1872, p. 2344).

(13) К синтаксическим средствам можно отнести дублирование глагола однокоренным существительным — **amer per amor** или усиление глагола обстоятельством — **ploror dels olhs**.

Si amava la dompna per amor. 'Он очень любил даму' (Cabestaing [Цит. по: 5, с. 104]).

Del cor sospir e dels olhs plor. 'Вздыхал сердцем и плакал глазами.' (Bernart de Ventadorn [Цит. по: 5, с. 109]).

(14) Как особую группу можно выделить интенсификаторы, подчеркивающие слабую степень признака, они представляют собой сравнительные обороты с предметами, не имеющими, по мнению автора, большой ценности, например **noix** < *nox*, 'орех', **denier** < *denarium* 'денье, в Средние века ее ценность составляла 1/12 су', **parisis** < *parisiis* 'денье парижской чеканки'.

Non prezallz folz totz una noz. 'Она считала этих безумцев не более существенными, чем орех.' (Ste. Foy, 1925, p. 190).

Czo lle non prezed un diner. 'Она не ценила это и в один денье.' (Ste. Foy, 1925, p. 339).

S'a ceste espée n'est de toi li chiés pris, / Je ne me pris vaillant .ij. parisis. / "Voir!" dist Raous, "molt vos estes haut pris". 'Если этим мечом не будет отрублена ваша голова, я не буду стоить и одного паризия. «Точно!» говорит Рауль, «очень дорого вы себя цените»' (Raoul, 1881, p. 2804–2806).

2.2. Интенсификаторы наличия признака или его отсутствия

Особую группу составляют не менее многочисленные средства верификации самой идеи наличия или отсутствия признака; в отличие от интенсификаторов признака, интенсификаторы наличия/отсутствия в гораздо меньшей степени находят соответствие при переводе на современные языки.

2.2.1. Интенсификаторы отсутствия признака

В современном французском языке усиление отрицания в застывшем виде присутствует в конструкции *ne ... pas*, которая восходит к французскому Средневековью.

Vos n'irez pas uan de mei si luign. 'Вы ни за что **не** поедете от меня так далеко.' (Raoul, 1881, p. 250).

В современном языке отсутствие необходимости репрезентации реального усиления отрицания можно заметить в разговорном употреблении при опущении первой части *ne* и в литературном употреблении при опущении второй части *pas*.

В старом языке, напротив, мы видим стремление авторов текстов усилить отрицание, т. е. подчеркнуть отсутствие признака. Для этого используются различные лексические средства.

(1) Частица **mie** < *mica* (*particulle négative de renforcement*) 'крошка, крупница', усиливает отрицание наличия признака действия и признака состояния.

Carles se dort, qu'il ne s'esveillet mie. 'Карл спит, и лучше бы ему **совсем** не просыпаться.' (Roland, 1872, p. 736).

Men escientre, tu n'ies mie des noz! 'По моему мнению, ты **совсем** не из наших!' (Roland, 1872, p. 2286).

(2) Местоимение **nient** < *ne gentem* 'никто, ничто' усиливает отрицание самого действия, в нижеприведенной цитате Роланд не совершает выбор, он энергично отрицает возможное действие:

«*Demi mon ost vos lerrai en present. / Retenez les, ço est vostre salvement*». / *Ço dist li quens: «Je n'en ferai nient!»* 'Половину войска я вам оставляю, Возьмите их себе, в этом ваше спасение. Сказал граф: «Я не буду этого делать **ни в коем случае**»' (Roland, 1872, p. 787).

(3) Прилагательное **nul** < *nullum* 'никакой', поскольку здесь также нет никакого выбора, прилагательное интенсифицирует отрицание наличия признака.

Ella nonn pres nulz espaventz. 'Ей было **совершенно не** страшно.' (Ste. Foy, 1925, p. 291).

(4) Наречие **gaires** < *fr. waigaro* 'много', в отрицательном контексте происходит изменение значения на 'немного, недолго', наречие превращается в интенсифицирующую отрицательную частицу. В нижеприведенной цитате речь не идет о том, что Роланду осталось недолго жить, отрицается сама возможность остаться в живых.

Jo oi al corner que guaires ne vivrat. 'Я слышу по звуку рога, что ему **ни за что** не удастся выжить.' (Roland, 1872, p. 2108).

(5) Усиленным отрицанием наличия признака действия становится конструкция наречия **mar** + *futur simple*, отрицательный императив. Этимологически это наречие предположительно возводится к латинскому словосочетанию *mala*

hora ‘к несчастью’, в конструкции с глаголом в будущем времени наречие десемантизируется. Может употребляться вместе с наречием *ja*.

Ja tar crerez Marsilie! ‘Ни в коем случае не верьте Марсилию!’ (Roland, 1872, p. 196).

(6) Наречие *gens* < *genus* ‘вовсе не’ так же подчеркивает отсутствие признака.

Vers mon seignor lo rei n’i ad gens de hontage. ‘За моего сеньора королю **ничего** стыдиться.’ (Voy. Charl, 1965, p. 617).

Gens non lai prendun bon sojorn. ‘**Совершенно точно**, что они там не проводят время хорошо.’ (Ste. Foy, 1925, p. 299).

E ges maltraiz no t’en fai esraven. ‘**И никакое** плохое обращение меня не пугает.’ (Cabestaigne [Цит. по: 5, с. 106]).

(7) Наречие *jamais* ‘никогда’ является усиленной формой наречия *ja* < *jam* + *magis* с временным значением, из наречия абсолютного временного отрицания ‘никогда’ превращается в интенсификатор отрицания наличия признака.

Qi vos a mort jamais ne l’amerai. ‘Того, кто вас убил, я **ни за что** не люблю.’ (Raoul, 1881, p. 3169).

2.2.2. Интенсификаторы наличия признака

Эта группа наречий подчеркивает сам факт наличия признака состояния или действия и хуже всего поддается переводу.

(1) Самым частотным интенсификатором наличия является *ben/bien* < *bene*, который сохраняется и в современном языке: например, *j’ai bien reçu ta lettre* (= то есть ты можешь не беспокоиться, письмо точно дошло). Оливье в «Песне о Роланде» говорит не о качественной стороне поездки, а о высокой степени возможности ее реализации, подчеркивая наличие признака действия.

Jo i puis aler ben. ‘Я **вполне** могу поехать.’ (Roland, 1872, p. 258).

Ve tenc lo Senhor per veray. ‘Я, действительно, считаю Господа истинным.’ (Jaufre Rudel [Цит. по: 5, с. 101]).

E qi vas lui ben se causi, sa part el Cel li dividedi. ‘И тому, кто, **не колеблясь**, выберет его, он даст свое место на небесах.’ (Ste. Foy, 1925, p. 322–323).

(2) Частица *car* < *quare* ‘ибо’, сохраняя следы семантики причинно-следственной связи с предшествующим высказыванием, усиливает признак действия, выраженный императивом.

Car chevalcez! Pur qu’aler arestant? ‘Скачите **же!** Зачем останавливаться?’ (Roland, 1872, p. 1783).

(3) Усилителем наличия признака становится и наречие *unkes* < *inquat*, происходящее из латинского временного наречия ‘никогда’, десемантизированного и потерявшего значение временной перспективы:

Après li dit: «Culvert paien, cum fus unkes si os / Que me saisis...» Потом сказал: «Трусливый язычник, как же ты **так** обнаглел, что меня схватил...» (Roland, 1872, p. 2292).

(4) Наречие *sempres* < *semper* ‘всегда’ развивает в старофранцузском дополнительное значение ‘немедленно’, и оба эти значения, ослабевая, превращают *sempres* в интенсификатор признака действия:

Sempres ferrai de Durendal granz colps. ‘Немедленно и всегда я буду наносить удары мечом.’ (Roland, 1872, p. 1055).

(5) Другая семантическая основа интенсификации идеи наличия признака — семантика истинности: частотными интенсификаторами признака действия в старых текстах становятся наречие *veirement* и оборот *per ver*, и даже отрицательные конструкции типа *ce ne puis je noier*, которые актуализируют сему истинности признака, подчеркивая таким образом саму идею его присутствия.

«*Bel sire nies, or savez veirement...*» ‘Любезный племянник, знайте же **истинно**.’ (Roland, 1872, p. 784).

Pur ço l’at fait que il voelt veirement / Que Carles diet e trestute sa gent / Li gentilz quiens, qu’il fut mort cunquerant. ‘Он потому так поступил, что **истинно** хотел, чтобы Карл сказал и все его люди: «Благородный граф, он был убит, сражаясь».’ (Roland, 1872, p. 2363).

Poderos es per ver. ‘Он действительно могуществен.’ (Ste. Foy, 1925, p. 316).

Tu m’adoubas, ce ne puis je noier. ‘Ты посвятил меня в рыцари, я не могу этого отрицать.’ (Raoul, 1881, p. 3056).

(6) Эту же идею усиления наличия признака семантикой истинности несут в себе и разнообразные клятвы: *par Dieu, par celui qui soufri passion, del cors s. Nicolai*.

Par Dieu, Ernaus, ta mort ai desirée. ‘Клянусь Богом, Эрно, я желал твоей смерти.’ (Raoul, 1881, p. 3002).

Par celui qui soufri passion, / Se ne li traits le foie et le poumon, / Je ne me pris vaillant .j. esperon. ‘Клянусь тем, кто терпел страдания, если я не проткну его печень и легкие, я буду считать себя ничтожнее шпоры.’ (Raoul, 1881, p. 3186–88).

Je vos desfi del cors s. Nicolai. ‘Я бросаю вам вызов, клянусь св. Николаем.’ (Raoul, 1881, p. 2794).

(7) В старофранцузском языке было также чисто грамматическое средство интенсификации наличия признака — ударная форма глагола *être*.

Tu iés singes, ele est singesse. ‘Ты, **на самом деле**, обезьяна, она тоже обезьяна.’ (Marie de France [Цит. по: 6, с. 143]).

2.2.3. Амбивалентные интенсификаторы

Усилители, функционирующие и в положительном, и в отрицательном контексте, восходят к латинским лексемам, но являются уже романскими производными.

(1) Наречие *ja* 'уже', в зависимости от контекста, может усиливать отсутствие признака или подчеркивать его наличие. В положительном контексте усиливает сему возможности совершения действия:

Si l'orrat Carles, ki est as porz passant. Je vos plevis, ja returnerunt Franc. 'Если его услышит Карл, который переходит через ущелье, я вас уверяю, **обязательно** вернутся франки.' (Roland, 1872, p. 1072).

Dit l'un a l'autre: «Karlun avrum nus ja!» 'Сказал один другому: «Карл **обязательно** будет с нами!»' (Roland, 1872, p. 2114).

В отрицательном контексте данное наречие развивается следующим образом: из латинского *jam* 'уже' развивается наречие со значением абсолютного временного отрицания 'никогда', изначально оно характеризовало действие относительно определенного временного плана, а потом стало абсолютным временным отрицанием, т. е. действие *уже* (больше) не будет совершаться, соответственно, не будет совершаться *никогда*. В дальнейшем временной план становится нерелевантным и абсолютное временное отрицание превращается в абсолютное отрицание наличия признака действия.

Non pausara ja <...> entro eiss Deu de ssa mort pag. 'Она не прекратит **уже** до тех пор, пока не заплатит Богу своей смертью.' (Ste. Foy, 1925, p. 90).

(2) Наречие *certes* от *certum* — французский амбивалентный усилитель, в сочетании с отрицанием наличия признака действия наречие выступает интенсификатором отрицания, в положительном контексте будет, напротив, усиливать наличие такого признака.

«Nu ferez certes!» dist li quens Oliver. 'Вы **ни за что** этого не сделаете.' (Roland, 1872, p. 255).

Or irez vos certes quant jol cumant. 'Вы **совершенно точно** пойдете, раз я вам приказываю.' (Roland, 1872, p. 327).

Заключение

Проделанный анализ позволяет сделать вывод о том, что старофранцузские и старопровансальские тексты демонстрируют высокую степень экспрессивности именно за счет лексических интенсификаторов признака, которые можно разделить на две группы: (1) интенсификаторы присущих субъекту признаков состояния и действия, сохраняющие свою семантику, восходящую к семантике латинских или (в некоторых случаях) германских лексем, и (2) частично десемантизированные интенсификаторы наличия или отрицания наличия признака действия. Эти две функции реализуются преимущественно разным составом лексем, за исключением наречия *bien*, которое способно усиливать как сам признак, так и верифицировать его наличие, а также наречий *certes* и *ja*, которые могут функционировать как в утвердительном, так и отрицательном контексте.

Список источников

1. Mathesius V. *Čeština a obecný jazykozpyt*. Praha [s. n.]; 1947. 200 p.
2. Родионова С. Е. Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке. Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры / ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука; 2005: 150–166. URL: https://iling.spb.ru/grammatikon/mater/ps_rodionova.pdf (дата обращения: 10.11.2021).
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС; 2002. 278 с.
4. Викулова Л. Г. Паратекст французской литературной сказки: прагмалингвистический аспект: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.05. Иркутск; 2001. 363 с. URL: <https://dlib.rsl.ru/01002313303> (дата обращения: 10.11.2021).
5. Алисова Т. Б., Плужникова К. Н. Старопровансальский язык и поэзия трубадуров. М.: Макс-пресс; 2011. 173 с.
6. Шишмарев В. Ф. Книга для чтения по истории французского языка. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР; 1955. 555 с.

Цитированные тексты

- Benoît, 1836. – Benoît de Saint-Maure Chronique des ducs de Normandie. Tome 1. Paris: Imprimerie Royale; 1836.
- Roland, 1872. – La chanson de Roland. Texte critique éd. par Léon Gautier & Tours, Maison Alfred Mame et fils; 1872.
- Ste. Foy, 1925. – La chanson de Sainte Foy d’Agen: poème provençal du XIe siècle, édité d’après le manuscrit de Leide avec facsimilé, traduction, notes et glossaire. Ed. par A. Thomas. Paris: E. Champion; 1925.
- Tristan, 1965. – Le Roman de Tristan (Béroul). Éd. par E. Muret. Paris: E.Champion; 1922.
- Charlemagne, 1965. – Le voyage de Charlemagne à Jérusalem et à Constantinople ed. Paul Aebischer. Geneva: Droz; 1965.
- Raoul, 1881. – Raoul de Cambrai. Chanson de geste, publié par MM. P. Meyer et A. Longnon. Paris: MDCCLXXXII; 1881.
- St. Alexis, 2018. – Vie de saint Alexis. Texte établi par Thomas Rainsford et Christiane Marchello-Nizia. Lyon: ENS de Lyon; 2018. URL: <http://txm.ish-lyon.cnrs.fr/bfm/pdf/AlexisRaM.pdf> (дата обращения: 10.11.2021).
- St. Léger, 1967. – Vie de saint Léger. Texte établi par D’Arco Silvio Avalle. Pavia: Tipografia del libro; 1967.

References

1. Mathesius V. *Čeština a obecný jazykozpyt*. Praha [s. n.]; 1947. 200 p.
2. Rodionova S. E. Semantika intensivnosti i ee vy`razhenie v sovremennom russkom yazy`ke. Problemy` funkcional`noj grammatiki. Poleyv`e struktury` / red. A. V. Bondarko. SPb.: Nauka; 2005: 150–166. URL: https://iling.spb.ru/grammatikon/mater/ps_rodionova.pdf (data obrashcheniya: 10.11.2021). (In Russ.).
3. Volf E. M. Funkcional`naya semantika ocenki. M.: Editorial URSS; 2002. 278 s. (In Russ.).
4. Vikulova L. G. Paratekst francuzskoj literaturnoj skazki: pragmalingvisticheskiy aspekt: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.05. Sankt-Peterburg; 2001. 29 s.

URL: <https://www.dissercat.com/content/paratekst-frantsuzskoi-literaturnoi-skazki-pragmalingvisticheskii-aspekt> (data obrashheniya: 10.11.2021). (In Russ.).

5. Alisova T. B., Pluzhnikova K. N. Staroprovansal'skij yazyk i poeziya trubadurov. Moskva: Maks-press; 2011. 173 s. (In Russ.).

6. Shishmarev V. F. (1955). Kniga dlya chteniya po istorii francuzskogo yazyka. Moskva; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR; 1955. 555 s. (In Russ.).

Quoted texts

Benoît de Saint-Maure Chronique des ducs de Normandie. Tome 1. Paris: Imprimerie Royale; 1836.

La chanson de Roland. Texte critique éd. par Léon Gautier & Tours, Maison Alfred Mame et fils; 1872.

La chanson de Sainte Foi d'Agen: poème provençal du XIe siècle, édité d'après le manuscrit de Leide avec facsimilé, traduction, notes et glossaire. Ed. par A. Thomas. Paris: E. Champion; 1925.

Le Roman de Tristan (Béroul). Éd. par E. Muret. Paris: E.Champion; 1922.

Le voyage de Charlemagne à Jérusalem et à Constantinople ed. Paul Aebischer. Geneva: Droz; 1965.

Raoul de Cambrai. Chanson de geste, publié par MM. P. Meyer et A. Longnon. Paris: MDCCCLXXXII; 1881.

Vie de saint Alexis. Texte établi par Thomas Rainsford et Christiane Marchello-Nizia. Lyon: ENS de Lyon; 2018. URL: <http://txm.ish-lyon.cnrs.fr/bfm/pdf/AlexisRaM.pdf> (data obrashheniya: 10.11.2021).

Vie de saint Léger. Texte établi par D'Arco Silvio Avalle. Pavia: Tipografia del libro; 1967.

Информация об авторе

Ольга Юрьевна Школьников — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романского языкознания МГУ им. М. В. Ломоносова.

Information about the author

Olga Yu. Shkolnikova — Doctor of Philology, Full professor, Professor of the Roman studies department, Lomonosov Moscow State University.

Научная статья

УДК 81-112

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.08

**РИТОРИЧЕСКИЕ МОТИВЫ
В РАННЕЙ ЛИРИКЕ И. А. БУНИНА (I)****Ганиев Журат Валиевич**Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

Ganiew.juratganiev@yandex.ru

Аннотация. В риторике редки случаи, когда к одному тексту применяются методы анализа (аргументы) двух риторик — античной и той, что названа в 50-е гг. XX в. общей, новой риторикой (Х. Перельман). В настоящей статье применен именно этот метод. Любой литературный гений делает в творчестве первые шаги и, независимо от его последующей собственной оценки своих первых творений, у риторики есть возможность проследить совершенствование творческого начала у знаменитого автора, опираясь на тексты полных собраний сочинений, черновики, первоначальные редакции и варианты.

Переосмысление классической риторики и формирование общей риторики явились результатом содружества ее со стилистикой, что с успехом было применено в анализе поэтической и — шире — литературно-художественной речи. Представители как старой, так и новой риторики считали, что конечной ее целью является обучение способам и средствам убеждения.

Ключевые слова: аргументы; риторический анализ; поэтический текст; детерминантные сведения; творческие ориентиры.

Для цитирования: Ганиев Ж. В. Риторические мотивы в ранней лирике И. А. Бунина (I). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*. 2022; 46 (2): 84–92. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.08

Original article

**RHETORICAL MOTIVES
IN I. A. BUNIN'S EARLY LYRICS (I)****Zhurat V. Ganiev**Moscow City University,
Moscow, Russia,

Ganiew.juratganiev@yandex.ru

Abstract. It appears a rare case in rhetoric when one text features the methods of analyzing two rhetorics — both the antique and the one that 1950s saw getting the title of «common», «new» (Chaime Perelman). This article is a representation of the abovementioned method applied. Any literary genius takes the first steps in creativity and, regardless

of his subsequent assessment to trace the improving creative trends of the now famous author (to study the complete works, preferably with drafts; pre-edited works and variations of the one and the same work).

The reinterpretation of classical rhetoric and the formation of general rhetoric proved the result of its cooperation with stylistics, which was successfully applied in the analysis of poetic (more broadly, literary and artistic) speech. Representatives of both old and new rhetoric believe that their ultimate goal is to teach ways and means of persuasion.

Keywords: arguments; rhetorical analysis; poetic text; determinant information; creative «milestones».

For citation: Ganiev Zh. V. Rhetorical motives in I. A. Bunin's early lyrics (I). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2022; 46 (2): 84–92. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.08

Аналогия в классической риторике — логический аргумент (логос), довод в пользу предлагаемого решения [1, с. 56; 2, с. 140–142]. Вспомним строки из ахматовского цикла «Тайны ремесла» (1940): «По мне, в стихах все быть должно некстати, / Не так, как у людей. / Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда, как лопухи и лебеда» («Мне ни к чему одические рати...»). Откровение А. Ахматовой, как и многочисленные комментарии в полных собраниях сочинений поэтов, убеждают в том, что творческий процесс придает исходному материалу вполне приемлемый вид и начальный вариант не должен огорчать автора: первые стихи в творческой биографии не бывают великолепными.

Другой член риторической пары, нуждающийся в поддержке ахматовской параллелью, — начальный период творчества И. А. Бунина. Приведем доводы, оправдывающие создание стиха, ставшего первой его публикацией. До 16 лет И. Бунин писал стихи, но не публиковался. Будучи весьма впечатлительным, в 1887 г. он был потрясен известием о кончине 24-летнего поэта, любимца российской публики С. Я. Надсона. Бунин откликнулся на это трагическое событие стихотворением «Над могилой С. Я. Надсона». Основа аналогии в данной риторической паре (творчество гениальной Ахматовой и творчество юного Бунина) — концепт «несовершенство».

Творчество Надсона оказало значительное влияние на умы и чувства читателей 1880–1890-х гг. Любимыми авторами Надсона были М. Ю. Лермонтов и Н. А. Некрасов. Семен Яковлевич при жизни часто выступал с публичным чтением своих стихов, успеху выступлений способствовала ораторская экспрессия стихов. Свидетели одного из таких выступлений в Киеве вспоминали бесконечные рукоплескания, небывалое торжество поэта, когда молодежь с триумфом вынесла на эстраду своего кумира.

С читателем Надсон говорил доверительно, в стихах преобладала интонация личного, дружеского, приятельского обращения. В стихотворении «Читатель» (1887) он чистосердечно говорил: «Он мне не брат — он больше брата: Всю силу, всю любовь мою, / Всё, чем душа моя богата, / Ему я пылко отдаю».

70–80-е гг. XIX в. принято называть эпохой безвременья, Надсон видел в них «мглу уныния, страха и печали». Он оправдывал разочарованность и бессилие современников: «Не вини меня, друг мой, — Я сын наших дней» (1883). А. А. Блок в последнее десятилетие своей жизни в поэме «Возмездие» (1910–1921) подтвердил репутацию эпохи 70–80-х гг.: «В те годы дальние, глухие, / В сердцах царили сон и мгла: / Победоносцев над Россией / Простер совиные крыла». О себе самом Надсон сказал: «Как мало прожито — как много пережито» («Маски сброшены», 1882).

При жизни Надсона его поэтическим и идейным кумиром был М. Ю. Лермонтов. В своем «Дневнике» за 1885–1886 гг. Надсон воскликнул: «Что ни говорите, а лучше Лермонтова нет у нас поэта на Руси. <...> Я сам сочувствую ему всей душой, <...> сам переживаю то, что он сам пережил и великими стихами передал в своих творениях» [3, с. 7]. В это же время почти то же по отношению к Лермонтову чувствовал и юный Бунин: «Писал я в отрочестве сперва легко, так как подражал то одному, то другому, — больше всего Лермонтову, отчасти Пушкину...» [4, с. 259].

Многие считали скончавшегося Надсона жертвой царящего режима. Как тут не вспомнить о кончине Пушкина и Лермонтова... И конечно, в качестве основы посвящения на кончину Надсона напрашивалась творческая, идейная, экспрессивная вершина лермонтовского гения — стихотворение «Смерть Поэта». В связи с этим создавалась творческая параллель не в пользу юного Бунина.

Творчеству психологически свойственно возвращаться к ключевым моментам произведений кумиров прошлого — это можно слышать в классических музыкальных произведениях, видеть в произведениях живописи, скульптуры и т. д. Подобные переключки свойственны и поэтическим произведениям. В лермонтовском шедевре вариации на пушкинские темы говорят читателям о духовной потере нации, о глубочайшем уважении, любви младшего коллеги к личности и творчеству Пушкина. Вот эти лермонтовские «версии», найденные комментатором И. С. Чистовой: «Погиб поэт! — *невольник чести...*» — выделенное словосочетание обращает к «Кавказскому пленнику» Пушкина; «Как тот певец неведомый, но милый...» — напоминание о Ленском из «Евгения Онегина»; «Зачем от мирных нег и дружбы простодушной / Вступил он в этот свет, завистливый идушный / Для сердца вольного и пламенных страстей?» — переключка со строками пушкинского стихотворения «Андрей Шень»; «А вы, надменные потомки / Известной подлостью прославленных отцов...» — концепция этих строк опирается на пушкинские представления о новой аристократии, захватившей ключевые позиции в обществе и оттеснившей старое дворянство, с судьбой которого Пушкин связывал национальную и историческую традицию [5, с. 677–678].

Несколько другое качество у реминисценций Бунина, взятых из лермонтовского шедевра. Не без влияния лермонтовского шедевра стихи Бунина написаны четырехстопным ямбом. Далее мы целиком приведем стихотворение Бунина с построчным комментарием, в котором указания на риторические аргументы перемежаются со случаями повторов из Лермонтова.

Над могилой С. Я. Надсона

01 Угас поэт в расцвете силы,
Заснул безвременно певец;
Смерть сорвала с него венец
И унесла под свод могилы.

05 В Крыму, где ярки неба своды,
Он молодые кончил годы.

И скрылись в урне гробовой
Его талант могучий, сильный,
И жар души любвеобильной,

10 И сны поэзии святой!..

Он мало жил, но благородно
Служил искусству с детских лет;

Он был поэт, душой поэт,
А не притворный, не холодный;

15 Могучей силой песнопенья

Он оживлял мечты свои;
В нем сердце билось вдохновеньем
И страстью искренней любви!

Корысть и ненависть глубоко

20 Он благородно презирал...

И, может быть, удел высокий
Его в сей жизни ожидал!..

Но ангел смерти быстрокрылый
Его уста оледенил,

25 И камень с надписью унылой
Его холодный труп сокрыл.

Умолк поэт... Но вечно будет

Он жить в преданиях времен,

И долго, долго не забудет

30 Отчизна лиры его звон!

Она должна теперь цветами

Гробницу юноши повить

И непритворными слезами

Его могилу оросить!

35 «Спи ж тихим сном!» — скажу с тоскою

И я, вплетая лепесток

Своей неопытной рукою

В надгробный лавровый венок.

[6, с. 455–456]¹

¹ Мы позволили себе для удобства дальнейшего анализа указать нумерацию строк.

В начале статьи средствами классической риторики мы отстаивали право начинающего поэта, каковым был Бунин, писать стихи, подчиняясь творческому и эмоциональному порыву, и на таком уровне, который ему доступен на данном этапе творчества². В стихотворении Бунина заметны штампы, тем не менее оно написано с искренним пиететом и сочувствием к поэту-демократу. Очень легко с сегодняшних позиций и зная об огромной поэтической высоте, которую набрал Иван Алексеевич и за которую Российская Императорская Академия наук дважды наградила Бунина Пушкинской золотой медалью и избрала почетным академиком по разряду словесности, критиковать его первую публикацию (см., напр., [7, с. 29–31]). Правильнее все же вчитываться в эти ранние строки Бунина, оценивая поэтические аргументы для формулирования микро-тем³, ведь в качестве продолжения в будущем предстоит риторический анализ еще шести-семи бунинских стихотворений, близких по времени их создания, в которых рост авторского мастерства налицо.

В общей риторике отмечен преимущественный интерес к исследованиям поэтического языка, сложившийся под влиянием русской формальной школы, ОПОЯЗа, трудов Р. О. Якобсона по поэтике [8, с. 17]. Высокая вариативность целевых (интенциональных) установок поэтической речи позволяет перейти от описания техники убеждения (классическая риторика) к нюансировке форм пробуждения эмпатии — сопереживания, ответных чувств, в данном случае скорби, горя, уныния, безнадежности — экспрессивной функции, соотносимой с чувствами отправителя сообщения. Порождение аффективного состояния у реципиента — это порождение этоса в качестве конечной цели и основной задачи риторики. При этом риторические факторы играют в поэзии главенствующую роль [9, с. 27].

Надгробная (траурная) речь в традиционной риторике — эпидейктическое, панегирическое произведение (энкомия); как музыка и цветы, она входит в похоронный ритуал, требует искренности и такта (в ней усопшего/ую поминают только добром). Эстетическая ценность стихотворной энкомии как экспрессивного акта строится на синтагматическом и парадигматическом сопоставлении тропов и фигур. Причины такого предпочтения становятся понятными при сопоставлении структур прозаического и поэтического текстов траурного предназначения.

² Основа психологии поэта — искусство быть услышанным. По мнению А. С. Пушкина, поэт в момент сочинительства и в остальное время — это два разных человека, которые между собой слабо связаны и «даже не общаются». В психологии творчества принято считать, что поэты обидчивы, ранимы, капризны, мнительны, подвержены резким перепадам настроения, которые они сами для себя, как правило, не могут рационально обосновать.

³ Сам И. А. Бунин этой публикацией был недоволен, сильно переживал и впредь запретил включать «Над могилой С. Я. Надсона» в собрания сочинений, в сборники. Более того, у другого стихотворения («Деревенский нищий», 1886) появился подзаголовок «Первое напечатанное стихотворение». В «Автобиографической заметке» (1915) Бунин рассказывает о своей первой публикации, которая якобы была весной 1887 г., на самом деле она состоялась в конце февраля 1887 г. в петербургском еженедельнике «Родина».

В стихотворении Бунина практически каждая из 38 строк (плюс заголовок) содержит в качестве риторического аргумента экспрессивный/е троп/ы, реже стилистическую фигуру. Все шесть строф (они от 10–12 до четырех строк) отличает экспрессивный накал как в тропах (лексике), так и в интонации. Всего в стихотворении 10 фраз, шесть из которых отмечены восклицательными знаками, из них четыре в концах строф — выгодная с точки зрения риторики стилистическая позиция. Экспрессия усиливается и за счет противопоставления местоимений 3-го и 1-го лица: на десять с лишним употреблений местоимений 3-го лица приходится лишь одно употребление местоимения 1-го лица в последней строфе — знак пиетета начинающего поэта (см. о роли местоимений в лирике Бунина: [10]).

Ниже перечислены аргументы (тропы и фигуры) из бунинского риторического посвящения покойному Надсону.

Заглавие — метафора, сильнейшее, как считал Р. О. Якобсон, по статусу средство, как аргумент в лирике. Всего в десяти предложениях стиха употреблено около трех десятков метафор различных типов.

Строфа I. Тема — кончина поэта; что смерть унесла с собой и последствия этого события.

Строка 1: две художественные метафоры (привычные), поставленные в позицию антиметаболы (*угас поэт* *» в расцвете силы*). Две версии, напоминающие «Смерть Поэта»: *Угас поэт* — почти повтор начала стихотворения Лермонтова и переключка со словосочетанием из конца второй строфы лермонтовского стихотворения) *«угас, как светоч, дивный гений»*.

Строка 2: обращают на себя внимание художественная метафора (*заснул... певец*) и устаревшее слово *безвременно*, придающее стиху высокую стилистическую окраску и торжественность. **Строка 3** содержит олицетворение (*смерть сорвала*) и две экспрессивные художественные метафоры (*сорвала венец*). **Строка 4:** экспрессивный однородный член-глагол *унесла* синтаксически связан с третьей строкой, этот троп также художественное олицетворение. Обе строки, третья и четвертая, в высоком стиле повествуют о безвозвратности случившегося.

Строка 5: неба *своды* не повтор слова *свод* могилы в четвертой строке, поскольку в первом случае сочетание означает метафору `купол неба`, а во втором — это поэтическая метафора `крышка гроба`. Краткое прилагательное *ярки* — экспрессивный эпитет, главная часть строки означает `Млечный путь`.

Строка 6 являет общеупотребительную метафору (ср.: *закончил* земной путь) и общеупотребительный эпитет *молодые* (годы). Метафорическое сочетание *кончил годы*, которое обычно употребляется с определением *свои*, в данном контексте соотносится со значением `скончался`. **Строки 7–10:** сложная метафора, состоящая из четырех частей, вобрала в себя четыре экспрессивно окрашенных эпитета (*могучий, сильный, любвеобильной, святой*), заключительный (удачная позиция в риторической семантике) имеет, кроме того, высокую окраску.

Строфа II. Тема — панегирик (в античном смысле) усопшему.

Строки 11–12: здесь экспрессии меньше, чем в строках строфы I. Но обращает на себя внимание поэтическая метафора, сочетающаяся с гиперболой

(служил искусству с детских лет). **Строка 13:** слово *поэт*, сказанное дважды, совмещает значения сказуемого и определения, превращаясь в эпитет, т. е. в тематическом значении это означает, что `усопший был существом высочайших творческих и моральных качеств`. **Строка 14:** эпитеты-антитезы (*не притворный, не холодный*) к значению `поэт` в строке 13.

Строки 15–18: раскрытие эпитета и антитезы в строках 13–14. Строка 15: стилистическая фигура гипербола, вобравшая в себя эпитет (*могучей силой*); высокаторжественное значение устаревшей метафоры *песнопенья* (церковнославянизм в значении `поэтическое творчество`). **Строки 15–16:** *оживляя* (мечты) — метафора-олицетворение. **Строки 17–18:** *билося* (чем) — двойная высокая метафора (+ строки 15–16) как развернутая антитеза к строке 14; эпитет *искренней*. **Строки 19–20:** черты характера усопшего: *презирал*, причем экспрессия (эпитеты *глубоко, благородно*) той же степени накала, что и в характеристике идеальных черт (*благородно, могучей силой, билося вдохновеньем* и т. д., строки 11–18). **Строки 21–22:** итог характеристики усопшего — предсказание-предположение по поводу его судьбы, если бы продлилась линия его жизни. Высокоокрашенное сочетание *удел высокий*, устаревшее и торжественное *в сей (жизни)*, метафора *удел (высокий — эпитет) его ожидал*.

Строфа III. Тема — непреодолимые обстоятельства в фатальной судьбе поэта. В **строках 23–26** тему «задает» противительный союз *но*. Сочетание *ангел смерти* ни одной из христианских конфессий неизвестно. Очевидно, Бунин не имел в виду какое-либо сакральное значение небесного создания и его действия. В других религиях (иудаизм, ислам, индуизм) есть упоминания об ангеле (смерти), находящемся рядом с умирающим человеком (*его уста оледенил*), — Азраил, Малак-Аль-Мавт, Яма (раджа). Вспомним также романтическое небесное существо Зораим из юношеской лермонтовской поэмы «Ангел смерти». **Строки 23–24:** постоянный эпитет *быстрокрылый* имеет словарную одобрительную коннотацию (напр., о ласточках, наших боевых самолетах и т. д.), что не вяжется с образом ангела смерти. Все сочетание воспринимается как окказиональная авторская метафора. Словосочетание *его уста оледенил* — метафорическая парафраза лермонтовского *и на устах его печать*. **Строки 25–26:** два эпитета (*унылой, холодный*). Молодой Бунин, очевидно, не знал, что *камень с надписью унылой* в день погребения на могилу не кладется. Высокую коннотативную окраску придает последней строке старинный вариант слова *сокрыл*.

Строфы IV–V. Тема — вечная память об усопшем в «преданиях времен».

Строки 27–34: традиционно-поэтическое и высокое коннотативное употребление лексических и грамматических средств. После понятной и простой метафоры начала (*Умолк поэт...*) — идея вечности его произведений (*Но вечно будет он жить* в преданиях времен): стилистическая фигура гипербола; *отчизна* (`родина, отечество`), употребленное в поэтическом творчестве Пушкина, Некрасова, любимых Буниным. Метафора *лиры его звон*. В пятой строфе видим новую для произведения модальность долженствования — «два долга отчизны» перед поэтом: *отчизна должна теперь цветами гробницу юноши*

повить и непритворными слезами его могилу оросить. Непритворными слезами оросить воспринимается как долг в ответ на панегирическое описание высоких моральных и творческих достоинств поэта во 2-й строфе.

Строфа VI. Тема — исполненное грустью отдавание почестей со стороны автора посвящения (определенное сходство с эмоциями см. в: [11]).

Строка 35: традиционная надгробная «формула» (ее синоним «Пусть земля будет тебе пухом»), уместная метафора. Больше других строк наполнена авторской печалью. **Строки 36–37:** две литоты (вплетая *лепесток* своей *неопытной рукою*) как стилистические фигуры, два последних слова — синекдоха. Литота — признание несовершенства созданного произведения (*лепесток*). *Скажу и я, вплетая лепесток* — метафора. **Строка 38:** имеется метафора. Ударение *ла́вровый* в последние десятилетия позапрошлого века могло иметь специальное употребление в ботанической науке. Вместе с вариативным ударением (на *о́*) обрело равноценное нейтральное употребление во второй половине прошлого столетия.

Поэт не просто использует тропы и стилистические фигуры как аргументы — на них держится все произведение: текст является в полном смысле поэтичным, поскольку в нем эффективно используются риторические средства. Это приводит к особому эстетическому эффекту — этосу, объекту художественной коммуникации. Аналитический подход, предложенный в данной работе, не противоречит интуитивному восприятию художественного целого, которое, естественно, не выдерживает расчленения, поскольку его сущность заключена в неделимости целого. Это фундаментальная методологическая проблема, требующая от читателя широкой эрудиции, обостренной чувствительности и как бы противоречащая процедуре анализа с помощью «карточек с примерами». Сложность литературного феномена состоит в том, что понятия эффекта и значимости играют в нем первостепенную роль. И чтобы проникнуться всем этим, реципиенту придется смириться с мыслью о разложении целого на составные части: он не довольствуется восприятием неприкосновенной эстетической данности, а реагирует на дискретные поэтические аргументы. Психологическая реакция читателя/слушателя состоит из процедуры оценки. Стилистические приемы описываются на уровне их автономной значимости, при которой сомнительными выглядят статистические подходы.

Список источников

1. Безменова Н. А. Очерки по теории и истории риторики. М.: Наука; 1991. 215 с.
2. Хазагеров Г. Г., Лобанов И. Б. Риторика. Ростов н/Д.: Феникс; 2004. 384 с.
3. Бялый Г. А. С. Я. Надсон. *Надсон С. Я. Полн. собр. стихотворений*. М.; Л.: Сов. писатель; 1962. С. 5–49.
4. Бунин И. А. Автобиографическая заметка. *Бунин И. А. Собр. соч.*: в 9 т. Т. 9. М.: Худ. лит.; 1967. С. 253–266.
5. Чистова И. С. Комментарии. *Лермонтов М. Ю. Сочинения*: в 2 т. Т. 1. М.: Правда; 1988. С. 660–713.
6. Бунин И. А. Над могилой С. Я. Надсона. *Бунин И. А. Собр. соч.*: в 9 т. Т. 1. М.: Худ. лит.; 1965. С. 455–456.
7. Роцин М. М. Иван Бунин. М.: Молодая гвардия; 2000. 329 с.

8. Авеличев А. К. Возвращение риторики. *Общая риторика*: пер. с франц. / Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон и др.; общ. ред. и вступ. ст. А. К. Авеличева. М.: Прогресс; 1986: 5–25.

9. *Общая риторика*: пер. с франц. / Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон и др.; общ. ред. и вступ. ст. А. К. Авеличева. М.: Прогресс; 1986. 392 с.

10. Гордеева О. М. Личное местоимение «ты» и функционально-семантическое поле адресованности в лирике И. А. Бунина. *Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2016; 1 (21): 100–106.

11. Ганиев Ж. В. Риторика душевных потрясений (анализ эссе В. П. Астафьева «И прахом своим»). *Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2019; 1 (33): 48–55.

References

1. Bezmenova N. A. *Ocherki po teorii i istorii ritoriki*. M.: Nauka; 1991. 215 s. (In Russ.).

2. Xazagerov G. G., Lobanov I. B. *Ritorika*. Rostov n/D.: Feniks; 2004. 384 s. (In Russ.).

3. B`aly`y G. A. S. Ya. Nadson. *S. Ya. Nadson. Poln. sobr. stixotvorenij*. M.; L.: Sov. pisatel` ; 1962: 5–49. (In Russ.).

4. Bunin I. A. Avtobiograficheskaya zametka. *Bunin I. A. Sobr. soch.*: v 9 t. T. 9. M.: Xud. lit.; 1967: 253–266. (In Russ.).

5. Chistova I. S. Kommentarii. *Lermontov M. Yu. Sochineniya*: v 2 t. T. 1. M.: Pravda; 1988: 660–713. (In Russ.).

6. Bunin I. A. Nad mogiloj S. Ya. Nadsona. *Bunin I. A. Sobr. soch.*: v 9 t. T. 1. M.: Xud. lit.; 1965: 455–456. (In Russ.).

7. Roshhin M. M. Ivan Bunin. M.: Molodaya gvardiya; 2000. 329 s. (In Russ.).

8. Avelichev A. K. *Vozvrashhenie ritoriki. Obshhaya ritorika: per. s francz. / Zh. D`ubua, F. Pir, A. Trinon i dr.; obshh. red. i vstup. st. A. K. Avelicheva*. M.: Progress; 1986: 5–25. (In Russ.).

9. *Obshhaya ritorika: per. s francz. / Zh. D`ubua, F. Pir, A. Trinon i dr.; obshh. red. i vstup. st. A. K. Avelicheva*. M.: Progress; 1986. 392 s. (In Russ.).

10. Gordeyeva O. M. Lichnoe mestoimenie “ty” i funktsional`no-semanticheskoe pole adresovannosti v lirike I. A. Bunina. *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovo obrazovanie*. 2016; 1 (21): 100–106. (In Russ.).

11. Ganiev Zh. V. Ritorika dushevny`x potryasenij (analiz e`sse V. P. Astafyeva «I praxom svoim»). *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovo obrazovanie*. 2019; 1 (33): 48–55. (In Russ.).

Информация об авторе

Журат Валиевич Ганиев — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологических дисциплин Института гуманитарных наук МГПУ.

Information about the author

Jurat V. Ganiev — Doctor of Philology, assistant professor, professor of the department of Russian language and methods of teaching, Institute of Humanities, MCU.

Научная статья

УДК 81'42:32

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.09

ПРИЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МНЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Трунова Наталья Владимировна

Военный университет им. князя А. Невского Министерства обороны Российской Федерации,
Москва, Россия,

n_trunova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу тенденций в политической западноевропейской и американской публицистике. Исходную платформу изучения вопроса составляет наблюдаемое явление переноса акцентуации в описании общественно-политических процессов и событий с объективного освещения происходящего в область субъективного восприятия и оценки. Актуальность проблематики подтверждается характерной для текущего момента перенасыщенностью информационного поля, отличающегося кардинальным расхождением оценок происходящих и комментируемых представителями разных политических партий и разных государств политических событий. В центре внимания публикуемого материала языковые приемы и принципы формирования общественного мнения в политическом публицистическом дискурсе, отличительной чертой которого в настоящее время является апелляция не к факту происходящего, а к эмоциональной реакции реципиента речи (текста). Основным фактором, определяющим ракурс подачи материала, является политическая и социальная ориентация издания. Статья носит аналитико-генерализующий характер. Выявляемые специфические черты политического публицистического дискурса экземплифицируются примерами из изданий открытого доступа Гардиан и Нью-Йорк Таймс. В статье приводится классификация политической лексики, систематизируются приемы формирования мнения, характерные для новой социальной парадигмы постправды. Анализ фактического языкового материала основан на использовании методики кейс-стади¹.

Ключевые слова: логика убеждения; персуазивные приемы; манипулятивная функция; политика постправды.

Для цитирования: Трунова Н. В. Приемы формирования мнения в политическом публицистическом дискурсе. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*. 2022; 46 (2): 93–103. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.09

¹ Примеры в тексте заимствованы из изданий: The Guardian, <https://www.theguardian.com>; The New York Times, <https://www.nytimes.com>

Original article

OPINION FORMATION TECHNIQUES IN POLITICAL PUBLICISTIC DISCOURSE

Natalya V. Trunova

Russian Federation Defense Ministry Alexander Nevsky Military University,
Moscow, Russia,

n_trunova@mail.ru

Abstract. The article features the analysis of tendencies in Western European and American political journalism. The initial platform for studying the issue is the observed phenomenon of the transfer of accentuation in the description of socio-political processes and events from objective coverage of what is happening to the sphere of subjective perception and evaluation. The relevance of the issue is confirmed by the current oversaturation of the information field which is characterized by a fundamental divergence of assessments of the current political events commented on by representatives of different political parties and states. The article is focused on language techniques and principles of public opinion formation in political publicistic discourse which at present is characterized by appealing not to the fact of what is happening but to the emotional reaction of the speech (text) recipient. The main factor determining the angle of presentation of the material is the political and social orientation of the publication. By its nature the article is analytical and generalizing. The identified specific features of political publicistic discourse are exemplified by extracts taken from *The Guardian* and *The New York Times* which can be openly accessed. The article provides a classification of political vocabulary, systematizes opinion forming methods characteristic of the new social post-truth paradigm. The analysis of factual linguistic material is based on the use of the case study methodology².

Keywords: logic of persuasion; persuasive techniques; manipulative function; post-truth politics.

For citation: Trunova N. V. (2022). Opinion formation techniques in political publicistic discourse. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic education*. 2022; 46 (2): 93–103. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.09

Введение / Introduction

Восходя к собраниям на рыночных площадях Античности, явление формирования общественного мнения претерпело множество изменений и в плане толкования его сущности, и в смысле целевых установок, и в репертуаре приемов риторики убеждения в общении оратора/автора с многочисленной аудиторией. Изначально расходясь во мнениях о роли того, что позднее получило именование общественного мнения, — хорошо известно, например, что Платон не усматривал особой значимости в том, чтобы учитывать «мнение масс» в решении государственных вопросов, поскольку народ не знал и не мог знать

² Examples are taken from: *The Guardian*, <https://www.theguardian.com>; *The New York Times*, <https://www.nytimes.com>

всех тонкостей политики внутри- и межгосударственных отношений, в то время как Аристотель утверждал, что потеря поддержки народа чревата потерей власти (над ним?), — философы и социологи гораздо более позднего периода, обращаясь к этой проблеме, выявили факторы, релевантные для понимания существа отношений в триадической системе «производитель – информация – реципиент», что приобретает особую значимость в современном, стремительно меняющемся мире, с переходами к новым парадигмам общения и форматам передачи информации.

Вместе с тем базовая концепция Античности создала основу для развития двух наиболее широко распространенных теорий взаимодействия производителя информации с целевой аудиторией, имеющего в качестве основной задачи формирование определенного общественного мнения. Авторами этих теорий являются американский политолог и журналист Уолтер Липпман и американский философ, психолог и реформатор системы образования Джон Дьюи. В частности, У. Липпман, опираясь на мысль Платона о миропонимании (простых) людей (в отличие от элиты), ограниченных некоторыми объективно существующими обстоятельствами или субъективными характеристиками мышления, считает, что общество не способно охватить постоянно меняющийся огромный мир как целостность в силу недостатка знаний и узости взглядов, вследствие чего всякий раз «рисует его картину» исходя из прошлого опыта и ракурса восприятия [1, р. 20–21; 2, р. 419–463]. И там, где в античные времена общество принимало (или не принимало) точку зрения глашатаев, в сегодняшнем информационном пространстве оно опирается на официальную информацию массмедиа [1, р. 20], на основании которой может формировать определенное мнение о некотором событии или ситуации. Там, где У. Липпман усматривает ингерентную неспособность общества не только к рациональному осмыслению происходящего, но и его адекватной вербализации, Дж. Дьюи находит выход в построении адекватного алгоритма речепроизводства, в создании приемлемых условий дискуссии и поиске персуазивных приемов [3, р. 398–405].

Необходимо, однако, отметить, что противоречия между положениями теорий этих двух ученых, равно как и тех философов, на постулаты которых они опираются, не особенно велики. Принимая утверждение Платона о том, что прерогатива принятия решений в общественных и политических вопросах принадлежит избранным, элитным слоям общества, которые диктуют массам свою волю и решения, создавая таким образом атмосферу всеобщего согласия, следует понимать, что и Аристотель, говоря о народе, имел в виду образованную (элитарную) часть общества. По сути, и в том и в другом случае речь, скорее всего, идет не о том, чтобы в решении серьезных проблем учитывать мнение народных масс, а о том, как сформировать отношение общества [4, р. 116–133] к событиям и фактам социальной и политической действительности, которые находятся в сфере его интересов.

Методология исследования / Methodology

Понимание политического дискурса как коммуникативного действия [5, с. 35] институционального или межличностного характера [6, с. 188–199] предполагает прежде всего анализ языковых структур его актуализации, но требует также учета контекстуальных факторов его реализации [7, с. 735–751] в плане определения его эпистемической достоверности и аксиологической установки. В первом случае внимание концентрируется на объекте коммуникации как утверждаемом событии, критерием определения второй составляющей служат ценностные ориентиры общества, устоявшиеся в его культуре моральные и нравственные нормы и принципы. Поэтому интерпретация текста политического публицистического дискурса не может сводиться исключительно к толкованию его референтного значения. Здесь должны учитываться такие контекстуальные актуализационные факторы, как место и время, социально-политические установки и ориентиры социума и правящих кругов, внутренняя и внешняя политическая ситуация, личностные предпочтения продуцента (автора сообщения).

Как утверждает, наиболее значимым фактором в квалификации функциональной значимости языкового выражения является его риторика: его соответствие жанру, сила воздействия на реципиента и эффективность в достижении результата, а не его соответствие реальности, определяемое в терминах дихотомии «истинно/ложно» [8, р. 131–139]. При этом смещение информационного акцента с отображения действительности на передачу ее эмоционально-оценочного восприятия автором в преломлении к его собственным критериям оценки может привести к искажению реально происходящего. Тем не менее именно этот принцип оказывается заложенным в новом направлении освещения происходящих событий, о чем около двадцати лет назад говорил тогдашний президент США Дж. У. Буш в одном из интервью, отмечая, что информация, основанная на реальности, себя изжила. Ей на смену пришла новая, искусственно создаваемая реальность, реальность мнения, которое изменчиво и зависит от задаваемых установок [9].

В действительности, реальность, в которой мы существуем, многогранна и чрезвычайно сложна. На любое событие, любой факт, явление, любую закономерность или случайность, любой политический вопрос или политическое действие, как утверждает М. Липски в предисловии к монографии М. Дж. Эдельмана «Политический язык: успех слова и провал политики», можно взглянуть с разных точек зрения [10, р. XVIII]. Но, поскольку политика, как правило, большинством членов общества воспринимается опосредованно и воздействие языка на формирование представления о политических событиях, действиях и отношениях очевидно, можно утверждать, что язык является инструментом воздействия на сознание человека, фиксирующим ракурс мироосмысления и определяющим характер отношений человека к миру и, соответственно, его взаимодействие с внешними обстоятельствами в плане создания некоторой эпистемической картины происходящего в аксиологическом преломлении собственных представлений [11, р. 14–15]. Последний фактор маркирует оценочный характер политического

публицистического дискурса, в котором центр внимания продуцента смещается с фактивной (дескриптивной) информации в сторону экспликации оценочных смыслов, формы выражения которых субъективируют высказывание в целом, поскольку отражают либо точку зрения продуцента, либо политическую ангажированность материала. Такой прагматический сдвиг демонстрирует отрицание значимости факта события, гиперболизирует оценочный смысл, смещающий вектор восприятия онтологии события, и, как правило, выполняет манипулятивную функцию.

Дискуссия и результаты / Discussion and results

Из десяти описываемых Н. Хомским коммуникативных стратегий [12, с. 26–35, 41–47] наиболее существенными в этом плане являются следующие: фрагментарность структурирования текста (в этом случае текст утрачивает целостность и сосредоточенность реципиента текста рассеивается), подмена реально существующей проблемы искусственно созданной (в рамках которой реципиент не имеет когнитивного опыта) с дальнейшим изложением заранее подготовленного плана ее решения, намеренная фальсификация фактов, создающая «другую реальность», или «псевдореальность» (post-truth reality), их тенденциозная интерпретация и, наконец, апелляция к личному опыту реципиента, поскольку предполагается, что объективные факты менее значимы, нежели личностные предпочтения и испытываемые реципиентом эмоции [13], стимулирующие его заинтересованность и создающие эффект вовлеченности.

Наиболее функционально нагруженной в реализации манипулятивных стратегий в политическом публицистическом дискурсе является номинативная функция языка. Классификация номинативных единиц языка, участвующих в актуализации политического публицистического дискурса, определяется согласно ряду последовательно применяемых критериальных показателей. Прежде всего это бинарная оппозиция «нейтральная – политическая» лексика. Политическая лексика, в свою очередь, предполагает разграничение в рамках дихотомии «имплементарная – комплементарная», соответственно, это лексические единицы осуществления политической дискуссии и единицы, используемые в комментариях наблюдателей политической полемики. В обеих стратах (имплементарной и комплементарной) вычленяется разряд терминологической лексики: draft law (*законопроект*), extended sanctions (*расширенные санкции*), home affairs commissioner (*европейский комиссар по внутренним делам*), state-sponsored scheme (*проект, поддерживаемый государством*), non-democratic regime (*недемократический строй*), international legislation (*международное законодательство*) и разряд аббревиатур: MP — Member of Parliament (*член парламента*), EU — European Union (*Евросоюз*), IMF — International Monetary Fund (*Международный валютный фонд*).

Обе страты (имплементарная и комплементарная) подразделяются по дихотомическому принципу «дескриптивная – оценочная»: to get involved in (*оказаться*

вовлеченным в), wealth inequality (имущественное неравенство), multinational corporations (многонациональные корпорации) vs brutal fighting (жестокая борьба), increasing animosity (возрастающая враждебность), fearful damage (ужасающие разрушения), a humanitarian disaster/catastrophe (гуманитарная катастрофа). При этом следует отметить, что в условиях детерминирующего контекста, т. е. такого, который является релевантным для определения статуса лексической единицы, возможно изменение функции дескриптивной лексемы и ее переход в разряд оценочных и наоборот, например tremendous success (потрясающий успех) и tremendous leverage (ужасающие возможности воздействия).

Основной акцент в таком случае делается на эмоциональном восприятии, поскольку хорошо известно, что эмоциональный импульс включает в себя весь комплекс сенсорных и когнитивных механизмов. В большей мере именно к эмоциям, а не к холодному рассудку апеллируют рекуррентные в политическом публицистическом дискурсе тропы и фигуры речи, так как стимулируют не рациональное, а ассоциативное мышление, порождающее целые цепочки ассоциативных связей и рисуящее визуальные картины. Переживаемые эмоции каждый реципиент примеряет на себя индивидуально, становясь, таким образом, вовлеченным в ситуацию или проблему и лично заинтересованным в ее разрешении.

Политическая публицистика сегодня метафорична [14, с. 101–107]. Аппликативный потенциал метафоры в разных типах дискурса, как правило, трактуется в рамках когнитивной лингвистики [15, с. 29] вслед за нашедшей в свое время публикацией американских ученых Дж. Лакоффа и М. Джонсона [16, р. 10–14], показавших метафоричность привычных обиходных выражений и впервые привлечших внимание к тому факту, что метафора представляет собой не просто игру слов, а входит в понятийный инструментарий мироосмысления. Это так называемая концептуальная метафора, как, например, в «The EU recently agreed to extend sanctions against Belarus, but it can only target Belarusian companies...» (Евросоюз недавно договорился о расширении санкций против Беларуси, но они могут нацеливаться только на белорусские компании...). Представляется, однако, что живая авторская метафора, используемая в политическом дискурсе, обладает большей экспрессией и имеет большую силу воздействия на сознание реципиента, например «those travel companies <...> are being part of a state-sponsored smuggling scheme orchestrated by a desperate and non-democratic regime» (эти осуществляющие перевозки компании <...> являются частью спонсируемой государством контрабандной махинации, режиссуру которой осуществляет доведенное до отчаяния недемократическое государство). Даже не прибегая к лингвистическому анализу используемого вокабуляра и тропов, можно говорить о предвзятом агрессивном освещении ситуации с беженцами на белорусско-польской границе в ноябре 2021 г. газетой «Гардиан».

Арсенал стилистических приемов, способствующих созданию определенного (в большинстве случаев ангажированного) мнения, достаточно широк, от относительно несложных эпитетов и сравнений до более изысканных метафор «Russia could develop new technologies to break out of this geopolitical

sage» (*Россия может создать новые технологии, чтобы вырваться из этой геополитической клетки*), метонимий «...the reality is that Downing Street is offering very little that is new» (...*в реальности Даунинг стрит предлагает очень мало чего нового*); «But Beijing seems to see little benefit in becoming a mediator in the conflict» (*Однако Пекин, кажется, не усматривает большой пользы в том, чтобы стать посредником в этом конфликте*) и антитез «Was it a major strategic move or just a “fun operation” meant more to hurt than to influence?» (*Это был серьезный стратегический ход, или просто забава, задуманная, скорее, чтобы задеть, чем оказать влияние?*).

Многие политические события рекуррентны (создание политических партий, выборные кампании, заседания парламента, внутренние и внешние конфликты, глобализация и дезинтеграция). Поэтому естественно, что существуют прецедентные случаи, основной целью освещения которых в публицистическом политическом дискурсе является формирование мнения [4, р. 116–133]. Когда возникает или создается прецедент, первым приемом в его оценке является установка, основная задача которой заключается в создании определенного первичного представления и в формировании отношения аудитории к факту или событию. Поскольку, как правило, основная аудитория (реципиент) не является непосредственным участником, она вынуждена опираться на приводимые свидетельства и (главное в сегодняшней парадигме) мнение продуцента [17, с. 15–23], что в большинстве случаев она и предпочитает сделать.

Существующие прецеденты создают предпосылки к аллюзивной экспликации. Стилистическое предназначение аллюзии заключается в создании яркого образа за счет возникающих ассоциаций: «Brexit <is> “a midsummer night’s nightmare» (*Брексит <это> кошмарный сон в летнюю ночь*). Красивая аллюзия с однозначным наложением сюжетных линий комедии У. Шекспира и реальных событий по выходу Великобритании из Евросоюза. Даже финалы совпадают: каждый остается при своем интересе. Формальная функция аллюзии в политическом дискурсе, собственно дискурсивная, состоит в воссоздании фрагмента языковой картины мира и в выстраивании событийных параллелей, когда источник (предшествующее событие) и мишень (то, что происходит в текущий момент) соотносимы в границах однородного, однопорядкового событийного пространства. В этом случае аллюзия, отсылая реципиента к фактам (не обязательно далекой) истории, представляет собой механизм расширения темпоральной перспективы: «“Russia-gate” will be a critical factor in American domestic politics...» (*скандальное вмешательство России <имеется в виду предвыборная президентская кампания> станет критическим для американской внутренней политики*). Недвусмысленная аллюзия, если вспомнить, что уотергейтский скандал закончился отставкой президента страны Ричарда Никсона.

Политический скандал восьмидесятых годов оказался настолько большим потрясением для англоязычного мира, что аллюзия к нему стала (крайне редкий случай) узуальной: уже на протяжении полувека авторы политических

публикаций в Великобритании и США напоминают читателям о наказаниях, которые должны следовать за преступлением черты закона: «The “partygate” scandal engulfing Boris Johnson has piqued public outrage that the prime minister was not playing by the rules he set for everyone else» (*Скандал с вечеринкой* <по поводу дня рождения британского премьер-министра, организованной в период локдауна> *захлестнувший Бориса Джонсона, вызвал негодование публики тем, что премьер-министр играл не по правилам, которые он определил для всех*). В плане передачи прагматических смыслов аллюзия (как любой художественный прием) оценочна. Ее ментальным проводником является ассоциативное мышление.

Функционально значимыми для формирования мнения аудитории в политическом публицистическом дискурсе являются структурные модели предложения. Более рекуррентными являются причинно-следственные и изъяснительные модели предложений.

Естественно, что в политическом публицистическом дискурсе в качестве подтверждения и доказательства описываемых событий используются все существующие приемы аргументации, в том числе дедуктивные рассуждения, эмпирический опыт, отсылка к авторитетному источнику, наличие иллюстративного материала. Вместе с тем в новых стратегиях изложения материала и выражения оценки в современном англоязычном политическом публицистическом дискурсе, в большей мере оперирующем не столько фактами, сколько их преломлением сквозь призму личного субъективного восприятия, в преломлении к устойчивым оценочным стереотипам, и апелляцией к эмоциональной реакции реципиента, во все большей степени применяются приемы манипуляции сознанием, т. е. навязывание аудитории неприемлемой для нее точки зрения [18, с. 43–48] в новой парадигме постправды (post-truth reality).

Технологии манипулятивного воздействия связаны с приемами обработки и подачи материала. Информация, как правило, обрабатывается таким образом, чтобы подвести реципиента к необходимому (требуемому, задаваемому, планируемому) пониманию происходящего и принять адекватное моменту (или удовлетворяющее «заказчика») решение. С этой целью в первую очередь используется прием фрагментации, когда информация разбивается на отдельные незавершенные в смысловом плане блоки. При этом некоторые значимые блоки информации осознанно опускаются, что может кардинально изменить актуальную картину событий. Кроме того, нарушается логика последовательности событий (причина и следствие меняются местами). В жестком манипулятивном контексте может происходить подмена фактов и понятий [19, с. 70–74]. Перенасыщенность информационного пространства, противоборство интересов, несовпадение личных предпочтений участников освещения происходящего, отсутствие (несоблюдение) единства принципов подхода к освещению политических событий приводят к недопониманию или полному непониманию происходящего сторонами и столкновению точек зрения, что чревато социальными конфликтами.

Заключение / Conclusion

Предназначение публицистического политического дискурса заключается в установлении и обеспечении отношения доверия общества политической линии государства в решении внутренних задач и взаимодействия с внешним миром. На этом основании следует признать, что ключевая функция политического публицистического дискурса является не дескриптивной, а прескриптивной, побудительной. Ее реализация вербально опосредована и предполагает наличие и взаимодействие модусов языковой экспликации в достижении устойчивого убеждения.

Формирование мнения — это психологический процесс, требующий от отправителя информации а) широты охвата происходящего в соотношении как с иными одновременными событиями, так и с событиями ближней и дальней ретроспективы, б) глубокого осмысления причинно-следственных линий развития комментируемого события, в) четкого понимания цели представления информации аудитории, г) владения психологическими и речевыми приемами убеждения. Информация воспринимается в задаваемых рамках, если она ложится на подготовленную почву, т. е. когда социальная среда готова не только к восприятию сложной ситуации или проблемы, ставящей человека перед выбором, но и к тому ракурсу, в котором она представляется целевой аудитории, как правило, рассуждающей о политике на бытовом уровне. Поэтому биты информации подаются дозировано, в модальности предположения и сопровождаются простыми и верифицируемыми примерами. Такое «введение в тему», так называемая техника превентивного убеждения [20, с. 10–13] создает настрой и готовность принять предлагаемую аргументацию, поскольку на ассоциативном уровне она согласуется с уже сформированным фрагментом картины мира. Функционально эта техника амбивалентна, поскольку может привести как к положительному результату (выбору действительно адекватной ситуации), так и к отрицательному (ангажированному).

Важно отметить два фундаментальных актуализационных свойства публицистического политического дискурса: его экспрессивность как апелляцию к чувственному восприятию и агрессивность как стратегию внушения.

Анализ фактического языкового материала, основанный на использовании методики кейс-стади, позволяет заключить, что западноевропейское и американское политическое сообщество последовательно вводит свою аудиторию в новую политическую парадигму, определяемую как *post-truth-reality*, опирающуюся не на достоверность факта, а на субъективно переживаемые эмоции и настроения.

Список источников

1. Lippmann W. Public Opinion. New York: Macmillan; 1922. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/6456/pg6456.html> (дата обращения: 25.03.2022).
2. Dewey J. Logic: The Theory of Inquiry. New York, NY: Holt, Rinehart and Winston; 1938. 546 p.
3. Dewey J. The Public and Its Problems. NY: Henry Holt and Company; 1927. 224 p.

4. Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ. *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования*: учеб. пособие / отв. ред. М. Н. Володина. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова; 2003: 116–133.
5. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: монография. Волгоград: Перемена; 2000. 328 с.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена; 2002. 477 с.
7. Van Dijk T. A. What is political discourse analysis. Blommaert, J.; Bulcaen, C. (eds.) *Political Linguistics*. Amsterdam: John Benjamins; 1997: 11–52.
8. Zolyan S. Language and political reality: George Orwell reconsidered. *Sign Systems Studies*. 2015; 43 (1): 131–149.
9. Suskind R. Faith, Certainty and the Presidency of George W. Bush. *The New York Times* October 17). URL: <http://www.nytimes.com/2004/10/17/magazine/17BUSH.html?r=0>, 2014 (дата обращения: 23.03.2022).
10. Lipsky M. Introduction. Edelman M. J. *Political Language. Words that Succeed and Policies that Fail*. NY: Academic Press; 1977. 188 p.
11. Edelman M. J. *Political Language. Words that Succeed and Policies that Fail*. NY: Academic Press; 1977. 188 p.
12. Chomsky N. Media Control. The Spectacular Achievement of Propaganda. Seven Stories Press; 2002. 58 p.
13. Fridlund P. Post-truth Politics, Performatives and Force. *Jus Cogens*. 2020. 2. URL: <https://doi.org/10.1007/s42439-020-00029-8> (дата обращения: 20.03.2022).
14. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. М.: Флинта: Наука; 2008. 248 с.
15. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т; 2013. 176 с.
16. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press; 1980. 256 p.
17. Кара-Мурза С. Г. *Манипуляция сознанием. Век XXI*. М.: Алгоритм; 2015. 464 с.
18. Маслова В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры слова. *Политическая лингвистика*. Вып. 1 (24). Екатеринбург, 2008: 43–47.
19. Веснин А. В. Технологии формирования общественного мнения. *Власть*. 2016; 6: 70–74.
20. Чалдини Р. Психология согласия: революционная методика пре-убеждения. (Б. м.) Издательство Бомбора; 2017. 384 с.

References

1. Lippmann W. *Public Opinion*. New York: Macmillan; 1922. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/6456/pg6456.html> (data obrashheniya: 25.03.2022).
2. Dewey J. *Logic: The Theory of Inquiry*. New York, NY: Holt, Rinehart and Winston; 1938. 546 p.
3. Dewey J. *The Public and Its Problems*. NY: Henry Holt and Company; 1927. 224 p.
4. Demyankov V. Z. Interpretatsiya politicheskogo diskursa v SMI. *Yazy'k SMI kak ob'ekt mezhdisciplinarnogo issledovaniya*. М.: Izd-vo MGU; 2003: 116–133. (In Russ.).
5. Sheygal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa*. Volgograd: Peremena; 2000. 328 s. (In Russ.).

6. Karasik V. I. Yazy'kovoj krug: lichnost', kontcepty', diskurs. Volgograd: Peremena; 2002. 477 s. (In Russ.).
7. Van Dijk T. A. What is political discourse analysis. Blommaert, J.; Bulcaen, C. (eds.) *Political Linguistics*. Amsterdam: John Benjamins; 1997: 11–52.
8. Zolyan S. Language and political reality: George Orwell reconsidered. *Sign Systems Studies*. 2015; 43 (1): 131–149.
9. Suskind R. Faith, Certainty and the Presidency of George W. Bush. *The New York Times* October 17). URL: <http://www.nytimes.com/2004/10/17/magazine/17BUSH.html?r=0>, 2014 (data obrashheniya: 23.03.2022).
10. Lipsky M. Introduction Edelman M. J. *Political Language. Words that Succeed and Policies that Fail*. NY: Academic Press; 1977. 188 p.
11. Edelman M. J. *Political Language. Words that Succeed and Policies that Fail*. NY: Academic Press; 1977. 188 p.
12. Chomsky N. Media Control. The Spectacular Achievement of Propaganda. Seven Stories Press; 2002. 58 p.
13. Fridlund P. Post-truth Politics, Performatives and Force. *Jus Cogens*. 2020. 2. URL: <https://doi.org/10.1007/s42439-020-00029-8> (data obrashheniya: 20.03.2022).
14. Budaev E. V., Chudinov A. P. Metafora v politicheskoy kommunikacii. M.: Flinta: Nauka; 2008. 248 s. (In Russ.).
15. Chudinov A. P. Ocherki po sovremennoj politicheskoy metaforologii. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvenny'j universitet; 2013. 176 s. (In Russ.).
16. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press; 1980. 256 p.
17. Kara-Murza S. G. Manipulyaciya soznaniem. Vek XXI. M.: Algoritm; 2015. 464 s. (In Russ.).
18. Maslova V. A. Politicheskij diskurs: yazy'kovy'e igry' ili igry' slova. *Politicheskaya lingvistika*. Ekaterinburg; 2008; 1 (24): 43–47 (In Russ.).
19. Vesnin A. V. Texnologii formirovaniya obshhestvennogo mneniya. *Vlast'*. 2016; 6: 70–74. (In Russ.).
20. Cialdini R. Psixologiya soglasiya: revolyucionnaya metodika pre-ubezhdeniya. (B. m.) Izdatel'stvo Bombora; 2017. 384 s. (In Russ.).

Информация об авторе

Наталья Владимировна Трунова — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка (основного) Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации.

Information about the author

Natalya V. Trunova — PhD (Philology), docent, associate professor of the English as a first language department, Russian Federation Defense Ministry Military University.

Научная статья

УДК 81'342

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.10

**БЕЗУДАРНЫЕ РЕДУЦИРОВАННЫЕ ГЛАСНЫЕ
В ПЕРСОНАЛЬНОМ И МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТА
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

Луганцева Юлия Сергеевна¹,
Караваева Вероника Георгиевна²,
Андросова Светлана Викторовна³

¹ Дальневосточное высшее общеобразовательное командное ордена Жукова училище
им. Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского,
Благовещенск, Россия,

² Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

³ Амурский государственный университет,
Благовещенск, Россия,

¹ lugantsevajulia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5410-9891>

² karavaeva.vg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2608-7362>

³ androsova_s@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6714-9684>

Аннотация. Рассматривается влияние типа дискурса, темпа и контекста на качество безударных редуцированных гласных. Материалом послужила речь носителей американского варианта английского языка в аналитических подкастах. Для сравнения использованы ранее полученные данные по личностному нарративу. Выявлена большая степень элизии в подкастах, чем в личностном нарративе (46 % vs 14,8 %). В обоих типах дискурса выявлено 5 звукотипов: /i/- /ɛ/- /ʊ/- /ɔ/- з-образные гласные; только в подкастах зафиксирован [ə].

Ключевые слова: нейтральный гласный; американский вариант английского языка; медиадискурс; персональный дискурс; согласный контекст.

Для цитирования: Луганцева Ю. С., Караваева В. Г., Андросова С. В. Безударные редуцированные гласные в персональном и медийном дискурсе (на материале американского варианта английского языка). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*. 2022; 46 (2): 104–118. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.10

Original article

UNSTRESSED REDUCED VOWEL IN PERSONAL AND MEDIA DISCOURSE (BASED ON AMERICAN ENGLISH)

Yulia S. Lugantseva¹,
Veronika G. Karavaeva²,
Svetlana V. Androsova³

¹ Far Eastern Higher Combined Arms Command School,
Blagoveshchensk, Russia,

² Moscow City University,
Moscow, Russia,

³ Amur State University,
Blagoveshchensk, Russia,

¹ lugantsevayulia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5410-9891>

² karavaeva.vg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2608-7362>

³ androsova_s@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6714-9684>

Abstract. The paper examines the impact of discourse type, speech rate and consonant environment on the quality of unstressed vowels. American English analytic podcasts made the material for the study. For comparison, previous data on personal narrative were used. As a result, higher percent of elision was found in podcasts (46 %) compared to personal narrative (14,8 %). In both discourses, 5 vowel types occurred: /ɪ/- /ɛ/- /ʊ/- /ɔ/- ɜ-like; while only podcasts featured [ə].

Keywords: Schwa sound; American English; media discourse; personal discourse; consonant environment.

For citation: Lugantseva Yu. S., Karavaeva V. G., Androsova S. V. Unstressed reduced vowel in personal and media discourse (Based on American English). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic education.* 2022; 46 (2): 104–118. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.10

Введение

Стремительное развитие информационно-коммуникативных технологий создало условия для появления новых форм общения и распространения информации. Социальные сети, блоги, форумы, чаты прочно вошли в нашу жизнь и стали неотъемлемой частью современного общества, преобразуя большинство сфер человеческой деятельности, в том числе образовательную [1]. Они порождают новые жанры и дискурсы интернет-пространства, имеющие свои синтаксические, лексические, морфологические и другие особенности, в том числе и фонетические, требующие описания и сравнительного анализа с другими типами дискурса.

Понятие дискурса обширно и многогранно, оно рассматривалось с точки зрения разных наук и в разные периоды претерпело значительные изменения. В широком смысле дискурс — это сложное коммуникативное событие, коммуникативный акт, представляющий собой единство лингвистических и экстралингвистических параметров (психологические, социокультурные, этнические и т. д.), которому свойственна погруженность в ситуацию общения [2; 3]. Существует немало количество видов дискурса, к которым можно отнести религиозный, политический, публицистический и многие другие, в том числе медийный и персональный дискурсы, которые находятся в фокусе внимания данного исследования.

Обратимся к общим и специфическим характеристикам этих двух дискурсов. Особенность медиадискурса заключается в том, что так или иначе он отражает современное состояние общества: его языка, культуры, философии. На этапе создания подкаста адресат виртуален, поэтому коммуникация носит имплицитный характер. Интернет-вещание — это прекрасный способ значительно расширить охват аудитории, позволяющий транслировать передачи и открывать доступ к аудиоархивам для пользователей Сети во всем мире.

Развитие вещания в Сети способствовало появлению такой формы общения, как подкастинг, представляющего собой серию записанных периодических аудио-, видеовыпусков (передач, эпизодов) с определенной тематикой, доступных для прослушивания и скачивания на сайтах радиовещательных компаний и на специальных подкаст-сервисах. Аудиоподкаст имеет черты радиопередачи, где информация может быть передана лишь посредством звучащей речи без использования визуальных средств. Кроме того, он обладает чертами медийного дискурса — устной публичной речи, для которой характерна заданность формы, ограниченность во времени, обращенность к социальной группе — адресату коммуникации, образность языка СМИ, наличие интертекстуальных включений и просодического контраста, особой ритмической организации звучащего текста (ритмических сбоев) [4]. Для подкаста характерны и отдельные черты персонального дискурса — использование разговорного стиля, простота подачи материала, ориентированность на личности говорящего и/или эксперта, гостя, их опыт и личное мнение.

Понятие персонального (лично ориентированного) дискурса применяется как обобщенное понятие для обозначения типов дискурса, где личность говорящего и его внутренний мир выходят на первый план. Данный дискурс реализуется в разговорной и поэтической речи, например в качестве личного дневника [5]. Типом персонального дискурса может выступать личностный нарратив — непосредственный (неподготовленный) рассказ о себе, событиях собственной жизни, личностной оценки событий и действий (своих и окружающих людей). Еще одной чертой, позволяющей сравнивать личностный нарратив и аналитический аудиоподкаст, является то, что речь дикторов и гостей аналитических подкастов, как и речь грамотных образованных индивидов

общества, выступающих в роли авторов личностного нарратива, представляет собой отражение языковой нормы повседневного общения индивидуумов.

Одним из наиболее существенных отличий между двумя типами дискурса, взятыми для анализа, является временной лимит и форма речи диктора. Радио-передача (в данном случае — подкаст) длится заданное время, а речь диктора носит квазиспонтанный характер. В ходе записи личностных нарративов время не ограничивалось, а речь носила спонтанный характер. Два этих параметра — степень спонтанности и временной лимит — оказывают существенное влияние на просодию речи диктора, которая зависит от распределения информационной нагрузки высказывания, и все это определяет особенности функционирования сегментных фонологических единиц [6]. Указанные закономерности действуют как в европейских, так и в восточных языках.

Исследователи английского языка обнаруживают зависимость реализации акустических коррелятов фонем от информационной структуры высказывания: увеличение длительности согласных на реме и ее сокращение на теме на материале австралийского английского, более высокую степень аллофонного варьирования гласных на теме по сравнению с ремой в австралийском и канадском вариантах английского языка [7]. Исследователи китайского языка говорят о разном фонетическом оформлении лексических единиц, которые могут выступать в своих обычных значениях, где несут более высокую информационную нагрузку, и в качестве слов-паразитов на участках малой информативности, где отмечается высокая частотность слабых форм, характеризующихся различной степенью неполноты как следствие модификации сегментного состава, выпадений и стяжения слогов [8, с. 99].

Распределение информационной нагрузки в зависимости от типа дискурса может быть организовано по-разному, поэтому и частотность указанных выше явлений может быть различной. Единицы с высокой степенью варьирования представляют собой неустойчивые точки системы. Исследование этих точек позволит детализировать рекомендации, касающиеся стилей произнесения и современной речевой нормы, которая, как известно, подвижна и постоянно претерпевает изменения, особенно в процессе глобализации и демократизации общения. Демократизация способствует проникновению в стандарт новых явлений, ранее признававшихся региональными или разговорными [9–11]. Требуется время для того, чтобы исследовать эти явления и зафиксировать изменения в словарях и справочниках. Такие данные представляются важными, поскольку способствуют расширению знаний о системе языка, особенностях функционирования языковых единиц в разных видах дискурса. Эти знания также требуются методистам и преподавателям, поскольку позволяют применять полученные данные для успешного формирования коммуникативной компетенции по иностранному языку.

В рамках данной статьи представляется необходимым вновь обратиться к проблеме сегментного описания фонологических единиц и их функционирования в современном американском варианте английского языка, а именно

к такому сложному и неоднозначному вопросу о качестве гласных, реализующихся в слогах четвертого ранга ударности¹ на материале аналитических подкастов, и сопоставить данные исследования с полученными ранее на материале личностных нарративов.

Согласно М. Халле [12], Вебер [13], Г. Курату [14], Д. Кристалу [15] и многим другим, в позиции качественной редукции реализуется исключительно нейтральный гласный, статус которого вызывает множество споров и разногласий. Позиция в слоге четвертого ранга ударности обуславливает слабость нейтрального гласного и отсутствие сильной позиции и основного аллофона. В связи с отсутствием смыслоразличительной функции, являющейся обязательной для самостоятельной фонемы [16, с. 253], и отсутствием основного аллофона по причине невозможности употребления под ударением, мы считаем, что в английском языке нейтральный гласный — это некий абстрактный конструкт (ср.: гласный, не обладающий характеристиками ряда и подъема, гласный, у которого нет определенных акустических характеристик [17, с. 72; 12; 18, с. 44; 19, с. 38]), удобный для словарей, поскольку он позволяет не вдаваться в фонетические подробности гласных объективно разного качества, реализующихся в данной позиции.

В общefonетическом плане (в трапецоиде кардинальных гласных — безотносительно к какому-либо конкретному языку), согласно Дж. М. Пикетту, это гласный, занимающий центральное — нейтральное — положение как по вертикали (подъем, $F1=500$ Гц), так и по горизонтали (ряд, $F2 = 1500$ Гц) [19, с. 37]. Если считать английский нейтральный гласный аллофоном какой-либо фонемы и попытаться наполнить его конкретным содержанием, то его положительные признаки указывают на соответствие либо фонеме /з/ [20, с. 36], либо /л/, либо обеим сразу [21, с. 127] (последнее, как известно, недопустимо с точки зрения Щербаковской фонологической школы (ЩФШ), но совершенно нормально для Московской фонологической школы (МФШ), допускающей переименование одних и тех же аллофонов в разных фонемах). В стандартном американском (SA) варианте английского языка нейтральный гласный по своим характеристикам близок к /л/ [21, с. 127]. Между тем экспериментальное исследование, проводившееся на материале персонального спонтанного дискурса носителей стандартного американского варианта английского языка, показало, что в словах четвертого ранга ударности, во-первых, акустические признаки реализованных в данной позиции гласных

¹ В рамках исследований степеней ударности в английском языке принято выделять три степени градации ударения (three-stress line) (Pike, Mitchell, Hocket, Fairbanks, Newman), четыре степени градации (four-degree position) (Sweet, Jespersen, Bloch and Trager, Smith, Wang) или пять степеней градации (five degrees of stress) (Chomsky & Halle). Вслед за Д. Кристалом в данной работе авторы придерживаются мнения о наличии четырех рангов ударности слога как наиболее распространенной модели: 1) главное ударение; 2) второстепенное ударение; 3) незначительное выделение; 4) отсутствие ударения (подробнее об этом см.: Crystal “Prosodic Systems and Intonation in English”).

сводятся не к одному и не к двум, а к пяти звукотипам (согласный контекст и гласные соседних слогов определяют большее многообразие гласных на месте нейтрального), во-вторых, нейтральный гласный встречается значительно реже, чем это принято считать [22]. Полученные данные укладываются в трактовку нейтрального гласного как абстрактного конструкта — «пустого безударного слота», в котором под влиянием соседних согласных и гласных соседних слогов формируется качество конкретных гласных-монофтонгов, уже существующих в системе, которые находятся, по ЩФШ, в отношениях живых фонетических чередований. Приведем эти пять звукотипов: [ɛ], [ɪ], [ʊ], [ɜ], [ɔ].

Представляется актуальным провести сравнительный анализ количественных и качественных характеристик типов гласных реализаций (=звукотипов), встречающихся в безударных слогах в спонтанном личностном нарративе и в подкастах, представляющих собой квазиспонтанную речь. Необходимо ответить на вопрос о том, 1) является ли влияние окружающего согласного и гласного контекста на качественную редукцию гласного некой константой для разных типов дискурса, 2) будет ли соблюдаться пропорция звукотипов, выявленная для личностного нарратива, в подкастах.

Исследование произносительных особенностей спонтанной и квазиспонтанной речевой нормы дает возможность понять, как функционируют фонемы в живой речи. Результаты могут быть использованы в разработке учебно-методических пособий по восприятию и производству речи, при обучении практической фонетике английского языка, при анализе фонетических особенностей типов дискурса.

Материал и методика

Материалом для анализа аналитических подкастов послужила речь 10 профессиональных дикторов-мужчин среднего возраста (45–60 лет), носителей американского варианта английского языка, ведущих серии аналитических программ *This American Life*. Передачи представляют собой анализ актуальных событий жизни общества, их оценку, с точки зрения дикторов и гостей подкастов. Все дикторы имеют высшее образование, проживают на территории США. Время звучания речи каждого диктора составило 10 минут (общее количество речи дикторов составило 100 минут). Качество записей соответствовало международным стандартам [23], битрейт составил 128 кбит/с.

На начальном этапе были составлены скрипты к указанным выше аудиозаписям и из всего материала методом сплошной выборки были сегментированы знаменательные слова, где в слогах четвертого ранга ударности, согласно данным словарей американского варианта английского языка, должен быть реализован нейтральный гласный. Служебные слова, которые также могут служить материалом для исследования редуцированных гласных, в данном исследовании не рассматривались. Общее количество анализируемых

сегментов подкастов составило 718 (в речи SAm1 — 112, SAm2 — 86, SAm3 — 79, SAm4 — 58, SAm5 — 68, SAm6 — 53, SAm7 — 66, SAm8 — 63, SAm9 — 81, SAm10 — 52). Междикторский количественный дисбаланс обусловлен естественными ограничениями речевых образцов, каждый из которых носит конечный характер.

Затем под аудиовизуальным контролем в программе PRAAT был произведен анализ выделенных сегментов: фиксировалось отсутствие или наличие реализации гласного в указанной позиции, производились замеры длительности реализованного гласного, значений F1 и F2, которые являются акустическими коррелятами дифференциальных признаков подъема и ряда соответственно, описан окружающий согласный контекст, подсчитан средний темп речи дикторов в обоих типах дискурса и случаи элизии. Данные заносились в таблицу для дальнейшего статистического анализа в табличном процессоре Microsoft Excel: подсчета количества реализаций того или иного типа гласного в том или ином окружающем согласном контексте с учетом вида дискурса и дикторских особенностей, средних формантных значений по каждому гласному звукотипу.

Для сопоставительного анализа были использованы данные, полученные ранее в ходе исследования безударного вокализма, проведенного на материале личностного нарратива [22]. Корпус экспериментального исследования составила речь трех дикторов, носителей стандартного американского варианта английского языка в возрасте 33–50 лет, имеющих высшее образование. Общая длительность звучания речи составила 101 минуту (Диктор 1 — 40 минут, Диктор 2 — 48 минут, Диктор 3 — 13 минут).

Результаты и обсуждение

Исследование речи дикторов подкастов позволило выявить, что нейтральный гласный в данном типе дискурса значительно больше подвержен элизии, чем в личностном (см. табл. 1). Доля элизии в данном типе дискурса составила 46 %, что значительно превышает ее долю в личностном нарративе — 14,8 %. Такое существенное увеличение явно связано со значительно более быстрым темпом речи дикторов в подкастах по сравнению с личностным нарративом — 14,1 и 7 фонем в секунду соответственно (темп был подсчитан без вычета пауз). Такой результат вполне предсказуем: ведущие и гости подкаста ограничены временем эфира, им необходимо представить как можно больше информации в максимально сжатые сроки, что способствует увеличению темпа речи. Дикторам в персональном дискурсе ограничения по времени не устанавливались. Быстрый темп речи дикторов медийного дискурса также способствовал частой потере эризации гласного. Эта взаимосвязь темпа и степени редукции носит универсальный характер и доказана на материале других языков, например китайского на материале звучащего коммерческого и социального рекламного дискурса [24].

Таблица 1

Звукотипы безударных редуцированных гласных в подкастах и личном нарративе. Формантные значения (Гц) и количество (%)

Тип гласного	Количество (относительные единицы)		Средние значения F1 и F2 в слогах четвертого ранга ударности (Гц)			
			подкасты		личный нарратив	
	подкасты	личный нарратив	F1	F2	F1	F2
/ɛ/	36 %	29 %	454	1592	519	1644
/ɪ/	31 %	45 %	368	1776	400	1730
/ʊ/	17 %	13 %	428	1180	486	1029
/ɜ/	13 %	11 %	468	1502	456	1422
/ɔ/	2 %	2 %	585	1169	651	1053
Нейтральный гласный	1 %	Не зафиксирован	547	1314	Не зафиксирован	

Акустический анализ реализованных (невыпавших) безударных редуцированных гласных позволил выявить 6 контекстно обусловленных звукотипов: /ɛ/-, /ɪ/-, /ʊ/-, /ɜ/-, /ɔ/-образные² звукотипы (или звукотипы [ɛ], [ɪ], [ʊ], [ɜ], [ɔ]) и собственно нейтральный гласный — [ə], частотность и формантные значения которых указаны в таблице 1.

Наиболее частотными типами реализаций в подкастах являются /ɛ/- и /ɪ/-образные гласные, что сопоставимо с ранее полученными данными на материале личного нарратива с той лишь разницей, что /ɪ/-образные реализации в личном нарративе встретились значительно чаще, чем /ɛ/-образные и составили чуть меньше половины всех реализаций. Частотность /ɛ/-образных гласных в подкастах составила 36 %, средние формантные значения составили F1 — 454 Гц, F2 — 1592 Гц. Данный звуковой тип отмечался в окружении назальных и переднеязычных согласных, например в суффиксах *-ment*, *-ous*. Реализация /ɛ/-образного гласного была отмечена в соседстве с плавным ретрофлексным сонорным /r/ (13 % случаев), в таких словах, как *parents* (родители), *parenting* (родительство), где средние формантные значения составили F1 — 529 Гц и F2 — 1666 Гц. На материале личного нарратива данный гласный в соседстве с плавным сонорным /r/ отмечен не был. Формантные значения /ɛ/-образных гласных в подкастах были ниже, чем в личном нарративе, это свидетельствует о большей центрированности и закрытости гласных в медийном дискурсе.

Частотность /ɪ/-образных гласных составила 31 %, что немного ниже, чем для /ɛ/-образных гласных в подкастах. Средние формантные значения состави-

² Запись «/.../-образный звукотип» предлагает фонемную интерпретацию, запись «звукотип [...]» предлагает фонемную интерпретацию менее настойчиво (с позиций МФШ — вообще не предлагает). Такой вариативностью записи мы хотели указать на возможность разной фонологической трактовки, которая зависит от фонологической концепции той или иной школы.

ли F1 — 368 Гц, и F2 — 1776 Гц. Данный гласный был зафиксирован в окружении переднеязычных согласных, таких как /s/, /n/, /ʃ/, /dʒ/, кроме сонорных /r/, /l/. В ряде случаев наблюдалось влияние ударного гласного на формантные значения безударного качественно редуцированного гласного. Так, в слове *musician* (музыкант) в произнесении Диктора 1 формантные значения гласного в ударном слоге (F1 — 399 Гц, F2 — 1904 Гц) сопоставимы со значениями первой и второй формант безударного гласного последующего слога (F1 — 363 Гц, F2 — 1877 Гц).

В подкастах среднее значение F1 у /ɪ/-образных гласных ниже, чем в личностном нарративе, что вновь говорит о несколько большей закрытости гласных в медийном дискурсе. Значение F2 было несколько выше в речи дикторов подкастов, разница была незначительна и составила 46 Гц, значения F2 1730–1776 Гц характеризуют редуцированный безударный гласный, реализованный в данном типе контекста как переднерядный, в подкастах — чуть более продвинутый вперед.

Третий ранг частотности и в подкастах, и в личностном нарративе занимает /ʊ/-образный гласный. Его доля составляет соответственно 17 и 13 % от общего количества реализаций. Данный звукотип был зафиксирован, как правило, перед плавным латеральным /l/ *medical, central, theoretical, technical, presidential, social, logical, personal*. Средние формантные значения данного гласного по всем дикторам составили F1 — 428 Гц, F2 — 1180 Гц. В целом в подкастах данный звукотип более закрытый и более продвинутый вперед, чем в личностном нарративе. Были отмечены единичные случаи появления данного звукотипа в губно-губном контексте, например в слове *probably* (вероятно), где значение F1 составило 387 Гц, F2 — 1012 Гц, что ниже средних значений по данному типу как в подкастах, так и в личностном нарративе и свидетельствует о большей лабиализации и большей закрытости гласного.

Четвертый ранг частотности и в подкастах, и в личностном нарративе занимает /ɜ/-образный гласный. Его доля составляет соответственно 13 и 11 % от общего количества реализаций. По формантным значениям в обоих типах дискурса — это среднезакрытый гласный центрального ряда, однако в подкастах он чуть более открыт и продвинут вперед. Данный звукотип встретился в таких словах, как *democratic* (F1 — 418 Гц, F2 — 1437 Гц), *coronavirus* (F1 — 430 Гц, F2 — 1413 Гц), *university* (F1 — 376 Гц, F2 — 1465 Гц).

Наименее частотными звукотипами, встретившимися в подкастах в слогах четвертого ранга ударности, являются /ɔ/-образный гласный (2 %) и нейтральный гласный (1 %). Схожая ситуация для /ɔ/-образного гласного была отмечена и на материале личностного нарратива, нейтральный гласный в данном типе дискурса не был зафиксирован. В подкастах /ɔ/-образный гласный был реализован перед паузой в препозиции к плавному латеральному /l/ и плавному сонорному /n/ в таких словах, как *general, philosophical*. Так, в слове *philosophical* в последнем слоге значение F1 гласного составило 610 Гц, а F2 — 960 Гц. Формантные значения ударного гласного предыдущего слога составили 660 Гц

и 1190 Гц соответственно. Такой контекст способствовал реализации открытого гласного со следующими средними формантными значениями: F1 — 585 Гц и F2 — 1169 Гц. Гласные, отнесенные к данному звукотипу, оказались самыми открытыми и самыми задними (памятуя об известной тенденции продвижения английских гласных /u/, /ʊ/ вперед [25, 26]). Как и звукотип [ʊ], /ɔ/-образный звукотип в подкастах был более закрытым и более продвинутым вперед, чем в личностном нарративе.

Для /ɪ/- и /ʊ/-, /ɔ/-образных гласных в личностном нарративе характерно некоторое сближение F1 и F2 по сравнению с медийным дискурсом, при этом F2 стремится к понижению, а F1 — к повышению.

Следует сказать о том, что реализации со значениями F1 — 547 Гц, и F2 — 1314 Гц, отнесенные к нейтральному гласному, были представлены лишь небольшим количеством случаев в подкастах и отсутствовали в личностном нарративе. Данный гласный был зафиксирован в позиции перед паузой в абсолютном конце слова или после паузы в начале слова, при этом предыдущий согласный контекст был разным. В качестве примеров можно привести реализацию нейтрального гласного в слове *villa* (вилла) в речи Диктора 5 в позиции перед паузой (F1 — 540 Гц, F2 — 1143 Гц), а также *Florida* (F1 — 530 Гц, F2 — 1402 Гц), *asthma* (F1 — 530 Гц, F2 — 1252 Гц), *apparently* (F1 — 521 Гц, F2 — 1383 Гц).

Заключение

Проведенное исследование позволяет заключить, что, во-первых, предположение о том, что влияние окружающего согласного и гласного контекста (контактного и дистантного) на качественную редукцию гласного четвертого ранга ударности в стандартном американском варианте английского языка с некоторыми оговорками можно считать константой для изученных типов дискурса — спонтанного личностного и медийного в форме подкастов. Это подтверждает почти одинаковый состав звукотипов и схожесть пропорций звукотипов, за исключением двух самых частотных позиций — /ɪ/-образные и /ε/-образные гласные: первый заметно более частотный в личностном нарративе, но оба обладают почти одинаковой частотностью в подкастах с небольшим преобладанием второго. Вероятно, объяснение этой разницы кроется в более быстром темпе подкастов, который немного нейтрализует влияние доминирующего переднеязычного согласного контекста: /ε/-образные гласные, по сравнению с /ɪ/-образными, чуть более сдвинуты к центру и по вертикали, и по горизонтали артикуляционного трапецоида, что полностью отражается в значениях формант.

Во-вторых, при в целом схожем качестве гласных звукотипов, отмечались небольшие частные отличия: в подкастах звукотип [ε] был более закрытым и центрированный, звукотип [ɪ] — более закрытым и передний, звукотипы [ʊ] и [ɔ] — более закрытые и более продвинутые вперед, чем в личностном нарративе.

В-третьих, речь дикторов в подкастах характеризуется более быстрым темпом — в среднем в два раза выше, чем в персональном дискурсе. Поэтому в медиадискурсе процент элизии выше почти в три раза по сравнению с личностным дискурсом: в первом чуть менее половины реализаций (46 %) были подвергнуты элизии, тогда как для персонального дискурса это явление было менее характерным и составило 14,8 %. Очевидно, что фактор темпа речи и контактный, и дистантный согласный, и гласный контекст оказывают большее влияние на фонетическое оформление слогов четвертого ранга ударности, чем фактор спонтанности сам по себе.

Как и в персональном дискурсе, в подкастах гласные в слогах четвертого ранга ударности не сводятся только к нейтральному. Данный гласный является наименее частотным в подкастах — реализуется только в 1 % случаев и отмечается в абсолютном конце слова перед паузой (в изученном персональном дискурсе и вовсе отсутствует). Таким образом, вне зависимости от типа дискурса, частота встречаемости нейтрального гласного значительно ниже постулируемой.

Несмотря на то что влияние согласного контекста на реализацию того или иного звукотипа в слогах четвертого ранга ударности можно считать доминирующим, скорость речи дикторов становится своего рода дифференциатором типа дискурса и несет на себе особую фонетическую нагрузку, определяющую его специфические черты. Это отражается (1) на качестве реализации звукотипа (более открытый в личностном нарративе, более закрытый в персональном дискурсе; большая частотность гласного высокого подъема в личностном нарративе и среднего подъема — в подкастах), (2) на частотности элизии (в подкастах этот показатель в три раза выше).

Перспективу исследования составит привлечение других типов звучащего дискурса в качестве материала для акустического анализа гласных в слогах четвертого ранга ударности в знаменательных словах, а также широкомасштабный акустический анализ редуцированных гласных в служебных словах. Проведение перцептивного эксперимента с носителями языка в условиях десемантизации покажет, как воспринимаются такие слоги в тех случаях, когда невозможно прибегнуть к узнаванию слова в широком контексте.

Список источников

1. Современные средства оценивания качества иноязычной компетенции: теория и практика / Г. В. Сороковых, Т. И. Жаркова, А. М. Герасимова [и др.]. М.: Учебный центр «Перспектива»; 2019. 280 с.
2. Холодова Д. Д., Манаенко Г. Н., Плотникова С. Н. Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия. М.: Ленанд; 2018. 320 с.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена; 2002. 477 с.
4. Калашникова А. Р. Ритмические характеристики текстов современной российской публицистики: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Калашникова Анна Реваковна; [Место защиты: Адыг. гос. ун-т]. Волгоград; 2016. 198 с.

5. Дубнякова О. А., Кашина Т. А. Коммуникативно-прагматические особенности личного дневника. *Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2017; 1 (25): 42–49.
6. Heusinger, K. von. Intonation and Information Structure. Habilitationsschrift, accepted by the Faculty of Philosophy, University of Konstanz. 1999.
7. Андросова С. В. и др. Реализация фонетических единиц в информационной перспективе высказывания / С. В. Андросова, Е. В. Гнатюк, С. И. Гусева, С. В. Деркач, О. Н. Морозова, М. А. Пирогова, Т. В. Шуйская; под ред. С. И. Гусевой; Амур. гос. ун-т. Благовещенск: [Б. и.]; 2006. 272 с.
8. Ли И., Андросова С. В. Фонетические особенности слов в их обычных функциях и в качестве слов-паразитов (на материале китайского языка). *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2019; 5 (3): 99–116.
9. Фрейдина Е. Л., Абрамова Г. С. Паузация как маркер разговорности в современном британском устном дискурсе. *Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2017; 3 (27): 60–67.
10. Михалева Е. И. Место диалектной речи в фонетической системе английского языка. *Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2012; 1 (9): 24–28.
11. Андросова С. В., Караваева В. Г. Одноударные аллофоны в американском и британском вариантах английского языка. *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2015; Т. 1. (2): 5–20.
12. Halle M., Mohanan K. P. Segmental Phonology of Modern English Text. *Linguistic Inquiry*. 1985; 16 (1): 57–116.
13. Weber R-M. Listening for schwa in academic vocabulary. *Reading Psychology*. 2018; Vol. 39. Issue 18: 68–491.
14. Kurath H. A. Phonology and Prosody of Modern English. Michigan: The Univ. of Michigan Press; 1964. 158 p.
15. Crystal D. Prosodic systems and intonation in English. Cambridge: University Press; 1969. 381 p.
16. Зиндер Л. Р. Общая фонетика и избранные статьи. 2-е изд. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, М.: Академия; 2007. 354 с.
17. Либерман А. С. Безударные гласные английского языка. *Иностранные языки в школе*. 1970; (5): 72–77.
18. Pickett J. M. The acoustics of speech communication. Boston, London: Allyn and Bacon; 1999. 404 p.
19. Gick B. An X-Ray Investigation of Pharyngeal Constriction in American English Schwa. *Phonetica*. 2002; Vol. 53. (1): 38–48.
20. Skandera P., Burleigh P. A manual of English phonetics and phonology. 2nd ed. EU: Gunter Narr Verlag; 2011. 169 p.
21. Cruttenden A. Gimson's Pronunciation of English. [S.1]: Edward Arnold Limited; 2001. 360 p.
22. Луганцева Ю. С. Фонетический сингармонизм в американской спонтанной речи. *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2015; Т. 1. (1): 64–73.
23. van Son R. J. J. H. A study of pitch, formant and spectral estimation errors introduced by Three Lossy speech compression algorithms. *Acta acustica united with acustica*. 2005; Vol. 91: 771–778.

24. Чжан Ц., Караваева В. Г. Темпоральные характеристики китайской коммерческой радиорекламы. *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2019; Т. 5. (3): 248–272.
25. Караваева В. Г., Андросова С. В. Аллофонное варьирование гласных /и/ и /о/ в современной британской речи (на материале аналитических новостных передач BBC). *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2016; 5 (43) 46–58.
26. Шевченко Т. И. Социофонетика: Национальная и социальная идентичность в английском произношении. М.: Ленанд; 2015. 232 с.

References

1. Sovremennyy`e sredstva ocenivaniya kachestva inoyazy`chnoj kompetencii: teoriya i praktika / G. V. Sorokovy`x, T. I. Zharkova, A. M. Gerasimova [i dr.]. М.: Uchebny`j centr «Perspektiva»; 2019. 280 s.
2. Xolodova D. D., Manaenko G. N., Plotnikova S. N. Diskurs kak universal`naya matrica verbal`nogo vzaimodejstviya. М.: Lenand; 2018. 320 s. (In Russ.).
3. Karasik V. I. Yazy`kovoju krug: lichnost`, koncepty`, diskurs. Volgograd: Peremena; 2002. 477 s. (In Russ.).
4. Kalashnikova A. R. Ritmicheskie xarakteristiki tekstov sovremennoj rossijskoj publicistik: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19 / Kalashnikova Anna Revokatovna; [Mesto zashhity`: Ady`g. gos. un-t]. Volgograd; 2016. 198 s. (In Russ.).
5. Dubnyakova O. A., Kashina T. A. Kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti lichnogo dnevnika. *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovoje obrazovanie*. 2017; 1 (25): 42–49. (In Russ.).
6. Heusinger, K. von. Intonation and Information Structure. Habilitationsschrift, accepted by the Faculty of Philosophy, University of Konstanz. 1999.
7. Androsova S. V. et. al. Realizaciya foneticheskix edinic v informacionnoj perspektive vy`skazy`vaniya / S. V. Androsova, E. V. Gnatyuk, S. I. Guseva, S. V. Derkach, O. N. Morozova, M. A. Pirogova, T. V. Shujskaya; pod red. S. I. Gusevoj; Amur. gos. un-t. Blagoveshhensk: [B. i.]; 2006. 272 s. (In Russ.).
8. Li I., Androsova S. V. Foneticheskie osobennosti slov v ix oby`chny`x funkciyax i v kachestve slov-parazitov (na materiale kitajskogo yazy`ka). *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*. 2019; 5 (3): 99–116. (In Russ.).
9. Frejdina E. L., Abramova G. S. Pazuaciya kak marker razgovornosti v sovremennom britanskom ustnom diskurse. *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovoje obrazovanie*. 2017; 3 (27): 60–67. (In Russ.).
10. Mixaleva E. I. Mesto dialektnoj rechi v foneticheskoy sisteme anglijskogo yazy`ka. *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovoje obrazovanie*. 2012; 1 (9): 24–28. (In Russ.).
11. Androsova S. V., Karavaeva V. G. Odnoudarny`e allofony` v amerikanskom i britanskom variantax anglijskogo yazy`ka. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*. 2015; Т. 1. (2): 5–20. (In Russ.).
12. Halle M., Mohanan K. P. Segmental Phonology of Modern English Text. *Linguistic Inquiry*. 1985; 16 (1): 57–116.
13. Weber R-M. Listening for schwa in academic vocabulary. *Reading Psychology*. 2018; Vol. 39. Issue 18: 68–491.

14. Kurath H. A. *Phonology and Prosody of Modern English*. Michigan: The Univ. of Michigan Press; 1964. 158 p.
15. Crystal D. *Prosodic systems and intonation in English*. Cambridge: University Press; 1969. 381 p.
16. Zinder L. R. *Obshhaya fonetika i izbranny`estat`i*. 2-e izd. SPb.: Filol. fak-t SPbGU, M.: Akademiya; 2007. 354 s.
17. Liberman A. S. Bezudarny`e glasny`e anglijskogo yazy`ka. *Inostranny`e yazy`ki v shkole*. 1970; (5): 72–77. (In Russ.).
18. Pickett J. M. *The acoustics of speech communication*. Boston, London: Allyn and Bacon; 1999. 404 p.
19. Gick B. An X-Ray Investigation of Pharyngeal Constriction in American English Schwa. *Phonetica*. 2002; Vol. 53. (1): 38–48.
20. Skandera P., Burleigh P. *A manual of English phonetics and phonology*. 2nd ed. EU: Gunter Narr Verlag; 2011. 169 p.
21. Cruttenden A. *Gimson`s Pronunciation of English*. [S.1]: Edward Arnold Limited; 2001. 360 p.
22. Luganceva YU. S. Foneticheskij singarmonizm v amerikanskoj spontannoj rechi. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*. 2015; T. 1. (1): 64–73. (In Russ.).
23. van Son R. J. J. H. A study of pitch, formant and spectral estimation errors introduced by Three Lossy speech compression algorithms. *Acta acustica united with acustica*. 2005; Vol. 91: 771–778.
24. Zhan J., Karavaeva V. G. Temporal`ny`e xarakteristiki kitajskoj kommercheskoj radioreklamy`. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*. 2019; T. 5. (3): 248–272. (In Russ.).
25. Karavaeva V. G., Androsova S. V. Allofonnoe var`irovanie glasny`x /i/ i /o/ v sovremennoj britanskoj rechi (na materiale analiticheskix novostny`x peredach BBC). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2016; 5 (43): 46–58. (In Russ.).
26. Shevchenko T. I. *Sociofonetika: Nacional`naya i social`naya identichnost` v anglijskom proiznoshenii*. M.: Lenand; 2015. 232 s. (In Russ.).

Информация об авторах

Юлия Сергеевна Луганцева — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Дальневосточного высшего общевоинского командного ордена Жукова училища им. Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского.

Вероника Георгиевна Караваева — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры методики преподавания английского языка и деловой коммуникации Института иностранных языков МГПУ.

Светлана Викторовна Андросова — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков Амурского государственного университета.

Information about the authors

Yulia S. Lugantseva — PhD (Philology), assistant professor of the department of Foreign languages, Far Eastern Higher Combined Arms Command School.

Veronika G. Karavaeva — PhD (Philology), senior lecturer of the department of Methods of teaching English and business communication, Institute of Foreign Languages, Moscow City University.

Svetlana V. Androsova — Doctor of Philology, full professor, professor of the department of Foreign languages, Amur State University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 378.1

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.11

УРОВНЕВАЯ МОДЕЛЬ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА¹

Горожанов Алексей Иванович¹,

Гусейнова Иннара Алиевна²,

Писарик Оксана Ивановна³

^{1,2,3} Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия,

¹ a_gorozhanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2280-1282>

² ginnap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6544-699X>

³ ksyfrolova93@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7081-9263>

Аннотация. В статье рассматривается область соприкосновения сфер дистанционного обучения и информационной безопасности. В связи с этим определяются векторы развития в области дистанционного обучения; уточняется объем понятия информационной безопасности применительно к сфере дистанционного обучения в его актуальном состоянии; разрабатывается уровневая классификация мер по обеспечению информационной безопасности в сфере дистанционного обучения, исходя из степени устраняемой при их помощи угрозы.

Ключевые слова: информационная безопасность; дистанционное обучение; уровневая модель; меры по нейтрализации угроз; идентичность.

Для цитирования: Горожанов А. И., Гусейнова И. А., Писарик О. И. Уровневая модель информационной безопасности в условиях виртуального пространства.

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБОУ ВО МГЛУ (тема № FSFU-2020-0020).

Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2021; 46 (2): 119–131. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.11

Original article

CYBER SECURITY MODEL IN THE E-LEARNING²

Alexey I. Gorozhanov¹,
Innara A. Guseynova²,
Oxana I. Pisarik³

^{1,2,3} Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia,

¹ a_gorozhanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2280-1282>

² ginnap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6544-699X>

³ ksyfrolova93@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7081-9263>

Abstract. The paper considers the issue on some particular interactions between the fields of E-learning and cyber security. In this regard, there are determined specific vectors of development in the framework of the E-learning sphere; there is clarified the scope of the cyber security term in relation to E-learning and its current state; there is developed a level classification based on threat assessment. The classification involves major measures which are applied for ensuring information security in the field of distance learning.

Keywords: cyber security; E-learning; level model; measures to neutralize threats; identity.

For citation: Gorozhanov A. I., Guseynova I. A., Pisarik O. I. Cyber Security Model in the E-learning. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic education.* 2022; 46 (2): 119–131. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.11 (In Russ.).

Процесс дистанционного обучения часто является темой научных исследований, которые фокусируются на оптимальном выборе технических средств, необходимых для его реализации, либо, несколько реже, тех работ, в которых предпринимаются попытки создания специальных методик преподавания различных учебных дисциплин в условиях виртуального пространства.

Цель настоящего исследования — определить область соприкосновения сфер дистанционного обучения и информационной безопасности. В этой связи необходимо решить следующие задачи: 1) определить векторы развития в области дистанционного обучения; 2) уточнить объем понятия информационной безопасности применительно к сфере дистанционного обучения в его актуальном состоянии; 3) разработать уровневую классификацию мер по обеспечению информационной

---

² The study was carried out within the framework of the state task of the FSUE IN MGLU (topic No. FSFU-2020-0020).

безопасности в сфере дистанционного обучения, исходя из степени устраняемой при их помощи угрозы. Актуальность и новизна исследования состоят в том, что, как правило, в предметно-специальной литературе информационная безопасность в дистанционном обучении сводится только лишь к защите личных данных участников учебного процесса и защите платформы от несанкционированного доступа третьими лицами, небольшая часть работ касается вопроса обучения информационной безопасности онлайн, тогда как вопросы обеспечения защиты идентичности личности и общества в условиях виртуального пространства все еще остаются без должного рассмотрения. Методами исследования являются критический анализ, синтез и моделирование.

Дистанционное обучение в настоящее время выступает безусловным глобальным трендом, который проявляется не только в сфере образования, но и в экономической и социальной сфере. В последнее десятилетие интеграция интерактивных форм обучения, различные обучающие платформы и дистанционные курсы завоевали огромную популярность и значимость [1]. Разнообразие видов дистанционного обучения и количество реализуемых продуктов позволяет говорить о том, что эта ниша рынка насыщена предложениями, которые существенно превосходят спрос. Тем не менее в области дистанционного обучения наблюдается острый структурный дефицит, который связан с тем, что определенные учебные дисциплины не представлены среди предложений либо представлены продуктами недостаточно высокого качества. Ведь дистанционный формат взаимодействия участников образовательного процесса требует много внимания со стороны специалистов и влечет за собой необходимость решения таких специальных проблем, как изменение и организация опосредованного формата общения, разработка методов к подготовке и проведению занятий, выбор образовательной платформы и пр. [2].

Рассмотрим виды дистанционного обучения, которые существуют в настоящее время. Приведем классификацию в виде бинарных оппозиций:

- институциональное/внеинституциональное;
- индивидуальное (либо в малой группе 2–6 чел.) / массовое;
- с выдачей документа государственного образца / без выдачи документа государственного образца;
- по основной образовательной программе / по образовательной программе дополнительного образования.

Под институциональным дистанционным обучением понимается обучение на базе образовательной организации, часто занимающейся также и реализацией основных образовательных программ высшего образования, хотя в этой сфере существует достаточно много коммерческих организаций, количество которых в последнее время увеличивается. Под внеинституциональным дистанционным обучением понимается обучение в частном порядке, включая самозанятых (например, репетиторство).

Массовое дистанционное обучение связано в первую очередь с массовыми открытыми онлайн-курсами (МООК). Индивидуальное (либо в малой группе

2–6 чел.) дистанционное обучение чаще всего проявляется в виде репетиторства, несколько реже — как обучение на базе образовательной организации.

Документы государственного образца (диплом бакалавра, диплом магистра, удостоверение о повышении квалификации, диплом о профессиональной переподготовке) в общем случае выдаются при обучении на базе вуза. Прочие документы (сертификаты, свидетельства, справки и пр.) выдаются обычно частными образовательными организациями или даже репетиторами, однако могут быть предоставлены и в условиях институционального дистанционного обучения, если речь идет об образовательных программах дополнительного образования общего назначения.

Наконец, дистанционное обучение по основной образовательной программе возможно только в вузе, имеющем соответствующую аккредитацию (если это касается уровня высшего образования и выдачи документа государственного образца), а обучение по образовательной программе дополнительного образования — в образовательных организациях, имеющих соответствующие разрешения, но это не обязательно должны быть вузы.

Из перечисленного выделим массовое дистанционное обучение в связи с тем, что, во-первых, оно является глобальным трендом, во-вторых, касается деятельности все большего количества университетов, а в-третьих, начинает настойчиво завоевывать нишу высшего образования, предлагая получить в дистанционном формате дипломы бакалавра или магистра в массовом масштабе. К тому же оно учитывает потребности современного поколения обучающихся, обеспечивая синергетический принцип подготовки специалистов. Рассмотрим кратко варианты реализации формата дистанционного обучения на примере зарубежных и отечественных популярных онлайн-платформ.

В качестве институциональной платформы для реализации МООК выделим платформу edX, которая является частной компанией, однако была основана при участии крупных образовательных организаций (Массачусетского технологического института и Гарвардского университета) в мае 2012 г. Согласно официальным данным веб-сайта платформы, она насчитывает 35 млн пользователей и более 3000 онлайн-курсов, которые разработаны 160 вузами-партнерами. За всю историю платформы обучающимся на ней было выдано 1,4 млн сертификатов об успешном завершении обучения. Язык большинства курсов — английский; значительно менее представлен испанский язык, имеются единичные онлайн-курсы на французском и итальянском языках. С 2017 г. на ней реализуются магистерские программы с выдачей документов о присвоении соответствующей квалификации [3].

Следующей крупной онлайн-платформой, которую необходимо рассмотреть в контексте нашей работы, является Coursera. Это массовая коммерческая платформа, которую можно в полной мере считать институциональной, поскольку разработчиками размещенных на ней онлайн-курсов являются крупные и престижные вузы, а также некоторые крупные представители бизнеса, например IBM (ср. сходную ситуацию с онлайн-курсами edX). На платформе широко

представлены ведущие мировые университеты и глобальные корпорации (например, Google, Amazon, IBM, Microsoft, Philips, Yandex и пр.). В настоящий момент Coursera заявляет о наличии 82 млн обучающихся, однако не уточняется, учатся ли они одновременно или это накопленный итог с момента создания платформы (с 2012 г.) [4].

Что касается качества обучения на MOOK, то по этому вопросу существуют различные мнения. Одни исследователи принимают эту концепцию в целом и говорят о возможности достижения высокого качества при обучении на этих платформах или с помощью этих платформ, интегрируя онлайн-курсы в образовательный процесс вуза (см., например, [5, 6]). Другие рассматривают данное явление с иной стороны, например как инструмент продвижения бренда образовательной организации [7], или даже дискутируют об опасности, которую MOOK представляют собой для «классического» обучения, которое, в свою очередь, является дорогостоящим и недостаточно гибким [8, с. 13–14].

Тем не менее полная информация, которая бы позволила судить о качестве обучения на той или иной платформе, является закрытой и представляет собой коммерческую тайну. Здесь возможно оперировать только косвенными статистическими данными. Допустим, если в роли критерия оценки качества рассматривать долю завершивших обучение от первоначально записавшихся слушателей (4 %), то в таком случае качество обучения можно признать чрезвычайно низким [9, с. 183]. Однако в абсолютном исчислении мы будем иметь достаточно большие величины, ведь при записи на курс 10 000 человек 4 % будут составлять 400 слушателей, что в условиях очного обучения в вузе может превзойти выпуск целого факультета.

Рассмотренные зарубежные платформы MOOK (edX и Coursera) весьма сходны по концепции своей работы, однако имеют и ряд отличий. Coursera производит впечатление более гибкого инструмента обучения, который уже имеет в составе своего предложения бакалаврские программы. Качество представленных организаций-партнеров является равно высоким; в большинстве своем это одни и те же организации. Обе платформы имеют ярко выраженное стремление к повышению степени коммерциализации своей деятельности.

Крупной отечественной платформой для реализации MOOK является национальная платформа «Открытое образование» (НПОО). Ее онлайн-курсы совместимы с российскими федеральными государственными образовательными стандартами высшего образования. Другими словами, эти онлайн-курсы разрабатываются таким образом, чтобы при желании вузы могли засчитывать результаты обучения на платформе в рамках обучения студентов по основным образовательным программам уровня бакалавриата или магистратуры. Общность НПОО с платформами edX и Coursera заключается в том, что она использует программное обеспечение Open edX.

НПОО создана ассоциацией, учредителями которой выступают ведущие вузы России: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,

Санкт-Петербургский государственный университет, Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Московский физико-технический институт, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина и Университет ИТМО [10]. Количество слушателей насчитывает 1880 тыс. человек. В настоящее время на платформе имеется 753 онлайн-курса по различным направлениям подготовки. Разработчиками курсов являются 17 вузов. Предлагаются готовые модели интеграции онлайн-курсов в основные образовательные программы вузов: от индивидуальной до институциональной [11].

В целом формат обучения и оформление интерфейса напоминают Coursera. Важное отличие НПОО заключается в отсутствии полных программ магистратуры и бакалавриата; максимальным уровнем образовательных программ служит уровень повышения квалификации.

Обратимся к решению второй задачи нашего исследования. Мы определим область «информационная безопасность в дистанционном обучении» достаточно широко и включим в нее не только стандартные меры по защите личных и корпоративных данных в виртуальном пространстве, но и меры, которые бы служили защите будущей карьеры обучающегося, защите идентичности личности и социума, обеспечению цифрового суверенитета государства. Представим эти меры в виде уровневой схемы — абстрактной модели, для каждого пункта определим, кто несет ответственность за его обеспечение: индивид (личная ответственность), организация (институциональная ответственность) либо и личность, и организация совместно. Высшим уровнем может быть уровень государства.

Первый уровень мы условно обозначим как поверхностный, или технический. На этом уровне образовательная организация, которая реализует образовательные программы в дистанционном формате, обеспечивает меры по охране личных данных пользователя, а также защищает свой образовательный контент. Одновременно она защищает пользователей (обучающихся) от сторонней информации в обучающей виртуальной среде (например, от рекламы). Разрабатывает и размещает в виртуальном пространстве качественное образовательное содержание, тем самым защищая будущую карьеру обучающихся, повышая их конкурентоспособность на рынке труда.

Первый уровень включает в себя минимально необходимые меры по обеспечению безопасности в условиях дистанционного обучения, которое в принципе невозможно без их соблюдения.

Второй уровень — условно назовем его срединным, или прогностическим, — это уровень формирования умения экспертизы. Указанное умение формируется у обучающегося. Оно призвано помочь ему, во-первых, отличать качественное онлайн-образование от некачественного и, во-вторых, отличать качественное программное обеспечение от некачественного. При применении экспертных умений в личных делах, например при выборе онлайн-курсов для самостоятельного обучения либо при покупке для личного пользования

специального программного продукта, допустим электронного словаря, мы имеем дело с личной ответственностью. При выходе на институциональный уровень, к примеру для выбора платформы с готовыми онлайн-курсами или платформы для самостоятельного изготовления онлайн-курсов, мы можем говорить об ответственности образовательной организации в лице уполномоченных работников. С этим уровнем мы свяжем и необходимость изучения профессионально ориентированного программирования [12].

Иными словами, на втором уровне информационная безопасность понимается как защита себя (отдельной личности или образовательной организации) от некачественного, возможно, вредоносного, образовательного контента (отсюда и обеспечение безопасности будущей карьеры обучающегося) и программного обеспечения и далее — как обеспечение сохранности личного или корпоративного бюджета от связанных с этим необоснованных трат.

Третий уровень мы назовем глубинным, или уровнем идентичности. Он касается противостояния угрозе всему обществу, а следовательно, государству через размывание самой концепции здорового общества и касается языковой, культурно-исторической, гендерной идентичности. Безусловно, языковой, культурно-исторический и гендерный компоненты идентичности на практике тесно связаны между собой и вряд ли могут существовать совершенно отдельно друг от друга, но в рамках нашей работы мы посчитали необходимым привлечь термин «идентичность» для построения абстрактной модели.

Идентичность как феномен и ее виды широко описаны в предметно-специальной литературе (см., например, [13, 14]). Подход к определению содержания этого понятия в нашем изложении может несколько отличаться от общепринятого, однако мы не стремимся трактовать его по-новому. Мы обращаемся к термину при построении абстрактной модели, с помощью которой сможем достичь собственно цели нашей работы. Понятие идентичности используется как инструмент настройки абстрактной модели, служит для определения направления развития мысли. В этой связи здесь и далее мы рассматриваем языковую, культурно-историческую и гендерную идентичность исключительно в рамках нашего изложения, а не в качестве самостоятельных объектов исследования.

Языковая идентичность в ее связи со сферами информационной безопасности и дистанционного обучения может быть поддержана путем предоставления возможности обучаться на родном языке (в том числе и параллельно с иностранными) и улучшать владение родным языком. Такое положение вещей стимулирует развитие подязыка науки в рамках этого языка. Уровень ответственности лежит здесь выше личностного. Это уровень минимум образовательной организации.

Культурно-историческая идентичность может быть обеспечена путем разработки собственных образовательных программ в дистанционном формате, т. е. через содержание обучения. Проведенный нами анализ международных, а фактически — ориентированных исключительно на США и Великобританию, платформ MOOC показывает, что требуемый провайдером формат

курсов и созданная ими шаблонная искусственная «традиция» почти полностью нивелируют возможность образовательных организаций показать свои культурно-исторические особенности, свои истинные традиции (см. также о процессах глобализации: [15]).

Под гендерной идентичностью мы понимаем защиту личности от навязывания «ценностей» ЛГБТ-сообществ и других сходных сообществ через содержание обучения. Поскольку речь идет об образовательном контенте, то уровень ответственности лежит минимум в плоскости образовательной организации. Важность защиты гендерной идентичности была подчеркнута Президентом Российской Федерации В. В. Путиным в ходе выступления на пленарной сессии XVIII заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» 2021 г. [16].

Представим взаимосвязи описанной нами абстрактной модели с помощью таблицы 1.

Таблица 1

**Представление абстрактной модели
«дистанционное обучение и информационная безопасность»**

Уровень угрозы	Содержание уровня	Уровень ответственности
1. Поверхностный	Охрана личных данных пользователя	Уровень образовательной организации
	Защита образовательного контента	Уровень образовательной организации
	Обеспечение качества содержания образования	Уровень образовательной организации
2. Срединный	Способность отличать качественные образовательные онлайн-продукты от некачественных	Уровень личности, уровень образовательной организации
	Способность отличать качественное программное обеспечение от некачественного	Уровень личности, уровень образовательной организации
3. Глубинный	Защита языковой идентичности	Уровень образовательной организации, уровень государства
	Защита культурно-исторической идентичности	Уровень образовательной организации, уровень государства
	Защита гендерной идентичности	Уровень образовательной организации, уровень государства

Изложенные выше положения абстрактной модели «дистанционное обучение и информационная безопасность» позволяют выделить набор умений, которые должны быть сформированы у обучающихся вузов для выработки базовых компетенций в области цифровой экономики и цифрового суверенитета.

Поскольку непосредственное содержание дисциплин, предполагающих формирование указанных базовых компетенций, будет зависеть от специфики вуза, реализуемой основной образовательной программы и прочих, частных, факторов, ниже мы сфокусируемся на рамочных рекомендациях. Также мы предполагаем, что формирование искомых компетенций вряд ли будет возможно осуществить в рамках только одной дисциплины, поскольку в нашем понимании абстрактная модель затрагивает многие предметные области и отсюда — различные дисциплины (технические, педагогические, исторические, лингвистические, философские и т. п.).

Рассмотрим первый уровень угрозы. Поскольку ответственность за исполнение мер этого уровня лежит на образовательной организации, мы рассматриваем обучающихся как потенциальных работников таких организаций (табл. 2).

Таблица 2

Меры первого уровня и сопряженные с ними предметные области

Меры первого уровня	Предметная область
Охрана личных данных пользователя	Техническая
Защита образовательного контента	Техническая
Обеспечение качества содержания образования	Педагогическая

На втором уровне угрозы ответственность за обеспечение мер может лежать как на личности (производит экспертизу для собственных нужд), так и на образовательной организации (производит экспертизу для нужд этой организации). Отсюда обучающиеся рассматриваются и как потенциальные индивидуальные пользователи программных продуктов, и как работники образовательных организаций (табл. 3).

Таблица 3

Меры второго уровня и сопряженные с ними предметные области

Меры второго уровня	Предметная область
Способность отличать качественные образовательные онлайн-продукты от некачественных	Педагогическая экспертная
Способность отличать качественное программное обеспечение от некачественного	Техническая экспертная (включая профессионально ориентированное программирование)

На третьем уровне угрозы представлен уровень ответственности не ниже уровня образовательной организации. Обучающиеся рассматриваются как потенциальные работники образовательных организаций или государственных управляющих структур в сфере образования.

Под областью профессионально ориентированного программирования мы понимаем область обучения базовым умениям разработки и оценки специфических программных продуктов, релевантных для конкретной профессиональной области [17]. Формирование понимания того, каковы возможности

современного программного обеспечения, как происходит его разработка и какова стоимость этих процессов на различных этапах производства, позволит обучающемуся в будущем выступать не столько в роли программиста (это возможно, но не требуется, для этого есть отдельные специалисты), сколько в роли руководителя или эксперта проектной группы разработчиков программного обеспечения (табл. 4).

Таблица 4

Меры третьего уровня и сопряженные с ними предметные области

Меры третьего уровня	Предметная область
Защита языковой идентичности	Историческая, культурологическая, лингвистическая
Защита культурно-исторической идентичности	Историческая, культурологическая
Защита гендерной идентичности	Историческая, культурологическая, этическая

Предложенная схема сопряжения отдельных мер с предметными областями подводит нас непосредственно к ответу на вопрос о формировании персональных образовательных маршрутов обучающихся вузов Российской Федерации.

Разнообразие предметных областей не позволят нам формировать все требуемые умения в рамках одной дисциплины. Целесообразным кажется разработать специальные модули для дисциплин, которые коррелируют с предметными областями таблиц 2–4.

Также нам представляется, что учесть все меры по всем уровням в одной основной образовательной программе на практике может быть затруднительным. Причиной этому может служить отсутствие специалистов, учебных материалов, научных фундаментальных разработок по теме и пр. В этой связи представление абстрактной модели в виде уровневой системы позволит разработчикам основных образовательных программ понять, какие компоненты являются для них осуществимыми уже сейчас, а к реализации каких необходимо будет подготовиться.

Например, классические гуманитарные вузы легче справятся с третьим уровнем, чем с первым. Второй уровень представит меньшую проблему для педагогических вузов, чем для технических и т. д.

Итак, в ходе нашего исследования мы, прежде всего, рассмотрели вопросы, связанные с актуальным состоянием дистанционного обучения как неотъемлемого компонента цифровой экономики — в лице массовых открытых зарубежных и отечественных платформ. Анализ данных провайдеров платформ, а также данных предметно-специальной литературы позволил определить точки соприкосновения предметных областей информационной безопасности и дистанционного обучения, обозначить угрозы, которые присутствуют в этой сфере, разработать уровневую классификацию мер по обеспечению информационной безопасности в сфере дистанционного обучения, исходя из степени устраняемой при их помощи угрозы.

Перспективой исследования может стать разработка конкретных модулей для дисциплин основных образовательных программ по различным направлениям подготовки (техническим, гуманитарным, экономическим и т. д.) в целях создания шаблонных (персонифицированных по направлениям подготовки) решений для последующего широкого внедрения.

Список источников

1. Калашников С. Б., Матвеева И. И., Гаврилина О. В., Симкина В. С. Модель интерактивной онлайн-лекции в системе вузовского образования: методологическое обоснование. *Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование.* 2021; 2 (42): 96–109. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.42.2.10
2. Пустовит М. Ю. Аспекты преподавания методических дисциплин студентам-филологам в условиях дистанционного обучения. *Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование.* 2021; 2 (42): 110–116. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.42.2.11
3. About Us | edX URL: <https://www.edx.org/about-us> (дата обращения: 24.09.2021).
4. About | Coursera. URL: <https://about.coursera.org> (дата обращения: 25.09.2021).
5. Винник В. К., Тарасова Е. В., Воронкова А. А., Павлова И. А. Массовые образовательные онлайн-курсы — новая цифровая образовательная среда. *Современные наукоемкие технологии.* 2021; 8: 170–175. DOI: 10.17513/snt.38798
6. Волобуева Т. Б. Массовые открытые онлайн-курсы как форма повышения квалификации педагогов. Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2020; 4 (45): 16–22.
7. Гречушкина Н. В. Массовые открытые онлайн курсы как средство продвижения бренда вуза. *Наука и образование XXI века: мат-лы X Междунар. науч.-практ. конф., Рязань, 28 окт. 2016 г.* Рязань: АНО ВО «Современный технический университет»; 2016: 104–106.
8. Богданова Д. А. Массовые открытые онлайн курсы — мировая экспансия. *Образовательные технологии.* 2014; 1: 10–18.
9. Полтанов Е. В., Якушева А. В., Седельников Т. И. Системный анализ динамики развития и показателей оценки массовых открытых онлайн курсов. *Актуальные вопросы современной науки и образования: сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск, 11 марта 2021 г.* Петрозаводск: Междунар. центр научного партнерства «Новая Наука»; 2021: 168–185.
10. Сотрудничество с вузами. Открытое образование. URL: <https://openedu.ru/partners/apply> (дата обращения: 25.09.2021).
11. Сулейманова О. А. К вопросу об оптимизации модели подготовки современного переводчика. *Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование.* 2020; 1 (37): 114–122. DOI: 10.25688/2076-913X.2020.37.1.12
12. Горожанов А. И. Дисциплина «профессионально ориентированное программирование» для лингвистов — потенциальных авторов электронных учебников. *Вестник Московского государственного лингвистического университета.* 2015; 25 (736): 147–156.
13. Дробижеева Л. М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма. Мир России. Социология. Этнология. 2017; 26 (1): 7–31.
14. Солдатова Е. Л., Погорелов Д. Н. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы. *Образование и наука.* 2018; 20 (5): 105–124. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-5-105-124.

15. Тарева Е. Г., Викулова Л. Г., Макарова И. В. Инновационное моделирование кейсов по межкультурной коммуникации. *Бизнес. Образование. Право*. 2018; 4 (45): 398–404.
16. Путин В. В. Выступление на пленарной сессии XVIII заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66975> (дата обращения: 25.10.2021).
17. Gorozhanov A. I., Guseynova I. A. Programming for specific purposes in linguistics: A new challenge for the humanitarian curricula. *Training, Language and Culture*. 2020; 4 (4): 23–38. DOI: 10.22363/2521-442X-2020-4-4-23-38

References

1. Kalashnikov S. B., Matveeva I. I., Gavrilina O. V., Simkina V. S. Model' interaktivnoj onlajn-lekcii v sisteme vuzovskogo obrazovaniya: metodologicheskoe obosnovanie. *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie*. 2021; 2 (42): 96–109. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.42.2.10 (In Russ.).
2. Pustovit M. Yu. Aspekty' prepodavaniya metodicheskix disciplin studentam-filologam v usloviyax distancionnogo obucheniya. *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie*. 2021; 2 (42): 110–116. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.42.2.11 (In Russ.).
3. About Us | edX URL: <https://www.edx.org/about-us> (data obrashheniya: 24.09.2021).
4. About | Coursera. URL: <https://about.coursera.org> (data obrashheniya: 25.09.2021).
5. Vinnik V. K., Tarasova E. V., Voronkova A. A., Pavlova I. A. Massovy'e obrazovatel'ny'e onlajn-kursy' — novaya cifrovaya obrazovatel'naya sreda. *Sovremennyy'e naukoemkie tekhnologii*. 2021; 8: 170–175. DOI: 10.17513/snt.38798 (In Russ.).
6. Volobueva T. B. Massovy'e otkry'ty'e onlajn-kursy' kak forma povы'sheniya kvalifikacii pedagogov. *Nauchnoe obespechenie sistemy' povы'sheniya kvalifikacii kadrov*. 2020; 4 (45): 16–22. (In Russ.).
7. Grechushkina N. V. Massovy'e otkry'ty'e onlajn kursy' kak sredstvo prodvizheniya brenda vuza. *Nauka i obrazovanie XXI veka: mat-ly' X Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Ryazan', 28 okt. 2016 g. Ryazan': ANO VO «Sovremennyy'j tekhnicheskij universitet»*; 2016: 104–106. (In Russ.).
8. Bogdanova D. A. Massovy'e otkry'ty'e onlajnovyy'e kursy' — mirovaya e'kspaniya. *Obrazovatel'ny'e tekhnologii*. 2014; 1: 10–18. (In Russ.).
9. Poltanov E. V., Yakusheva A. V., Sedel'nikov T. I. Sistemny'j analiz dinamiki razvitiya i pokazatelej ocenki massovy'x otkry'ty'x onlajn kursov. *Aktual'ny'e voprosy' sovremennoj nauki i obrazovaniya: sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Petrozavodsk, 11 marta 2021 g. Petrozavodsk: Mezhdunar. centr nauchnogo partnerstva «Novaya Nauka»*; 2021: 168–185. (In Russ.).
10. Sotrudnichestvo s vuzami. Otkry'toe obrazovanie. URL: <https://openedu.ru/partners/apply> (data obrashheniya: 25.09.2021). (In Russ.).
11. Sulejmanova O. A. K voprosu ob optimizacii modeli podgotovki sovremenного perevodchika. *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie*. 2020; 1 (37): 114–122. DOI: 10.25688/2076-913X.2020.37.1.12 (In Russ.).
12. Gorozhanov A. I. Disciplina «professional'no orientirovannoe programmirovaniye» dlya lingvistov — potencial'ny'x avtorov e'lektronny'x uchebnikov. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2015; 25 (736): 147–156. (In Russ.).

13. Drobizheva L. M. Grazhdanskaya identichnost' kak uslovie oslableniya e`tnicheskogo negativizma. *Mir Rossii. Sociologiya. E`tnologiya*. 2017; 26 (1): 7–31. (In Russ.).
14. Soldatova E. L., Pogorelov D. N. Fenomen virtual'noj identichnosti: sovremennoe sostoyanie problemy`. *Obrazovanie i nauka*. 2018; 20 (5): 105–124. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-5-105-124 (In Russ.).
15. Tareva E. G., Vikulova L. G., Makarova I. V. Innovacionnoe modelirovanie kejsov po mezhkul'turnoj kommunikacii. *Biznes. Obrazovanie. Pravo*. 2018; 4 (45): 398–404.
16. Putin V. V. Vy`stuplenie na plenarnoj sessii XVIII zasedaniya Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj». URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66975> (data obrashheniya: 25.10.2021). (In Russ.).
17. Gorozhanov A. I., Guseynova I. A. Programming for specific purposes in linguistics: A new challenge for the humanitarian curricula. *Training, Language and Culture*. 2020; 4 (4): 23–38. DOI: 10.22363/2521-442X-2020-4-4-23-38

Информация об авторах

Алексей Иванович Горожанов — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка факультета немецкого языка, заведующий лабораторией фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования МГЛУ.

Иннара Алиевна Гусейнова — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка МГЛУ.

Оксана Ивановна Писарик — младший научный сотрудник лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования МГЛУ.

Information about the authors

Alexey I. Gorozhanov — Doctor of Philology, associate professor, professor of the German language grammar and history department at the Faculty for German language, Laboratory for fundamental and applied issues of virtual education, Moscow State Linguistic University.

Innara A. Guseynova — Doctor of Philology, associate professor, professor of the German language grammar and history department at the Faculty for German language, Moscow State Linguistic University.

Oxana I. Pisarik — junior researcher at the Laboratory for fundamental and applied issues of virtual education, Moscow State Linguistic University.

Научная статья

УДК 81'37

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.12

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПЕРСОНАЖА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ: ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Шаталова Ольга Васильевна

Институт филологии,

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина,

Елец, Россия,

shat_o_v@mail.ru

Аннотация. В статье делается попытка обоснования грамматического взаимодействия языков в речи персонажей художественной литературы — инородцев по отношению к русскоязычной культуре; на примере анализа речи нанайцев (гольдов), китайцев, японцев, представленной в произведениях В. К. Арсеньева, Н. П. Задорнова, П. А. Бляхина, выявляется системно проявляющаяся тенденция использования грамматических форм и синтаксических конструкций родного языка в русскоязычной речевой ситуации. Также высказывается гипотеза об амбивалентности идеи грамматической трансформации по отношению к русскому языку в его взаимодействии другими языками в условиях глобализации и поликультурности.

Ключевые слова: языковая личность; грамматика; синтаксис; инородцы; Арсеньев; Задорнов; поликультурная среда.

Для цитирования: Шаталова О. В. Проблема национальной идентификации персонажа художественного произведения: грамматический аспект. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*. 2022; 46 (2): 132–142. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.12

Original article

THE PROBLEM OF THE LITERARY CHARACTER NATIONAL IDENTIFICATION: GRAMMATICAL ASPECT

Olga V. Shatalova

Institute of Philology,

Yelets State University named after I. A. Bunin,

Yelets, Russia,

shat_o_v@mail.ru

Abstract. This research attempts to substantiate the grammatical interaction of languages in the speech of literary characters, for example, foreigners in relation to the Russian-speaking

culture. On the example of the analysis of Nanai (Golds), Chinese and Japanese speech, presented in the works of V. K. Arsenyev, N. P. Zadornov, and P. A. Blyakhin, the article reveals a systematic tendency to use native language grammatical forms and syntactic constructions within the Russian-language speech framework. The author also suggests the hypothesis about the ambivalence of the idea of grammatical transformation in relation to the Russian language in its interaction with other languages in the context of globalization and multiculturalism.

Keywords: language personality; grammar; syntax; foreigners; Arsenyev; Zadornov; multicultural environment.

For citation: Olga V. Shatalova. The Problem of Literary Character National Identification: Grammatical Aspect. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic education*. 2022; 46 (2): 132–142. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.12

Современные условия развития социума во многом определяются тенденциями глобализации и интеграции, при этом вопрос национальной дифференциации культуры и национальной идентификации (а также самоидентификации) переходит в сферу психологии, социологии, политологии [1 и др.]. Интерес к говорящей личности обусловлен не только и не столько общей антропоцентрической направленностью науки конца XX – начала XXI в., сколько проблемами психолингвистического и социолингвистического характера, возникшими в связи с попытками полного нивелирования национально-культурных приоритетов, что парадоксально привело к обострению межкультурных отношений, вызванному «конфликтным характером взаимодействия представителей различных культур, разных ценностей и приоритетов» [2]. В сложившейся ситуации именно язык — как основное средство репрезентации личности — остается показательным фактором характеристики личности человека, мышления отдельной личности и общества в целом и позволяет на научно-прагматическом уровне оценивать возможности взаимодействия народов и толерантного сосуществования культур. Ведь особенности лексической и грамматической организации речи позволяют выявить психологические, интеллектуальные и духовно-нравственные качества личности, что является предметом исследования теории языковой личности [3; 4], а также гуманитарных исследований в целом.

Исследование языковой личности и попытки корреляции ее определенных аспектов производятся на различном материале: публицистических текстах, примерах повседневно-бытового общения, материалах популярных интернет-ресурсов, в контенте которых представлена речь современного носителя русского языка, и пр. Однако, несмотря на происходящие изменения в оценке приоритетов, константных параметров развития общества, художественная литература остается объективным релевантным источником «информации по проблеме национальной идентификации» [5, с. 47], которая обостряется в связи с процессами глобализации, причем требуется в том числе и пересмотр собственно понятий идентичности и идентификации [6].

Значимость характеристики принципов и категорий национальной идентичности и идентификации бесспорна, хотя в современной лингвистической науке нет достаточно системного арсенала средств для оценивания степени проявленности национальных и инациональных черт в структуре языковой личности. Материалом для исследования обозначенной проблемы могут выступать высказывания различного типа, однако особо показательной является форма репрезентации персонажа художественного произведения в тех случаях, когда в сюжете, представленном на одном языке, появляется персонаж, формально маркированный как носитель иных культуры и языка, но объективирующийся в тексте с использованием средств основного языка произведения. В филологической науке — в литературоведении — можно встретить обращение к отдельным особенностям речи подобных персонажей в рамках представления речевого портрета или частных аспектов речевой характеристики, рассмотрение же обозначаемой проблемы с позиций теории языковой личности отсутствует в современной лингвистике.

Историко-политическая конъюнктура развития России и поликультурность как основной фактор формирования и развития социума определили тот факт, что в русской национальной литературе представлен достаточно широкий спектр персонажей, говорящих по-русски, в речи которых явно выявляется инациональная ориентированность. При этом национальный состав населения территории России и сопредельных территорий, часто в разные исторические периоды входивших в состав государства, достаточно широко представлен нациями и народностями, в целом обозначающимися как восточные, что, несомненно, требует изучения.

Каноническая концепция теории языковой личности базируется на исследовании вербально-семантического и лексико-фразеологического уровней организации языковой личности [7; 3 и др.], прагматический и когнитивный уровни организации языковой личности исследуются несистемно в рамках общегуманитарного подхода — через анализ речевых и неречевых поступков [8; 9], без достаточной опоры на собственно языковые маркеры.

На наш взгляд, грамматико-синтаксический анализ речи персонажа художественного произведения позволяет существенно расширить спектр характеристик языковой личности, выявить дополнительные параметры национальной дифференциации и национальной идентификации личности при признании факта приоритетных (доминантных) конструкций и опоры на принципы частотности, функционально-коммуникативной обусловленности и семантико-прагматической валентности грамматико-синтаксических построений [10].

Репрезентация образов так называемых инородцев в художественной литературе происходит с опорой на речевые формы, которые, естественно, контрастируют с литературной (или даже диалектной) речью носителей русского языка. В качестве текстовой основы для исследования языковой личности носителя иной — не русской — культуры были взяты произведения, созданные

в различные историко-культурные периоды развития русской литературы, хотя хронологически достаточно близкие, что, на наш взгляд, обуславливает относительную объективность обобщающих выводов: В. К. Арсеньев «Дерсу Узала. Из воспоминаний о путешествии по Уссурийскому краю в 1907 году» — художественно-публицистическая повесть, имеющая документальную основу научно-исследовательской направленности, опубликованная в 1923 г.; П. А. Бляхин «Красные дьяволята» — приключенческая повесть идеологически-пропагандистского характера, изданная в 1922 г.; Н. П. Задорнов «Амур-батюшка» — исторический роман, созданный в 1941–1946 гг. Обобщающим критерием для отбора данных произведений стало наличие героев, играющих значительную роль в сюжетах, говорящих по-русски, но принадлежащих к российским — дальневосточным — инородцам: в произведениях В. К. Арсеньева и Н. П. Задорнова это нанайцы (гольды) и китайцы, герой П. А. Бляхина — китаец.

Тунгусо-манчжурские и сино-тибетские языки (как правило, в форме диалектов), особенно в зоне их ближайшего геокультурного соприкосновения, оказываются соотносимы между собой по отношению к русскому языку, принципиально отличающемуся от названных языков на всех уровнях своей организации. Именно этот аспект определяет тот факт, что герои-инородцы в художественных произведениях «говорят», искажая русский язык, проявляя самым явным образом свою принадлежность к другой национальности. Подобную форму языка можно охарактеризовать как некий трансформационный вариант русского языка, характеризующийся определенными разноуровневыми отличиями, или вслед за современными исследователями языков Приамурья обозначить как некий «русский пиджин — упрощенный язык-посредник, на котором нанайцы и удэгейцы общались с русскими» [11, URL]. В задачи нашего исследования входит выявление конкретных черт национальных языков в формируемом новом речевом контенте на базе русского языка.

Отличия проявляются в различных аспектах. Так, наиболее показательным средством национальной характеристики персонажа выступает фонетическая оформленность речи. (1) *Караша, капитана, моя твоя товалиса!* (Хорошо, капитан! Я твой товарищ) [12, URL]. (2) *Слюхай, капитана!* (Слушаюсь, капитан!) *Ай, никараша...* (Ай, нехорошо...) [12, URL]. Естественно предположение, что фонетическое несоответствие обусловлено отсутствием определенных звуков в родном языке говорящих, например таких как [ш'], [ш], [ч'], говорящий подбирает в соответствующей позиции звук родного языка, наиболее близкий по артикуляционным характеристикам к чужеродной фонеме.

Также ярко проявляется культурная специфика речи говорящей личности в лексике. (1) *Бедный старик. Бросил бы он эту бабу, делал бы **оморочку** [лодку] да кочевал бы на другое место...* [14, URL]. (2) *Тебе какой люди, тебе как чужой мед **карабчи** [украл]!* [14, URL].

Примечательно здесь то, что используются не какие-либо диалектные лексемы, которые можно было бы квалифицировать как экзотизмы, а именно

слова нанайского (гольдского) языка, которые имеют аналоги в русском языке и которые используются в речи при дефиците чужого лексикона.

Заметим, что фонетическая и лексическая трансформация речи как прием формирования образа инокультурной языковой личности используется достаточно широко не только в художественной литературе и анализируется в исследованиях филологической направленности [9, с. 160–161], но и в кинематографе, поскольку звуковая репрезентация позволяет легко квалифицировать речь как несоответствующую нормам внешней оформленности определенного языка. Также лексико-понятийное соотношение отдельных произносимых единиц позволяет носителю языка определять принадлежность конкретного слова «своему» или «чужому» языку. (Подобный подход позволяет, например, создавать искусственные: иностранные, инопланетные — псевдоязыки с какими-либо художественными и/или идеологическими целями).

Однако, на наш взгляд, наиболее реальным и показательным фактором квалификации языковой личности как иноязычной и инокультурной является грамматическая структура высказываний, поскольку грамматика языка служит специфическим каркасом, в который носитель языка автоматически встраивает лексические единицы: данный тезис легко иллюстрируется процессами адаптации заимствований. При использовании неродного языка говорящий, в зависимости от степени владения иностранным языком, естественно, использует «чужую» лексику в соотношении с грамматическими образцами родного языка. Особенно ярко данное явление прослеживается при сочетании языков разного типа в реализации одной языковой личности.

Так, персонажи художественной литературы, родным для которых является один из языков тунгусо-манчжурских или сино-тибетских языков, говоря на русском языке, используют специфические синтаксические конструкции. Например, Дерсу Узала — нанец, или гольд, главный герой одноименного произведения В. К. Арсеньева, большинство своих высказываний (в достаточно достоверной передаче автора) строит по синтаксическому образцу, характерному для нанайского языка [15; 11]: субъект — объект — предикат. (1) *Моя река ходи, хочу воды бери.* (Я к реке пойду) [14, URL]. (2) *Тебе земля ходи, нога топчи, след делай.* (Ты по земле ходишь, нога топчет, след делает) [14, URL]. Гольды в романе Н. П. Задорнова «Амур-батюшка» используют аналогичные грамматические формы глагола: (1) *Нам помогал! Бабка наш лецил... И тебе копье даем и от родового кремня кусочек.* (Бабка нас лечила) [13, с. 132]. Аналогично строятся предложения в высказываниях и других персонажей, например, китайца Ю-ю — героя повести П. А. Бляхина «Красные дьяволята», или китайца Гао Да-пу — одного и персонажей романа Н. П. Задорнова «Амур-батюшка». (1) *Мой карабай на твой башка стреляй будет!* (Мое ружье в твою голову стрелять будет) [12, URL]. (2) *Ангу надо русской бабой сделать... Тебе деньги не жалей...* (Ты деньги не жалей...) [13, с. 76]. В русском простом предложении прямое дополнение занимает традиционно постпозиции по отношению к предикату.

Соотношение грамматических форм русского языка с национальным проявляется не только в синтаксической организации высказываний, но и в специфической трансформации отдельных грамматических форм. Для нанайского языка, как для большинства тунгусо-манчжурских (и многих других древних языков), характерна категория посессивности [16, с. 32] с активно проявляющимся лично-притяжательным склонением — когда обозначение субъекта четко соотносится либо совпадает с обозначением принадлежности. Этот аспект определяет использование русскоязычных притяжательных местоимений для обозначения субъекта 1, 2 и 3-го лица.

(1) *Моя думай, в этом месте черт живи.* (**Я** думаю) [14, URL]. (2) *Сегодня ночью наша звезды посмотри.* (**Мы** посмотрим) [14, URL]. (3) *Его вредный люди.* (**Он** вредный человек) [14, URL]. (4) *Его был смирный люди.* (**Он** был смирный человек) [14, URL].

(5) *Мой знал. Кого мешок тащил. А твой молчать, шайтан!* (**Я** знал. Кого в мешке тащил. А **ты** молчи, шайтан!) [12, URL]. (6) *Мой не отстанет.* (**Я** не отстану) [12, URL].

(7) *Наша тебе, как братка. Наша не трогай, наша с тобой приятели...* (**Я** тебе, как брат. Меня не трогай, я тебе приятель... / **Мы** с тобой приятели) [13, с. 221]. (8) *Моя так всегда играй! Моя никогда не бей* (**Я** так всегда играю! **Я** никогда не бью) [13, с. 175]. (9) *Моя не надо! Моя мужик, моя не купец* (**Мне** не надо! **Я** мужик, **я** не купец) [13, с. 357]. (10) *И твоя самый дорогой мне друг* (**И ты** мне самый дорогой друг) [13, с. 378].

Показательным параметром языковой личности, для которой русский язык не является родным, служит употребление глагола. Система глагольных форм в русском языке носит достаточно сложный характер в силу своей видо-временной разветвленности, а также в соотношении с категориями склонения, лица и числа. Освоение всех форм глагола требует функционально-прагматической обусловленности изменения окончания глагола и/или применения формообразующих суффиксов. При этом понятийно-ментальное представление о соотношении действующего лица, действия, обозначаемого глаголом, и условий реализации действия далеко не всегда может совпадать для говорящего в рамках родного и неродного (в нашем случае — русского) языков. Так, в нанайском языке предикативные формы чаще всего заканчиваются на гласную букву, связочные глаголы заканчиваются на -И, а причастные формы на -Й [1; 14, с. 9–11], поэтому восприятие личных окончаний глагола в формате -ем / -им, -еишь / -ишь, -ет / -ит, -ут / -ют / -ат / -ят представляет сложности для человека, не имевшего возможности естественного усвоения грамматической системы глагольных форм русского языка (например, при длительном проживании в среде функционирования как минимум двух языков) и не получившего навыка спряжения глагола, например путем получения образования. Поэтому Дерсу Узала строит высказывания, используя формы повелительного склонения русского глагола, в наибольшей степени по внешнему (буквенно-звуковому) оформлению совпадающие с соответствующими

грамматическими явлениями нанайского языка. (1) *Ночь кончайИ, след посмотриИ, тогда понимаЙ.* (Ночь кончится, посмотрю следы, тогда пойму) [14, URL]. (2) *Шибко жалко старика. Сколько раз к морю ходИ, рыбу кричиИ.* (Очень жалко старика. Сколько раз к морю ходил, рыбу звал) [14, URL]. (3) *Ночью домой не ходИ, что ли чорта, боиза твоя?* (Ночью домой не идешь, что ли, черта боишься ты?) [13, с. 139]. Показательно, что грамматическое взаимодействие языков в рассматриваемом контексте носит двунаправленный характер. Так, бабушку Дарью — русскую женщину, до переселения в Сибирь, не имевшую опыта общения с инородной культурой, — «*постоянное общение с гольдами так приучило ... к ломаному языку, что она даже кошке, стащившей с шестка кусок лосиного мяса, говорила: — Чего твоя балуЙ? <...> Вот я тебя ножом мало-мало секИ-секИ...*» [13, с. 127].

Помимо использования глагольных форм, заканчивающихся на -И/-Й, в речи персонажей-инородцев встречаются формы, заканчивающиеся на -У/-Ю, которые с позиций русской грамматики квалифицируются как характеризующие соотносимые с субъектом действия — форма 1-го лица единственного числа: *хочу, буду, могу*. Данные формы используются только в качестве модально-связочного компонента в конструкциях, содержащих сказуемое составного глагольного типа. При этом они занимают постпозицию по отношению к смысловому глаголу и не позволяют определить субъект действия, т. е. не могут использоваться, например, в односоставных предложениях.

(1) *Теперь моя хочу утку гоняЙ.* (Теперь я хочу утку добыть) [14, URL]. (2) *Другой раз тут моя спи не хочу!* (В другой раз тут я не хочу спать) [14, URL] — субъект 1-го лица. (3) *Тебе ходи не хочу — моя стреляй, тогда виноват не буду.* (Ты не хочешь уходить — я стреляю, тогда не буду виноват) [14, URL]. (4) *Такие люди в сопках живи не могу — скоро пропади.* (Такие люди в сопках не могут жить — скоро пропадут) [14, URL] — субъект 3-го лица множественного числа. Можем предположить, что глагольные формы, оканчивающиеся на -У/-Ю, служат в нанайском языке своеобразными маркерами вспомогательного действия, соотносимого с определенными условиями репрезентации действия в окружающем пространственно-временном или идейно-тематическом контексте.

Герои художественных произведений, являясь представителями наций и/или народностей, придерживающихся культурных традиций Дальнего Востока (религиозных, социально-культурных, бытовых) и говорящих на тунгусо-манчжурских или сино-тибетских языках, приобретая начальные навыки устной русской речи или даже имея достаточно высокий уровень владения русским языком, грамматически ориентируются на формы и синтаксические конструкции родного языка. Факторами данного процесса являются следующие: специфическая препозиция объекта по отношению к предикату в рамках конструкции «субъект – объект – предикат», определяемое функционированием категории посессивности смешение местоимений личного и притяжательного разрядов, адаптация

системы глагольных форм (спряжения) в соответствии со сходными в фонетическом и грамматическом отношении формами родного языка говорящего.

Тенденция грамматической соотнесенности и адаптации форм русского языка и родного языка, естественно, характерна не только для носителей на-найского, китайского, японского языков, но и для говорящих на других языках, структурная природа которых отличается от русской грамматики [1; 11; 17]. Экспериментальные исследования текстов различных типов, анализ специфики речи лиц различных национальностей позволяет сделать предположение об универсальности обозначенной тенденции, которая может проявляться как амбивалентная. Так, речь носителей русского языка может характеризоваться определенными нюансами не только фонетического типа (так называемый акцент), но и грамматического. Данный аспект межкультурного и межъязыкового взаимодействия носит гипотетический характер и представляется перспективным для научного и прагматико-методического исследования, в частности в области оценивания качества коммуникативной, в том числе иноязычной, компетенции [18].

В то же время вполне можно выявить специфическое влияние, например, классических языков на развитие русского языка [9] и критически подойти к вопросам взаимодействия русской и английской грамматики в условиях глобализации: исследование речи реального носителя современного русского языка и/или персонажа современной русскоязычной литературы также может выявить/подтвердить идею грамматической специфики речи говорящего в условиях двуязычия (поликультурности).

Хотя необходимо отметить и тенденцию нивелирования языковой репрезентации (фонетической и грамматической) персонажей художественных произведений современной русскоязычной литературы: например, герои романа Алексея Иванова «Тобол. Много званых» — остяки — показаны как носители своеобразной остяцкой (хантыйской) культуры, для которых родным является, естественно, остяцкий язык. Однако, несмотря на то что в романе описывается начальный период освоения территории остяков русскоязычными переселенцами, речь остяков не отличается существенно от речи русских солдат, казаков, священнослужителей. То есть, на наш взгляд, не используется уникальная возможность характеристики героя через его речь — специфический инструмент демонстрации интеллекта и психологии героя, репрезентант «архива знаний» [19, р. 169]. Возможно, это объясняется устремленностью русской литературы в контекст глобалистической культуры, что парадоксально подтверждает идею о значимости грамматики для формирования, развития, сохранения национальной идентичности как персонажа художественного произведения, так и реального носителя определенной национальной культуры, отраженной прежде всего в языке.

Список источников

1. Аврорин В. К. Грамматика маньчжурского письменного языка. СПб.: Наука; 2000. 243 с.
2. Тарева Е. Г., Викулова Л. Г., Макарова И. В. Инновационное моделирование кейсов по межкультурной коммуникации. *Бизнес. Образование. Право*. 2018; 4 (45): 398–404.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Едиториал УРСС; 2003. 263 с.
4. Сигал К. Я. Некоторые замечания о языковой личности в синтаксическом преломлении. *Язык. Текст. Дискурс. Научный альманах*. Вып. 15. Ставрополь; 2017: 52–58.
5. Попова М. К. Проблема национальной идентичности и литература. *Вестник ВГУ. Серия 1: Гуманитарные науки*. 2001; (2): 45–48.
6. Викулова Л. Г., Серебренникова Е. Ф., Вострикова О. В., Герасимова С. А. Лексемы IDENTITE / ИДЕНТИЧНОСТЬ как элементы универсумов человека и языка: этносемиотрический и аксиологический аспекты интерпретации. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2020; 2 (831): 30–42.
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена; 2002. 477 с.
8. Сарбаш Л. Н. «Инонациональное» в русской литературе XIX века: чувашаи в творчестве Н. С. Лескова и Н. Г. Гарина-Михайловского. *Филология и человек*. 2013; (1): 32–41.
9. Скоропадская А. А. Поэтика иноязычной речи в рассказе И. С. Шмелева «Гассан и его Джеджи». *Проблемы исторической поэтики*. 2018; 16 (4): 157–173.
10. Шаталова О. В. Синтаксическая характеристика языковой личности: монография. 2-е изд., испр. и доп. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина; 2020. 187 с.
11. Стойнова Н., Оскольская С. Нанайский язык. Исчезающий язык жителей Приамурья. *Постнаука*. URL: <https://postnauka.ru/longreads/155732> (дата обращения: 12.12.2010).
12. Бляхин П. Красные дьяволята. Новосибирск: Западно-Сибирское изд-во; 1968. 128 с.
13. Задорнов Н. Амур-батюшка. М.: Молодая гвардия; 1952. 474 с.
14. Арсеньев В. К. Дерсу Узала. *Собр. соч.*: в 6 т. Т. I. Под ред. ОИАК. Владивосток: Альманах «Рубеж»; 2007. 704 с.
15. Нанайский язык. URL: <http://lingsib.iea.ras.ru/ru/languages/nanai.shtml> (дата обращения: 02.02.2021).
16. Краснощеков Е. В. Возникновение и развитие категории посессивности: монография. Чебоксары: Среда; 2019. 84 с.
17. Суник О. П. Очерки по синтаксису тунгусо-маньчжурских языков. *Ленинград*; 1947. 202 с.
18. Современные средства оценивания качества иноязычной компетенции: теория и практика / Г. В. Сороковых, Т. И. Жаркова, А. М. Герасимова [и др.]. М.: Учебный центр «Перспектива»; 2019. 280 с.
19. Vikulova L. G., Tareva E. G., Gerasimova S. A. et al. Retrospective semiometrics of the sign valeur. *Xlinguae*. 2020; 13 (1): 169–183.

References

1. Avrorin V. K. Grammatika man`chzhurskogo pis`mennogo yazy`ka. SPb.: Nauka; 2000. 243 s. (In Russ.).
2. Tareva E. G., Vikulova L. G., Makarova I. V. Innovacionnoe modelirovanie kejsov po mezhkul`turnoj kommunikacii. *Biznes. Obrazovanie. Pravo*. 2018; 4 (45): 398–404.
3. Karaulov Yu. N. Russkij yazy`k i yazy`kovaya lichnost`. M.: Editorial URSS; 2003. 263 s. (In Russ.).
4. Sigal K. Ya. Nekotory`e zamechaniya o yazy`kovej lichnosti v sintaksicheskom pre-lomlenii. *Yazy`k. Tekst. Diskurs. Nauchny`j al`manax*. Vy`p. 15. Stavropol`; 2017: 52–58. (In Russ.).
5. Popova M. K. Problema nacional`noj identichnosti i literatura. *Vestnik VGU. Seriya I: Gumanitarny`e nauki*. 2001; (2): 45–48. (In Russ.).
6. Vikulova L. G., Serebrennikova E. F., Vostrikova O. V., Gerasimova S. A. Leksemy` IDENTITE / IDENTICHNOST` kak e`lementy` universumov cheloveka i yazy`ka: e`tnosemi-ometricheskij i aksiologicheskij aspekty` interpretacii. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarny`e nauki*. 2020; 2 (831): 30–42. (In Russ.).
7. Karasik V. I. Yazy`kovej krug: lichnost`, koncepty`, diskurs. Volgograd: Peremena; 2002. 477 s. (In Russ.).
8. Sarbash L. N. «Inonacional`noe» v russkoj literature XIX veka: chuvashi v tvorcestve N. S. Leskova i N. G. Garina-Mixajlovskogo. *Filologiya i chelovek*. 2013; (1): 32–41. (In Russ.).
9. Skoropadskaya A. A. Poe`tika inoyazy`chnoj rechi v rasskaze I. S. Shmeleva «Gassan i ego Dzheddi». *Problemy` istoricheskoy poe`tiki*. 2018; 16 (4): 157–173. (In Russ.).
10. Shatalova O. V. Sintaksicheskaya karakteristika yazy`kovej lichnosti: monografiya. 2-e izd., ispr. i dop. ElecZ: ElecZkij gosudarstvenny`j universitet im. I. A. Bunina; 2020. 187 s. (In Russ.).
11. Stojnova N., Oskol`skaya S. Nanajskij yazy`k. Ischezayushhij yazy`k zhitelej Priamur`ya. *Postnauka*. URL: <https://postnauka.ru/longreads/155732> (data obrashheniya: 12.12.2010). (In Russ.).
12. Blyaxin P. Krasny`e d`yavolyata. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe izdatel`stvo; 1968. 128 s. (In Russ.).
13. Zadornov N. Amur-batyushka. M.: Molodaya gvardiya; 1952. 474 s. (In Russ.).
14. Arsen`ev V. K. Dersu Uzala. *Sobr. soch.*: v 6 t. T. I. Pod red. OIAK. Vladivostok: Al`manax «Rubezh»; 2007. 704 s. (In Russ.).
15. Nanajskij yazy`k. URL: <http://lingsib.iea.ras.ru/ru/languages/nanai.shtml> (data obra-shheniya: 02.02.2021). (In Russ.).
16. Krasnoshhekov E. V. Vozniknovenie i razvitie kategorii possessivnosti: monografiya. Cheboksary`: Sreda; 2019. 84 s. (In Russ.).
17. Sunik O. P. Ocherki po sintaksisu tunguso-manchzhurskix yazy`kov. Leningrad; 1947. 202 s. (In Russ.).
18. Sovremenny`e sredstva ocenivaniya kachestva inoyazy`chnoj kompetencii: teoriya i praktika / G. V. Sorokovy`x, T. I. Zharkova, A. M. Gerasimova [i dr.]. M.: Uchebny`j centr «Perspektiva»; 2019. 280 s.
19. Vikulova L. G., Tareva E. G., Gerasimova S. A. et al. Retrospective semiometrics of the sign valeur. *Xlinguae*. 2020; 13 (1): 169–183.

Информация об авторе

Ольга Васильевна Шаталова — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, методики его преподавания и документоведения Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина.

Information about the author

Olga V. Shatalova — Doctor of Philology, docent, professor of the Russian language, teaching methods and records management department, Yelets State University named after I. A. Bunin.

Научная статья

УДК 81'25

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.13

НАГЛЯДНОЕ ОТРАЖЕНИЕ ПРИЗНАКА ДЕСТРУКТИВНОСТИ В БИЛИНГВАЛЬНОМ СЛОВАРЕ НОВОГО ТИПА

Матюшина Наталия Владимировна

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

nwl2002@mail.ru

Аннотация. В настоящее время семантика нацелена на исследование значений ряда языковых единиц, в том числе синонимичных групп в различных современных языках. Семантические исследования проводятся с опорой на гипотетико-дедуктивный метод, совмещенный с компонентным анализом, что было впервые предложено О. Н. Селиверстовой. В данной статье рассматривается возможность применения выделенных и подробно описанных в подобных работах дифференциальных семантических признаков в опыте переводческой лексикографии. Подчеркивается важность отражения выделенных семантических признаков в виде схем, рисунков, сводных таблиц и т. п. Предлагается принцип такого лексикографического описания на примере семантического признака деструктивности, выражаемого английскими глаголами *to annoy*, *to bother*, *to irritate* и *to disturb*. Обосновывается результативность его использования в процессе письменного перевода, подтвержденная результатами эксперимента.

Ключевые слова: деструктивность; раздражение; дифференциальные признаки; билингвальные словари; визуализация.

Для цитирования: Матюшина Н. В. Наглядное отражение признака деструктивности в билингвальном словаре нового типа. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*. 2022; 46 (2): 143–154. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.13

Original article

VISUAL REFLECTION OF DESTRUCTIVE FEATURE IN BILINGUAL DICTIONARY OF A NEW TYPE

Nataliya V. Matyushina

Moscow City University,

Moscow, Russia,

nwl2002@mail.ru

Abstract. Modern semantic researches focus on lexemes' meaning, including synonyms' meaning, in contemporary languages. Methodically-wise such investigations rely on hypothetico-deductive method in conjunction with component analysis, the procedure

was introduced by Olga N. Selivyorstova. This work suggest to apply the data received in such semantic studies while compiling modern bilingual dictionaries. The contribution provides an example of such a translation lexicographical entry that includes pictures, schemes, tables, etc. The feature of *destructiveness* is described with English verbs *to annoy*, *to bother*, *to irritate* and *to disturb*. A translation experiment was applied to show how efficient the visual reflection is.

Keywords: destruction; annoy; bother; irritate; disturb; differential features; bilingual dictionaries; visual reflection.

For citation: Matyushina N. V. Visual reflection of destructive feature in bilingual dictionary of a new type. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic education*. 2022; 46 (2): 143–154. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.13

Настоящая работа ставит своей целью внести вклад в усовершенствование переводных словарей. Представляется важным объединить многолетние результаты лексикографов, переводоведов и данные, полученные в ходе проведения семантических экспериментов. О взаимосвязи семантических исследований, с одной стороны, и переводческих и дидактических — с другой, говорила еще О. Н. Селиверстова. Автор, в частности, отмечала, что процедурой проверки как полноты, так и правильности выделенных компонентов значения исследованной единицы может служить практика обучения иностранному языку [1]. В качестве метода семантического исследования часто используется гипотетико-дедуктивный, послуживший опорой и в данной работе. Кроме того, значимым видится и визуальное представление информации в двуязычных словарях.

В настоящее время широко распространены билингвальные словари двух видов: печатные и электронные. При этом среди лингвистов возникают разногласия касательно определения второго типа. Темой основного спора является вопрос о статусе текстового словаря на электронном носителе, а именно: можно ли причислить его к электронным словарям или же таковым можно считать только особый лексикографический продукт, обладающий более широкими опциями благодаря включению в него ряда мультимедийных программ. По мнению многих исследователей, электронный словарь нового типа требует также и принципиально нового подхода к его составлению, а именно обязательной разработки мультимедийного обеспечения [2]. Отметим, что в данной работе мы придерживаемся именно такой точки зрения, т. е. под электронным словарем понимается не просто компьютерная версия печатного издания, а продукт нового образца, имеющий различные мультимедийные свойства.

Остановимся подробнее на преимуществах и недостатках книжных и электронных изданий переводных словарей. К основным преимуществам электронного формата можно отнести удобство его использования и значительное *ускорение* процесса поиска, что принципиально для рядового пользователя.

Кроме того, электронный словарь обладает *гибкостью*: к примеру, в подобном словаре имеется возможность включения сведений как о семантике лексической единицы, так и ее сочетаемости с другими единицами. Наличие такой информации в печатном словаре является не всегда возможным и оправданным [2].

К безусловным достоинствам мультимедийного словаря можно причислить его *объемность*, которая невозможна при составлении бумажного носителя из-за ограниченного объема последнего [3].

Еще одним преимуществом компьютерного словаря является *мультимедийность*. Так, мультимедийный словарь, в отличие от бумажного, позволяет помимо традиционной информационной составляющей привлечь различные мультимедийные опции: перекрестные ссылки по аналогии, гипертекстовые ссылки на синонимы, омонимы и антонимы [3]; более того, в электронном формате появляется возможность разместить внутри словарной статьи картинки и схемы, видео- и аудиофайлы и т. п. [2]. Заметим, что пользоваться ссылками и различными иллюстрациями в электронном словаре более удобно, при этом они дают большую наглядность. Согласно справедливому замечанию Е. П. Ивановой, главная проблема словаря на бумажном носителе, связанная с описанием лексической единицы посредством других, в лексикографическом продукте нового типа успешно решается за счет привлечения мультимедийных средств: «экран, образуя своеобразное наложение страниц, открывает доступ к широкому выбору информации и различным стратегиям консультирования — продольного, перекрестного, через анимацию, звуковое сопровождение, поиск через другое слово или другой сайт» [3, с. 45].

Тем не менее не стоит недооценивать и важность печатных изданий словарей. К их явным преимуществам относятся *сохранность* информации на бумажном носителе, в отличие от аналогов, установленных на компьютерах и других мультимедийных устройствах, время от времени доставляющих неудобства своим владельцам.

Кроме того, сохранению книжных словарей способствуют и имеющиеся у печатного текста определенные *эмоционально-психологические свойства* восприятия. Многие профессиональные редакторы, преподаватели и т. п. читают и корректируют работы традиционным способом, т. е. с листа, а не непосредственно на компьютере. По-видимому, текст на электронном носителе лишен одного из своих важных аспектов — страничного формата. На экране монитора он представлен в виде глобального мегатекста, при чтении которого «не актуализируется механизм восприятия паузы» [2, с. 46–47]. Кроме того, при чтении печатного текста «задействован не только уровень зрительного восприятия, но и непосредственного тактильного контакта читателя с материальной поверхностью книги» [Там же]. Учитывая, что органы осязания формируются раньше, чем слух и зрение, частое обращение к печатному тексту по сей день вполне объяснимо [Там же].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что, во-первых, признавая высокие заслуги и не сбрасывая со счетов актуальность словарей на бумажном носителе, стоит отметить их недостаточность в качестве единственного справочного средства современного переводчика. Во-вторых, безусловной дальнейшей разработки требуют не просто оцифрованные книжные лексикографические источники, но и мультимедийные издания нового типа, включающие в себя учебно-справочные материалы и визуальный контент. И, в-третьих, что естественным образом следует из предыдущего пункта, назрела острая необходимость в создании словарей, основанных на совмещении результатов исследований ученых из разных научных сфер [2].

В связи с этим остановимся на плодах исследований представителей семантической школы профессора О. Н. Селиверстовой (в которой работают такие лингвисты, как Т. Д. Шабанова [4], О. А. Сулейманова и др.). Методы, предложенные и подробно описанные О. Н. Селиверстовой, по сей день служат опорой семантическим изысканиям коллективов молодых ученых различных отечественных и зарубежных научных площадок.

В основе работ последователей О. Н. Селиверстовой лежит предложенное в трудах ученого [5; 6] совмещенное использование гипотетико-дедуктивного метода и компонентного анализа. На начальном этапе исследования выдвигается гипотеза о наличии того или иного компонента значения у исследуемой языковой единицы. Представление о компонентах в составе языковой единицы, изначально появившееся и оправдавшее себя в фонологии, в дальнейшем было перенесено на семантику. «Перенесение данного представления предполагает попытку описать значения лингвистических знаков не изолированно, а по отношению друг к другу, и представить их в виде набора различительных признаков. В основе каждого различительного семантического признака лежит информация об одном дифференцирующем свойстве, по которому различаются единицы содержания двух или больше языковых знаков. Каждый различительный признак принимает, по крайней мере, два значения» [5, с. 18]. На втором этапе проводится семантический эксперимент, в результате которого происходит верификация выдвинутой ранее гипотезы (в случае отрицательного результата выдвигаются новые гипотезы и проводится следующая серия верификаций). Итогом исследования служит описание компонентов значения лексических единиц. Подобная методика исследования нашла дальнейшую детальную разработку в работах представителей данной семантической школы [7; 8]. В качестве основной задачи современные исследователи ставят описание *интегральных* [1] и *дифференциальных* признаков [9] в значении синонимов, а также составление словарных толкований изученных лексем [10; 11]. В данной работе особое внимание хочется обратить на значимость результатов семантических исследований не только для лексикографической практики в целом, но и для составления переводных словарей в частности. Приведем пример представления дифференциального признака в билингвальном словаре.

Рассмотрим признак *деструктивности*. Семантическая категория *деструктивности* отражает ситуации, связанные с деструкцией, т. е. разрушением в широком понимании [12]. Как отмечает С. Н. Цибулина, характер физического действия обычно требует активного производителя, субъект чаще всего выражается одушевленным существительным. Однако возможны случаи, когда в роли производителя действия выступает неодушевленный объект, который связан с субъектом отношениями физического, химического, морального или иного взаимодействия, результатом которого является деструктивное воздействие [13]. Среди признаков деструктивности как семантической сущности *выделяется способ совершения действия, результат действия, орудие действия* и др. [12]. Для описания семантики глаголов со значением «причинения беспокойства» релевантным представляется признак *результата действия*. В настоящем исследовании под *деструкцией* понимается воздействие одного действия на другое, в результате чего последнее действие может как продолжать протекать без изменений, так и быть нарушенным, прерванным или прекращенным. Отметим, что в данной работе описан признак *деструктивности* в значении английских глаголов *annoy, disturb, irritate* и *bother* как представителей наиболее емкого класса лексических единиц. Изучение наличия данного признака в семантике других частей речи английского языка, а также в значении лексических единиц других языков, в частности русском, составляет перспективу дальнейшего исследования. В настоящей работе мы опирались на данные, полученные в ходе семантических штудий, проведенных в Московском городском педагогическом университете (МГПУ) в период с 2010 по 2015 г. в рамках школы О. Н. Селиверстовой коллективом преподавателей, аспирантов, студентов-магистрантов и бакалавров.

Рассмотрим каждый из возможных вариантов подробнее. Первый вид деструкции — *параллельное протекание* — происходит, когда одно действие или состояние оказывается под воздействием другого действия, при этом не нарушается протекание исходного действия или состояния. Как показало исследование, в семантике английского глагола *to annoy* деструкция имеет значение параллельного протекания действий, ср.: *it annoys me when the sun shines too bright* — *меня раздражает, когда солнце светит слишком ярко. В предложении описана ситуация, когда спокойное состояние говорящего подвергается действию свечения солнца, что вызывает определенное раздражение, однако оно не настолько сильное, чтобы существенным образом повлиять на исходное состояние или действия говорящего. Наглядно данное значение признака можно отобразить на рисунке 1.*

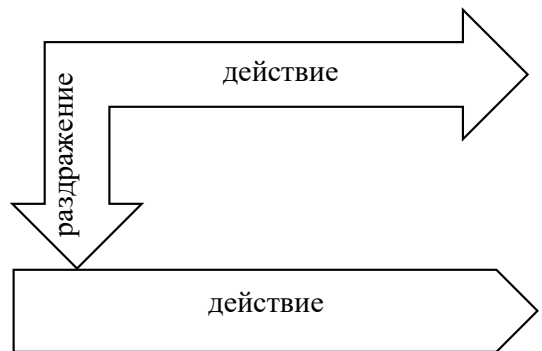

Рис. 1. Признак деструктивности: параллельное протекание действий

Второй вид деструкции — *циклическое воздействие одного* процесса на другой, при этом второй из них периодически прерывается, не нарушаясь, однако, окончательно. Английский глагол *to bother* используется для описания циклического действия раздражения, не прерывающего другое действие, ср.: *I have a five year old daughter whose cheeks turn red periodically that seems to bother her very much* — у моей пятилетней дочери периодически краснеют щеки, что сильно ее беспокоит. В данном случае описана ситуация воздействия некоего процесса (аллергической реакции и т. п.) на состояние ребенка, при этом происходящее случается время от времени и нарушает обычное состояние объекта только в эти периоды. Представим данное значение признака в виде схематичного рисунка (рис. 2).

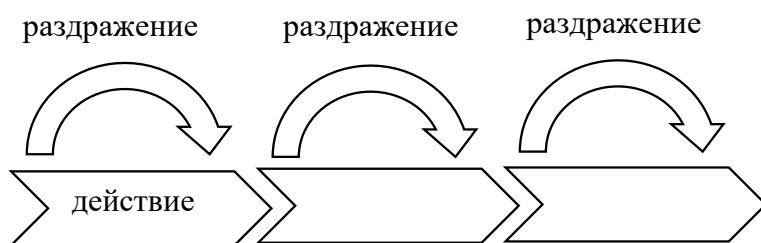

Рис. 2. Семантический признак деструктивности: циклическое воздействие раздражения

Третий вариант взаимодействия процессов представляет собой *прекращение одного из них на определенный период*, после воздействия и устранения его последствий действие или состояние объекта снова восстанавливается. *To irritate* используется в контекстах, представляющих прекращение действия или состояния объекта на определенный период, ср.: *sitting around in a wet bathing suit can irritate the sensitive skin area* — долгое пребывание в мокром купальнике может привести к раздражению кожи в зонах повышенной чувствительности. В данном примере описана ситуация, в которой мокрая одежда оказывает негативное воздействие на кожу, при этом, очевидно, после лечения такое раздражение в норме проходит. Для наглядности можно предложить следующую иллюстрацию описанного значения признака (рис. 3).

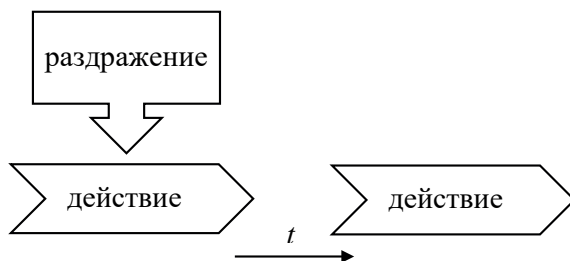

Рис. 3. Семантический признак деструктивности: прекращение действия или состояния объекта на определенный период

Четвертый вид деструкции — *полное прекращение действия*, т. е. одно действие или состояние полностью прерывается другим и дальнейшее возобновление исходного действия или состояния невозможно. В семантике лексемы *to disturb* признак деструкции *имеет значение полного прекращения действия*, ср.: *even small amounts of light and noise can disturb sleep as you age — с возрастом любой свет и шум не дает спать (букв. мешает спать)*, где описана ситуация воздействия шума и света на процесс сна, который из-за этого, по-видимому, прекращается. В качестве визуализации последнего значения признака деструктивности может служить следующий рисунок (рис. 4).

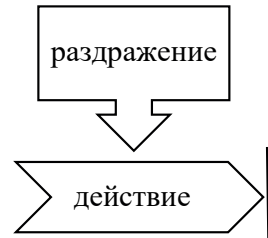

Рис. 4. Признак деструктивности: полное прекращение действия

Признак *деструктивности* и его значения можно отразить и в сводной таблице (табл. 1) (более детальное описание семантического эксперимента, значений лексем и их апробация предложены в [14]).

Таблица 1

**Признак деструктивности в семантике глаголов
to annoy, to bother, to irritate и to disturb**

Значения признака деструктивности	Лексемы
Параллельное протекание действий	to annoy
Цикличное воздействие раздражения	to bother
Прекращение действия или состояния объекта на определенный период	to irritate
Полное прекращение действия	to disturb

Отметим, что наглядные схемы разумнее предлагать в словаре в качестве опции, к которой пользователь сможет обращаться по мере необходимости. В таком случае читатель самостоятельно будет принимать решение относительно необходимости опоры на визуальный контент, а именно: достаточно ли ему только текстовой информации, полезны ли ему примеры контекстов употребления лексических единиц, необходима ли в его работе информация, приведенная в табличной форме, и насколько релевантны схематические отображения различных дифференциальных признаков в значении лексем.

Перейдем к подробному рассмотрению примеров русских высказываний, при переводе которых на английский язык могут оказаться полезными предложенные выше схемы и таблица.

(1) *Чтобы остановить плохое поведение вашего кота, просто ненадолго включите специальное устройство, издающее раздражающий его звук — ... a sound that annoys your cat / annoying sound* (параллельное протекание действий).

(2) Меня **раздражает** бой часов, когда я пытаюсь уснуть — *The clock strike bothers me when I am trying to fall asleep* (циклическое воздействие раздражения).

(3) В зубной пасте могут содержаться компоненты, которые вызывают **раздражение кожи** — *Toothpaste may also contain ingredients that can irritate the skin* (прекращение действия объекта на определенный период).

(4) Огромное количество исследований предоставляют весомые аргументы того, что звук самолетов **нарушает** сон и может оказать влияние на поведение и общее состояние человека в течение дня — ... *aircraft noise disturbs sleep and may impair behavior and well-being during the day* (полное прекращение воздействия).

Для определения результативности опоры на визуализацию при письменном переводе текстов с русского языка на английский был разработан и проведен эксперимент, в рамках которого в сентябре 2018 г. учащимся второго и третьего курсов переводческого направления МГПУ было предложено перевести на английский язык набор русских предложений. Общее количество испытуемых составило 60 человек. Все участники были поделены на две группы: первой части респондентов было предложено передать русские высказывания на английском языке, опираясь только на словарные дефиниции глаголов деструкции английского языка (*to annoy, to irritate to bother* и *to disturb*), вторая группа участников эксперимента использовала в качестве справочного материала наглядное представление тех же лексем (а именно рисунки 1–4 и таблицу 1).

В результате проведенного тестирования было установлено, что опора на визуализацию в лексикографической статье английских лексем, описывающих деструкцию, оказала положительное влияние на качество переводов. Так, будущие переводчики из первой группы респондентов справились с заданием в среднем на 57 %, в то время как респонденты из второй группы преуспели в среднем на 8 % лучше.

Заметим, что количество работ, получивших оценку «удовлетворительно» (т. е. переводов, адекватность и эквивалентность которых составила 50–70 %), у испытуемых, имевших возможность использовать визуальный контент, было в два раза меньше (56 и 28 % соответственно). Переводы, имеющие 71–84 % адекватности (получившие оценку «хорошо»), в первой группе насчитывали 17 %, а во второй группе в два раза больше — 35 %. Переводы студентов второй группы эксперимента, получившие оценку «отлично», составили 21 %, в то время как качественные результаты без визуальной справочной поддержки были представлены лишь в 5 % работ; таким образом, применение схем в описании семантики английских глаголов повысило количество качественных переводов в четыре раза. Заметим также, что на число неудовлетворительно выполненных переводов применение наглядности значительным образом не повлияло (ср.: без опоры на визуализацию — 22 %, с опорой — 16 %). По-видимому, это объясняется низким уровнем языковой подготовки ряда студентов.

Проанализируем некоторые особенности, выявленные в ходе проведения эксперимента, представленные на рисунках 5 и 6.

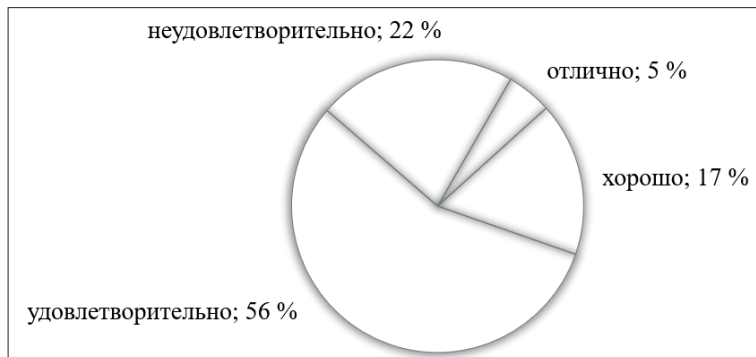

Рис. 5. Оценка качества переводов, выполненных без опоры на визуализацию

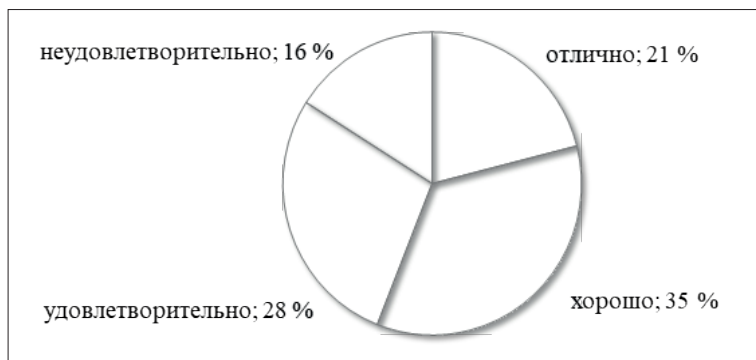

Рис. 6. Оценка качества переводов, выполненных с опорой на визуализацию

Наиболее эффективным наглядным вспомогательным средством оказался второй схематичный рисунок, демонстрирующий цикличное действие раздражения. Так, учащиеся, имевшие в своем распоряжении данную схему, предложили в два раза больше правильных переводов контекстов с использованием английского глагола *to bother*, в отличие от испытуемых, не имевших перед глазами схематичной репрезентации дифференциального признака данного глагола (33 и 17 % правильных переводов соответственно). Отметим, однако, что данный глагол в сравнении со своими синонимами вызвал у студентов-переводчиков наибольшую трудность. Наименьшую же трудность доставили глаголы *to irritate* и *to disturb*: так, с переводом контекстов, описывающих прекращение действия или состояния объекта на определенный период, справились 83 % респондентов без опоры на наглядность и 86 % с возможностью такой опоры. Последнее значение признака деструктивности — полное прекращение действия — было понятно и применено в переводе предложенных русских высказываний на английский язык в 78 % работ первой группы

испытуемых и в 93 % работ с опорой на сводную таблицу и схематический рисунок.

В данной работе мы предложили различные способы наглядного отображения различительных признаков в семантике синонимичных групп на примере глаголов со значением деструкции в английском языке.

Представленные результаты нельзя считать окончательными. Безусловно, проведенное исследование требует дальнейшей разработки, а именно изучения способов представления результатов семантических описаний в билингвальном словаре нового типа и в процессе подготовки учащихся, ориентированных на межкультурное взаимодействие. Одной из первостепенных задач видится более глубокая проработка визуализированного представления цикличного воздействия раздражения, наличествующего в значении глагола *to bother*.

В качестве заключения можно отметить, что перспективой развития лексикографии видится ее тесное взаимодействие с семантикой, в рамках которого особое внимание следует уделить выделению различительных признаков в семантике синонимов, релевантных для перевода текстов на различные языки, а также разработке способов их наглядного представления в билингвальной лексикографии. Кроме того, важно отметить, что еще одним ракурсом развития семантики в сочетании с переводоведением и культурологией может быть детальное изучение объектов действительности, допускающих возможность разного осмысления в разных языках. О. Н. Селиверстова приводит пример, когда положение объекта на ветке дерева может быть представлено, с одной стороны, как нахождение внутри некоторого объема, создаваемого кроной дерева, а с другой стороны, как нахождение на поверхности дерева. По первому пути идет английский язык и поэтому использует предлог *in* (*in the tree*), по второму — русский (*на дереве*) [5]. Как представляется, подобные случаи несовпадения описаний внеязыковой действительности в разных языках, безусловно, достойны детального изучения и в дальнейшем подробного описания в билингвальных словарях (с привлечением средств наглядного отражения).

Список источников

1. Лукошус О. Г. Особенности семантической структуры многозначного слова (на примере английского синонимичного ряда *true, loyal, faithful*). *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. 2014; 1: 53–61.
2. Фесенко О. П., Лаухина С. С. Электронные словари как продукт современной лексикографии. *Омский научный вестник*. 2015; 4 (141): 46–48.
3. Иванова Е. П. Мультимедийные и электронные словари французского языка в их отношении к традиционной печатной лексикографии. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2007; 1: 44–50.
4. Шабанова Т. Д. Метод семантического толкования. *Единицы языка и речи: лингвистические, переводческие и дидактические проблемы. 4-е чтения, посвященные памяти О. Н. Селиверстовой: мат-лы Всерос. науч.-теорет. конф.* Уфа: БГПУ; 2010: 68–72.

5. Матюшина Н. В. Технология семантического исследования (на материале работы О. Н. Селиверстовой «Семантический анализ слов типа *все, all* и типа *кто-нибудь, some* в русском и английском языках», 1965). *Контенсивные аспекты языка: константность и вариативность: сб. статей к юбилею О. А. Сулеймановой*. М.: Флинта; 2016: 167–184.

6. Селиверстова О. Н., Сулейманова О. А. Эксперимент в семантике. *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка*. 1988; 47 (5): 431–443.

7. Иванова А. М., Гордиенко А. Ю. Метод направленной проверки сочетаемости слов в корпусах и поисковых системах как инструмент исследования семантики языковых знаков. *Методология современных семантических исследований в развитии и перспективе: коллективная монография / под. общ. ред. О. А. Сулеймановой*. М.: Флинта; 2018: 19–28.

8. Сулейманова О. А. Пути верификации лингвистических гипотез: *pro et contra*. *Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2013; 2 (12): 60–68.

9. Евтеева М. Ю. Семантическая структура широкозначных глаголов *machen* и *tun* в немецком языке и их английских коррелятов *take* и *do*. *Контенсивные аспекты языка: константность и вариативность: сб. статей к юбилею О. А. Сулеймановой*. М.: Флинта; 2016: 87–98.

10. Елисеева О. А. Концептуализация тактильных ощущений в естественном языке (на примере прилагательного *сухой*). *Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2013; 1 (11): 88–93.

11. Чалей О. В. Лексикографическое портретирование слова на примере английских прилагательных вкусообозначения. *Методология современных семантических исследований в развитии и перспективе: коллективная монография / под общ. ред. О. А. Сулеймановой*. М.: Флинта; 2018: 42–54.

12. Фаткуллина Ф. Г. Категория деструктивности в современном русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Башк. гос. ун-т. Уфа; 2002. 45 с.

13. Цибулина С. Н. Исследование структурно-семантических связей русского глагола в видовой цепи: дис. ... канд. филол. наук. Томск; 1978. 280 с.

14. Короткая Е. А. Концептуализация действия «причинения беспокойства» в современном английском языке. *Studium Juvenis: международный сборник трудов молодых ученых / науч. ред. О. Н. Кондратьева, отв. ред. Н. Н. Кошкарлова*. Вып. 5. Челябинск: Уральская Академия; 2012: 170–173.

References

1. Lukoshus O. G. Osobennosti semanticheskoy struktury` mnogoznachnogo slova (na primere anglijskogo sinonimichnogo ryada *true, loyal, faithful*). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*. 2014; 1: 53–61. (In Russ.).

2. Fesenko O. P., Lauxina S. S. E`lektronny`e slovari kak produkt sovremennoj leksikografii. *Omskij nauchny`j vestnik*. 2015; 4 (141): 46–48. (In Russ.).

3. Ivanova E. P. Mul`timedijny`e i e`lektronny`e slovari francuzskogo yazy`ka v ix otnošenii k tradicionnoj pechatnoj leksikografii. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2007; 1: 44–50. (In Russ.).

4. Shabanova T. D. Metod semanticheskogo tolkovaniya. *Edinicy` yazy`ka i rechi: lingvisticheskie, perevodcheskie i didakticheskie problemy`. 4-e chteniya, posvyashhenny`e*

pamyati O. N. Seliverstovoj: materialy` Vserossijskoj nauchno-teor. konf. Ufa: BGPU; 2010: 68–72. (In Russ.).

5. Matyushina N. V. *Texnologiya semanticheskogo issledovaniya (na materiale raboty` O. N. Seliverstovoj «Semanticheskij analiz slov tipa vse, all i tipa kto-nibud`, some v russkom i anglijskom yazy`kax», 1965). Kontensivny`e aspekty` yazy`ka: konstantnost` i variativnost` : sb. statej k yubileyu O. A. Sulejmanovoj.* M.: Flinta; 2016: 167–184. (In Russ.).

6. Seliverstova O. N., Sulejmanova O. A. *E`ksperiment v semantike. Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury` i yazy`ka.* 1988; 47 (5): 431–443. (In Russ.).

7. Ivanova A. M., Gordienko A. Yu. *Metod napravlennoj proverki sochetaemosti slov v korpusax i poiskovy`x sistemax kak instrument issledovaniya semantiki yazy`kovy`x znakov. Metodologiya sovremenny`x semanticheskix issledovanij v razvitii i perspektive: kollektivnaya monografiya / pod. obshh. red. O. A. Sulejmanovoj.* M.: Flinta; 2018: 19–28. (In Russ.).

8. Sulejmanova O. A. *Puti verifikacii lingvisticheskix gipotez: pro et contra. Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovoje obrazovanie».* 2013; 2 (12): 60–68. (In Russ.).

9. Evteeva M. Yu. *Semanticheskaya struktura shirokoznachny`x glagolov machen i tun v nemeckom yazy`ke i ix anglijskix korrelyatov make i do. Kontensivny`e aspekty` yazy`ka: konstantnost` i variativnost` : sb. statej k yubileyu O. A. Sulejmanovoj.* M.: Flinta; 2016: 87–98. (In Russ.).

10. Eliseeva O. A. *Konceptualizaciya taktil`ny`x oshhushhenij v estestvennom yazy`ke (na primere prilagatel`nogo suxoj). Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovoje obrazovanie.* 2013; 1 (11): 88–93. (In Russ.).

11. Chalej O. V. *Leksikograficheskoe portretirovanie slova na primere anglijskix prilagatel`ny`x vkusooboznacheniya. Metodologiya sovremenny`x semanticheskix issledovanij v razvitii i perspektive: kollektivnaya monografiya / pod. obshh. red. O. A. Sulejmanovoj.* M.: Flinta; 2018: 42–54. (In Russ.).

12. Fatkullina F. G. *Kategoriya destruktivnosti v sovremennom russkom yazy`ke: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01. Bashk. gos. un-t. Ufa; 2002. 45 s.*

13. Cibulina S. N. *Issledovanie strukturno-semanticheskix svyazej russkogo glagola v vidovoj cepi: dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk; 1978. 280 s. (In Russ.).*

14. Korotkaya E. A. *Konceptualizaciya dejstviya «prichineniya bespokojstva» v sovremennom anglijskom yazy`ke. Studium Juvenis: mezhdunarodny`j sbornik trudov mo-lody`x ucheny`x / nauch. red. O. N. Kondrat`eva, otv. red. N. N. Koshkarova. Vy`p. 5. Chelyabinsk: Ural`skaya Akademiya; 2012: 170–173. (In Russ.).*

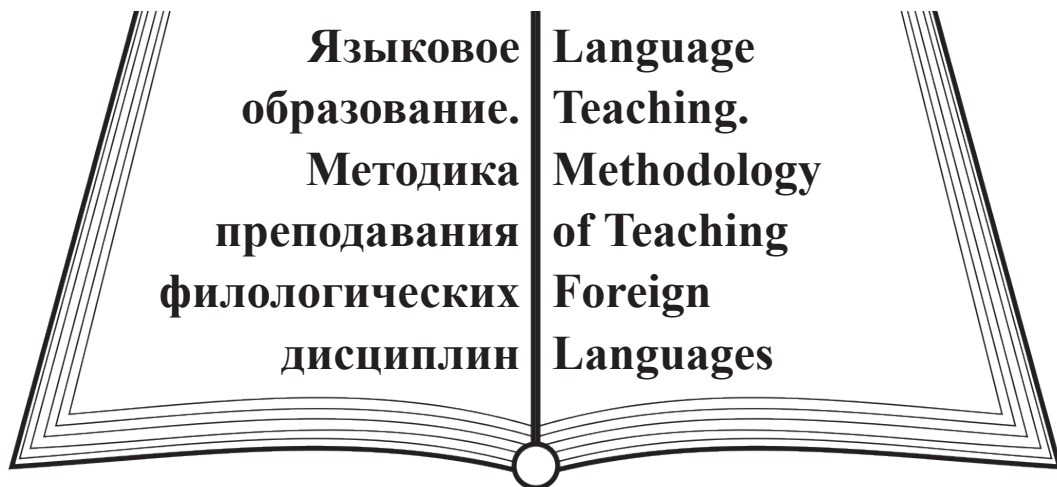
Информация об авторе

Наталья Владимировна Матюшина — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации Института иностранных языков МГПУ.

Information about the author

Nataliya V. Matyushina — PhD (Philology), docent, associate Professor of the department of English studies and crosscultural communication, Institute of Foreign Languages, MCU.

Научная статья

УДК 811.111

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.14

ОБУЧЕНИЕ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ СКОРОПИСИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО УСТНОМУ ПЕРЕВОДУ

Вишневская Екатерина Михайловна¹,
Иванова Анна Михайловна²

^{1,2} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

¹ kate.vishnevsk@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1044-1427>,

² conraoi@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7239-5580>

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые подходы к обучению будущих переводчиков основам универсальной переводческой скорописи, позволяющей достигать высокой степени эквивалентности в устном последовательном переводе. Уделяется внимание упражнениям, направленным на выработку профессиональных умений и навыков, связанных с использованием универсальной переводческой скорописи в различных коммуникативных ситуациях.

Ключевые слова: устный последовательный перевод; универсальная переводческая скоропись; профессиональные компетенции переводчика; прецизионная информация.

Для цитирования: Вишневская Е. М., Иванова А. М. Обучение универсальной переводческой скорописи на занятиях по устному переводу. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*. 2022; 46 (2): 155–164. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.14

© Вишневская Е. М., Иванова А. М., 2022

Original article

ON TEACHING NOTE-TAKING TECHNIQUES
AT CONSECUTIVE INTERPRETING LESSONS

Ekaterina M. Vishnevskaya¹,
Anna M. Ivanova²

^{1,2} Moscow City University,
Moscow, Russia,

¹ kate.vishnevsk@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1044-1427>,

² conraoi@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7239-5580>

Abstract. The article discusses some approaches to teaching will-be translators and interpreters the basics of consecutive note-taking, which allows achieving a high degree of equivalence in consecutive interpretation. The authors point to exercises that help develop professional skills related to the use of note-taking in intercultural communication.

Keywords: consecutive interpretation; consecutive note-taking; professional competence; precision information.

For citation: Vishnevskaya E. M., Ivanova A. M. On Teaching Note-Taking Techniques at Consecutive Interpreting Lessons. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic education*. 2021; 46 (2): 155–164. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.14

Очевидными и первостепенными профессиональными характеристиками переводчика являются владение иностранным и родным языком, знание лингвокультурных особенностей страны используемого иностранного языка, а также умения и навыки успешного межкультурного взаимодействия, что предполагает оценку качества иноязычной компетенции обучаемых высшей школы [1]. Тем не менее современные требования к профессиональному переводчику не ограничиваются наличием лингвистической и межкультурной компетенций, но включают в себя умение оперировать системами автоматизированного перевода, различными видами оборудования для синхронного перевода, а также умение вести записи в системе универсальной переводческой скорописи, что является перспективным направлением, «предопределяющим новые обучающие тренды в контексте идеологии новой постнеклассической человекоориентированной (антропоцентрической) парадигмы» [2, с. 399].

Федеральный государственный образовательный стандарт по специальности «Перевод и переводоведение», наряду с требованиями воспринимать на слух аутентичную речь в естественном для носителей языка темпе, владеть устойчивыми навыками порождения речи на иностранных языках и применять переводческие трансформации для достижения необходимого уровня эквивалентности, предусматривает владение техникой сокращенной переводческой записи при выполнении устного последовательного перевода, предполагающей развитие у обучающегося способностей к обобщению, критическому осмыслению и систематизации информации, анализу логики высказываний [3].

Полный перечень включает в себя более тридцати компетенций (общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных), что позволяет сделать вывод о необходимости фокусной профильной подготовки, связанной как с развитием языковых и академических умений [4–6], так и с оттачиванием прикладных практических навыков [7–9].

Универсальная переводческая скоропись, или УПС (в терминологии А. П. Чужакина), представляет собой специальный метод записи, используемый переводчиками в целях оптимизации процесса устного перевода. УПС применяется при устном последовательном переводе монологической речи (доклад, презентация, лекция) и при устном двустороннем переводе (переговоры, дискуссии, интервью, беседа, перевод в социальной сфере). Устный переводчик, который ведет записи, выглядит более уверенно и профессионально. Переводческая скоропись снижает нагрузку на память, позволяет зафиксировать и эффективно воспроизвести речь любой продолжительности, повышает адекватность перевода, обеспечивает минимальную информационную потерю.

Кроме как УПС, в литературе профессиональные записи переводчика получают и другие названия: «краткая запись» (В. Н. Комиссаров), «переводческая скоропись» (Р. К. Миньяр-Белоручев), «переводческая нотация» (И. С. Алексеева), «переводческая семантография» (Е. В. Аликина) и др. В англоязычных источниках используется один термин — *consecutive note-taking* (CNT, букв. «последовательное конспектирование»). Данное различие можно объяснить тем, что западной традиции, берущей начало от работ основателей Женевской школы перевода Ж. Эрбера и Ж.-Ф. Розана, присуще понимание переводческой скорописи в первую очередь как средства фиксации прецизионной информации, причем сугубо индивидуального и зависящего от личности конкретного переводчика. По мнению Ж. Эрбера, форма и содержание переводческих записей сильно варьируют в зависимости от того, предпочитает ли переводчик фиксировать какие-либо детали, последовательность событий или причинно-следственные связи [10]. Как следствие, копирование чужого опыта считается неэффективным (только собственный опыт может показать переводчику, какой вид записи лучше всего подходит в его конкретном случае), а идея разработки и использования интернациональной семантической системы из графических символов, способных кодировать высказывания на любом естественном языке, представляется труднореализуемой в силу ее несоответствия когнитивным особенностям индивида.

Признавая выраженную индивидуальность техник УПС, — каждый переводчик изобретает новые символы и стратегии фиксации информации, понятные лично ему и проверенные на практике, — в то же время нельзя не обратить внимание на существование определенных универсальных аспектов. В частности, в известных работах на тему УПС можно выделить ключевые принципы, которые можно использовать для обучения будущих переводчиков, так как сами учащиеся их положительно воспринимают, оценивают как полезные и быстро начинают применять. Общие принципы ведения переводческой записи основаны на научных достижениях в области лингвистики, психологии

и теории информации, а также доказали свою эффективность на практике. К таким универсальным правилам мы относим следующие:

– Начинать запись следует одновременно с началом звучания речи, а когда в речи возникает пауза, начинать переводить.

– Для записи рекомендуется использовать листы, расположенные вертикально, чтобы сократить время движения руки и глаз по горизонтали и тем самым ускорить как запись, так и ее дешифровку. Учащимся рекомендуется использовать пронумерованные и разделенные на колонки листы формата А4 или блокнот на спирали с твердой обложкой, но в классе это может быть и тетрадь.

– Запись можно вести на смешанном языке: на языке источника, на языке перевода и/или на языке значков и символов. Переводчики, работающие с редкими языками или языками со сложной письменной системой (китайский, японский, арабский), также ведут запись на английском языке, так как в нем много общепринятых сокращений (*info, gov, WHO, OK* и т. д.) и простой алфавит (без диакритических знаков). Использование системы символов также эффективно, потому что они не зависят от языковой пары, почерка, экономят место и время. Студенты на занятиях могут попробовать разные варианты записи и остановиться на том, который удобен лично им, преподавателю не следует настаивать на определенном сочетании. Наблюдения показывают, что все без исключения учащиеся на практике выбирают смешанную систему записи, состоящую из символов, сокращений, математических и пунктуационных знаков и стрелок.

– Обязательной фиксации подлежат наиболее сложные для запоминания моменты, так называемая прецизионная информация — даты, числа, значимые имена собственные, географические названия. Для фиксации географических названий эффективно использовать общепринятые сокращения, например трехбуквенные аббревиатуры Международного олимпийского комитета для названий стран (ср. *SWE — Швеция, SUI — Швейцария, AUT — Австрия, AUS — Австралия*).

– Кроме прецизионной информации УПС фиксирует ключевые компоненты сообщения — не отдельные фразы, а мысли и суждения («идеи»), логические связи между ними, модальность высказывания, последовательность изложения фактов. Опуская «пустые слова», не влияющие на передачу мысли, переводчик преобразовывает звучащий текст в более компактные элементы, несущие только ключевую информацию. Как отмечает Э. Джиллис, фиксации обязательно подлежит группа SVO (подлежащее – сказуемое – прямое дополнение), так как содержит ключевую информацию высказывания — *who did what (to whom)* («кто делает что (и кому)») [11, с. 36].

– Эффективными лексическими приемами переводческой скорописи являются сокращенная буквенная запись и аббревиация. Сокращение слов осуществляется через удаление гласных, двойных согласных и использование телескопических образований (ср.: *strategy — strtg, программа — пргма*,

government — *gov*, *январь* — *янв.* и т. д.). Аббревиация частотно используется для обозначения терминов, названий организаций, стран и национальностей и т. д. (ср.: *NATO*, *БРИКС*, *МЧС*, *UVF*, *SWE*, *KOR* и т. д.). Для развития у обучающихся данного навыка необходимо предусмотреть специальные упражнения (см. далее).

– Значки и символы могут быть как общеизвестными, так и созданными самим переводчиком. В переводческой литературе приводится большое количество разных символов, но, чтобы символ мгновенно приходил на ум и распознавался в записи, переводчику должна быть очевидна ассоциация между данным рисунком и понятиями, которые он может обозначать. Символы обладают высокой степенью обобщенности и могут использоваться в разных контекстах, приобретая при этом разные значения. К основным графическим элементам исследователями относятся разнообразные стрелки, подчеркивания, кружки, квадраты, знаки пунктуации и математические знаки [12; 13]. Наш личный опыт показывает, что максимальной универсальностью обладают стрелки (вверх-вниз в значении «больше-меньше» / «рост-снижение» и как указатели на причинно-следственные связи), математические знаки (а также зачеркивание, о котором пойдет речь далее), подчеркивание для интенсификации значения, тогда как остальные символы вызывают индивидуальные ассоциации. Для того чтобы учащиеся могли накопить свой собственный банк символов, следует предлагать им варианты символических обозначений из различных пособий по УПС, но не стоит настаивать на их механическом заучивании — не все подобные пиктограммы интуитивно понятны каждому учащемуся или какие-то из них могут вызывать другие ассоциации. Дополнительно учащимся можно предложить таблицы с частотной общественно-политической и экономической лексикой и попросить самостоятельно придумать для каждой лексемы символическое обозначение. На практике через какое-то время учащиеся разрабатывают оригинальные системы символической записи, частично состоящие из значков, предлагаемых пособиями, и значков, придуманных ими самостоятельно.

– Грамматические категории рода и числа, лица глаголов, времени, модальности и степени сравнения прилагательных в пособиях по УПС рекомендуется маркировать буквенными цифирными индексами. Так, множественное число существительных обозначается индексом ², сравнительная и превосходная степени сравнения прилагательных — индексами ² и ³ соответственно, прошедшее и будущее время глагола — индексами ^{ed} и ^{ll}, для обозначения модальностей «возможно» и «необходимо» используются буквы ^p (от лат. *posse*) и ^d (от лат. *debere*). Данные значки рекомендуются, в частности, Е. В. Аликиной [12]. Тем не менее их использование не основано на интуиции и устойчивых ассоциациях, и, как следствие, на практике начинающим переводчикам может быть рекомендовано применять такие грамматические маркеры, какие им проще запомнить.

– Отрицание в записях обозначается за счет зачеркивания отрицаемой части высказывания, слова или символа.

– Структурно УПС часто имеет ступенчато-диагональное расположение, позволяющее экономить пространство и двигать рукой с меньшей амплитудой. На верхней ступеньке слева располагаются слова и символы, входящие в группу подлежащего, ниже со сдвигом вправо фиксируется группа сказуемого, еще ниже и больше вправо находится дополнение и обстоятельство. Каждое новое высказывание повторяет эту схему, ср.:

- а) субъект (группа подлежащего);
- б) действие (группа сказуемого);
- в) объект (прямое/косвенное дополнение);
- г) обстоятельство;
- д) однородные члены предложения.

Следует отметить, что данная структура записи представлена и в отечественной, и в западной традиции, но в практических ситуациях западные переводчики периодически обращаются к технике круговой записи, поэтому, как нам видится, структура УПС может определяться поверхностью, на которой идет запись (расположение и размер листа, наличие опоры в виде твердой поверхности и т. д.), и не является принципиальной. Наш опыт подсказывает, что большинство учащихся положительно воспринимают ступенчатую систему записи, но ведут ее не по предлагаемой модели (определяемой членами предложения), а следуя структуре речи спикера, что логично, так как времени на перестановку компонентов высказывания нет. Только единичные студенты упорно продолжают вести запись в строчку, аргументируя это тем, что им так удобнее. Непосредственно на практике форма, которую приобретает запись, во многом зависит от темпа речи говорящего, тематики выступления, условий перевода и многих других факторов и может становиться несколько путаной и хаотичной, но переход на движение вниз и по диагонали можно считать показателем эффективного усвоения УПС.

Для тренировки навыков УПС считаем уместным рекомендовать следующую систему заданий (в порядке возрастающей сложности):

1. Фиксация списков ключевых слов по указанной теме (политика, общество, экономика) при помощи сокращений или значков. Учащиеся могут как использовать символы, предлагаемые пособиями по УПС, так и придумывать свои. Лексика должна отвечать критерию высокой частотности и включать в себя разные части речи (существительные, глаголы, прилагательные) и устойчивые словосочетания.

2. Кодировка отдельных распространенных предложений и мини-текстов из нескольких предложений с использованием сокращений, аббревиатур и символов, иногда с предварительным вычеркиванием «пустых слов». Рекомендуется начать с предложений на русском языке — они кодируются в УПС, а потом запись восстанавливается в оригинальный текст. Далее вводятся предложения

на иностранном языке — учащиеся кодируют их в УПС, а потом с опорой на запись выдают их перевод на русский язык. Учащиеся должны иметь возможность сравнивать свои варианты, чтобы заимствовать друг у друга удачные, с их точки зрения, символы и тактики ведения УПС.

3. Кодировка новостного видео (общественно-политической, экономической тематики) на иностранном языке с обязательным фиксированием прецизионной информации. На первом этапе учащиеся могут работать с новостным видео в комфортном для себя темпе, с возможностью прослушать материал предложение за предложением и подробно зафиксировать звучащую информацию. Далее учащиеся сравнивают получившиеся у них УПС и воспроизводят содержание новостного сообщения с опорой на собственную запись. Через некоторое время звучащие отрезки должны становиться все длиннее, а УПС — все короче и схематичнее. Аудиторная работа может выполняться на материале новостных сюжетов Euronews, Russia Today, Al Jazeera English и др., предполагается обсуждение полезных тактик УПС и причин потери важной информации.

4. Использование УПС при переводе информационного сообщения на слух, без визуальной опоры (новостные сообщения по радио, возможна смена языковой пары с английский – русский на русский – английский).

5. Использование УПС при переводе интервью / обсуждения условий контракта (смоделированная ситуация или видео).

6. Использование УПС при переводе доклада / презентации / лекции (реальная или смоделированная ситуация, видео).

На настоящем этапе лишними следует считать упражнения на кодирование газетных информационных сообщений и их перевод через УПС с одного языка на другой, которые рекомендуются в пособиях по устному переводу. Современные студенты и преподаватели не так ограничены в поиске подходящих учебных видео- и аудиоматериалов, как еще десятилетие назад, и практиковать переводческую скоропись — инструмент, предназначенный исключительно для осуществления устного последовательного перевода, — для перевода полноформатных письменных текстов не представляется эффективным и целесообразным. Кроме того, в современных реалиях иноязычного образования, подразумевающих использование интерактивных технологий [14], актуальным является максимально быстрый переход от монологических высказываний к моделированию аутентичных речевых ситуаций и имитативным сценариям (перевод интервью, выступление с презентацией, дискуссия и т. д. в аудитории, когда роль иноязычных спикеров берут на себя учащиеся).

Устные виды перевода требуют наличия у специалиста определенного набора знаний и компетенций, а также способностей и личностных качеств. Будущие устные переводчики должны в обязательном порядке овладеть основами универсальной переводческой скорописи, так как именно благодаря этому важному профессиональному умению они смогут обеспечить высокое качество

устного последовательного перевода. Знание техник и правил ведения переводческой скорописи при осуществлении устного перевода, которые имеют не только лингвистический, но и психологически и культурно обусловленный характер, позволяет обучаемым достигать высокой степени эквивалентности в устном последовательном переводе. Для выработки профессиональных умений и навыков, связанных с использованием УПС, учащимся следует предложить определенные упражнения в порядке «от простого к сложному»: составление личного банка значков и символов УПС и усвоение общих принципов ведения переводческой скорописи на мини-текстах; использование УПС при переводе аутентичных видео- и аудиоматериалов; использование УПС в искусственно созданных коммуникативных ситуациях, имитирующих реальные условия работы.

Список источников

1. Современные средства оценивания качества иноязычной компетенции: теория и практика / Г. В. Сороковых, Т. И. Жаркова, А. М. Герасимова [и др.]. М.: Учебный центр «Перспектива»; 2019. 280 с.
2. Тарева Е. Г., Викулова Л. Г., Макарова И. В. Инновационное моделирование кейсов по межкультурной коммуникации. *Бизнес. Образование. Право*. 2018; 4 (45): 398–404.
3. ФГОС ВО по направлению подготовки 45.05.01 Перевод и переводоведение. URL: <http://fgosvo.ru/news/3/2067> (дата обращения: 15.03.2022).
4. Гавриленко Н. Н. Особенности поэтапной подготовки отраслевых переводчиков. *Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2018; 4 (32): 86–93.
5. Сулейманова О. А., Нерсесова Э. В., Вишневская Е. М. Технологический аспект подготовки современного переводчика. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019; 12 (7): 313–317.
6. Хопияйнен О. А. Формирование переводческой компетенции как важный компонент профессиональной подготовки лингвистов профиля «Перевод и переводоведение». *Вестник Югорского государственного университета*. 2017; 1–2 (44): 51–55.
7. Вишневская Е. М., Иванова А. М. Формирование навыков аудирования у студентов-переводчиков, готовящихся к осуществлению устного последовательного и синхронного переводов. *Научное мнение*. 2019; (4): 46–53.
8. Корзун О. О. Принципы организации самостоятельной работы будущих переводчиков в целях совершенствования темпа речи. *Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2011; 1 (7): 68–74.
9. Хованова С. Ю. Формирование фонематического слуха у студентов начальной формы обучения. *Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2008; 2 (2): 63–67.
10. Herber J. *The Interpreter's Handbook: How to Become a Conference Interpreter*. Geneva: Librairie de l'Université; 1952. 115 p.
11. Gillies A. *Note-taking for Consecutive Interpreting: A Short Course*. New York: Routledge; 2017. 302 p.
12. Аликина Е. В. Переводческая семантография: запись при устном переводе: практическое учебное пособие по специальности «Перевод и переводоведение». М.: АСТ; 2006. 158 с.

13. Чужакин А. П. Последовательный перевод. Практика + Теория. Синхрон. М.: Р. Валент; 2005. 271 с.
14. Сороковых Г. В., Каппушева Х. Х., Герасимова Н. И., Олейникова Е. А., Короткова И. П., Баранова Е. А., Наджафов И. А. Интерактивные технологии в иноязычном образовании: исследование стратегий и опыта применения. М.: Перспектива; 2013. 172 с.

References

1. Sovremennyy'e sredstva ocenivaniya kachestva inoyazy`chnoj kompetencii: teoriya i praktika / G. V. Sorokovy`x, T. I. Zharkova, A. M. Gerasimova [i dr.]. M.: Uchebny`j centr «Perspektiva»; 2019. 280 s.
2. Tareva E. G., Vikulova L. G., Makarova I. V. Innovacionnoe modelirovanie kejsov po mezhkul`turnoj kommunikacii. *Biznes. Obrazovanie. Pravo*. 2018; 4 (45): 398–404.
3. FGOS VO po napravleniyu podgotovki 45.05.01 Perevod i perevodovedeniye. URL: <http://fgosvo.ru/news/3/2067> (data obrashheniya: 15.03.2022). (In Russ.).
4. Gavrilenko N. N. Osobennosti poe`tapnoj podgotovki otraslevy`x perevodchikov. *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovoje obrazovanie*. 2018; 4 (32): 86–93. (In Russ.).
5. Sulejmanova O. A., Nersesova E. V., Vishnevskaya E. M. Teknologicheskij aspekt podgotovki sovremennogo perevodchika. *Filologicheskiye nauki. Voprosy` teorii i praktiki*. 2019; 12 (7): 313–317. (In Russ.).
6. Хопияјнен О. А. Formirovanie perevodcheskoj kompetencii kak vazhny`j komponent professional`noj podgotovki lingvistov profilya «Perevod i perevodovedenie». *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017; 1–2 (44): 51–55. (In Russ.).
7. Vishnevskaya E. M., Ivanova A. M. Formirovanie navy`kov audirovaniya u studentov-perevodchikov, gotovyashhixsya k osushhestvleniyu ustnogo posledovatel`nogo i sinxronnogo perevodov. *Nauchnoe mnenie*. 2019; (4): 46–53. (In Russ.).
8. Korzun O. O. Principy` organizacii samostoyatel`noj raboty` budushhix perevodchikov v celyax sovershenstvovaniya tempa rechi. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovoje obrazovanie»*. 2011; 1 (7): 68–74. (In Russ.).
9. Xovanova S. Yu. Formirovanie fonemacheskogo sluxa u studentov nachal`noj formy` obucheniya. *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovoje obrazovanie*. 2008; 2 (2): 63–67. (In Russ.).
10. Herber J. *The Interpreter's Handbook: How to Become a Conference Interpreter*. Geneve: Librairie de l'Université; 1952. 115 p.
11. Gillies A. *Note-taking for Consecutive Interpreting: A Short Course*. New York: Routledge; 2017. 302 p.
12. Alikina E. V. *Perevodcheskaya semantografiya: zapis' pri ustnom perevode: prakticheskoe uchebnoe posobie po special`nosti «Perevod i perevodovedenie»*. M.: AST; 2006. 158 p. (In Russ.).
13. Chuzhakin A. P. *Posledovatel`ny`j perevod. Praktika + Teoriya. Sinxron*. M.: R. Valent; 2005. 271 s. (In Russ.).
14. Sorokovy`x G. V., Kappusheva X. X., Gerasimova N. I., Olejnikova E. A., Korotkova I. P., Baranova E. A., Nadzhafov I. A. *Interaktivny`e tehnologii v inoyazy`chnom obrazovanii: issledovanie strategij i opy`ta primeneniya*. M.: Perspektiva; 2013. 172 s. (In Russ.).

Информация об авторах

Екатерина Михайловна Вишневская — кандидат педагогических наук, доцент кафедры языкознания и переводоведения Института иностранных языков МГПУ.

Анна Михайловна Иванова — кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и переводоведения Института иностранных языков МГПУ.

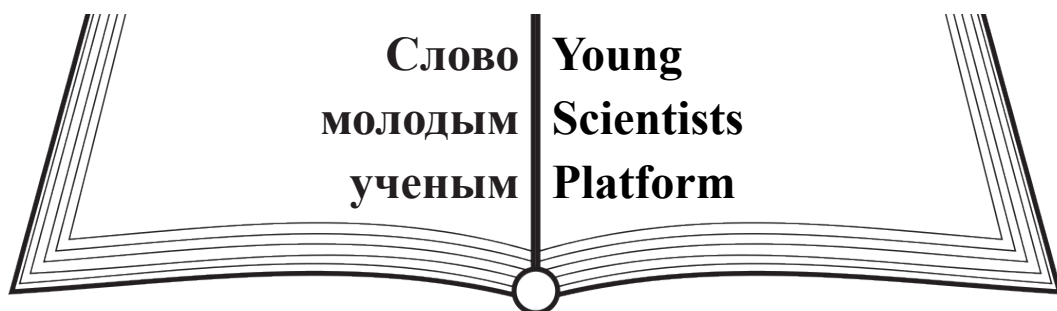
Information about the authors

Ekaterina M. Vishnevskaya — PhD (Pedagogy), associate professor of the Linguistics and translation studies department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Anna M. Ivanova — PhD (Philology), associate professor of the Linguistics and translation studies department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflict of interest.

Научная статья

УДК 378.016:81

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.15

АУТЕНТИЧНЫЕ ТЕКСТЫ КАК СРЕДСТВО РАСШИРЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО- ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ТЕЗАУРУСА МАГИСТРАНТОВ

Вишневецкая Наталья Владимировна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

vish_natalya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7090-0301>

Аннотация. В статье обосновывается потенциал аутентичных текстов как средств и источника обучения магистрантов — будущих преподавателей иностранных языков. Автор характеризует типы аутентичных текстов, способных существенно расширить тезаурус будущих педагогов, ознакомить их с профессионально-педагогической картиной мира англоязычных специалистов в области вузовской лингводидактики. Статья предлагает алгоритм отбора аутентичных текстов на английском языке для их включения в процесс целенаправленного формирования профессиональной коммуникативной компетенции магистрантов.

Ключевые слова: профессиональная коммуникативная компетенция; профессионально-педагогический тезаурус; аутентичные тексты; профессиональная подготовка преподавателей.

Для цитирования: Вишневецкая Н. В. Аутентичные тексты как средство расширения профессионально-педагогического тезауруса магистрантов. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*. 2022; 46 (2): 165–174. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.15

Original article

AUTHENTIC TEXTS AS A MEANS OF BUILDING POSTGRADUATES' PROFESSIONAL THESAURUS

Natalya V. Vishnevetskaya

Moscow City University,
Moscow, Russia,

vish_natalya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7090-0301>

Abstract. The paper justifies the potential of authentic texts as a means of educating postgraduate students (i. e. pre-service L2 teachers). The author characterizes the types of authentic texts, able to significantly expand pre-service teachers' thesaurus and inform them about the professional worldview of English-speaking university specialists in education. The article offers the algorithm enabling future teachers to select authentic texts in English for their subsequent inclusion into the process of masters' professional communicative competence formation.

Keywords: professional communicative competence; professional thesaurus of education; authentic texts; teacher's vocational training.

For citation: Vishnevetskaya N. V. Authentic texts as a means of mastering postgraduates' professional thesaurus. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic education*. 2022; 46 (2): 165–174. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.15

Преподаватель иностранного языка в последние годы становится все более активным участником межкультурной коммуникации профессиональной направленности (конференции, круглые столы, семинары, неформальные вариации педагогического общения), а дистанционный формат ее (коммуникации) реализации существенно расширяет коммуникативные возможности человека. Стратегической целью изучения иностранного языка (далее — ИЯ) студентами языкового вуза является *развитие профессиональной коммуникативной компетенции* — их готовности участвовать в профессионально ориентированной межкультурной коммуникации с коллегами из другого лингвистического и культурного сообщества [1, p. 758], характеризующихся разницей ценностей и приоритетов [2, с. 399].

В случае с магистрантами — будущими преподавателями вуза — указанная стратегическая цель приобретает особое значение в связи с социально обусловленным контекстом профессионального труда преподавателя, работающего в сфере высшего образования. Не последнюю роль в таком контексте играет его ориентация на научную деятельность, существенно расширяющая межкультурные коммуникативные возможности преподавателя (например, публикационная активность, участие в научных международных конференциях и др.). Современный преподаватель ИЯ в вузе должен быть специалистом по общению в его современном понимании: быть репрезентатором, ретранслятором и путеводителем по иноязычной и своей собственной культуре, уметь

осуществлять на занятии диалог различных культур, обучать пониманию чужого [3, с. 6]. Ему необходимо знать и понимать особенности профессионально-педагогической картины мира иностранного коллеги — партнера по коммуникации, — чтобы иметь возможность эффективно обсуждать дидактические проблемы с зарубежным партнером в формате разнообразных научных и научно-практических событий.

Несмотря на нацеленность высшего образования на формирование профессионально-коммуникативной компетенции выпускников вуза, качество которой оценивается посредством разнообразных современных технологических решений [4], отмечена недостаточная подготовленность преподавателей ИЯ к решению профессиональных задач в ходе общения с зарубежными коллегами. Результаты измерения готовности студентов постдипломного уровня к активному межкультурному общению [5, р. 311], а также итоги анализа литературы показали, что исследование проблемы обучения профессионально-педагогическому общению направлены, прежде всего, на подготовку педагога к коммуникативному взаимодействию с обучающимися [6; 7], а не с коллегами — иностранцами, пользующимися английским языком как средством общения. Между тем сфера коммуникативной деятельности преподавателя, предполагающая его активное участие в обсуждении лингводидактически значимых вопросов с представителями иных стран, является одной из чрезвычайно востребованных. Именно этот аспект подготовки будущего педагога слабо изучен в исследовательской практике и нуждается в несомненной теоретической и практически ориентированной разработке.

В основе решения указанной проблемы лежит общепризнанная на сегодняшний день идея о том, что межкультурная коммуникация, в том числе в сфере профессионального общения, всегда отражает картину мира ее участников. Именно поэтому при подготовке выпускников к социокультурной и социолингвистической вариативности межкультурной коммуникации (см. об этом подробнее: [8]) язык необходимо изучать в его естественном, аутентичном функционировании [9].

В методике обучения ИЯ давно бытует понятие «аутентичность» и связанные с ним выражения: «аутентичные материалы», «аутентичные тексты», «аутентичное общение» и т. д. Существует множество определений понятия «аутентичный текст» (Н. В. Барышников, И. И. Халеева, К. Morrow, A. Gilmore, J. Harmer), и все они выражают две основные идеи: а) создатель текста — носитель языка; б) текст не был создан для использования в учебном процессе. Второй критерий является более валидным в связи с возникшим в зарубежных исследованиях переосмыслением неоднозначного понятия «носитель языка» и, как следствие, укреплением тенденции к дифференциации текстов на «тексты для учебных целей» и «тексты не для учебных целей» [10, р. 255]. Как установлено, понятие «носитель языка» не раскрывает лингвистические особенности билингов, в текстах которых может наблюдаться переключение кодов и высокая степень интерференции, характерные либо для идиолекта автора-билингва, либо для всего языкового коллектива [11].

Несмотря на широкое использование аутентичных текстов в обучении ИЯ, не решен вопрос об *отборе типов текстов*, на основе которых целесообразно строить учебный процесс, обеспечивающий подготовку выпускников вузов (уровень магистратуры) к профессионально-коммуникативной деятельности в рамках лингводидактической проблематики взаимодействия. Студенты магистратуры в недостаточной мере владеют профессиональным тезаурусом, соответственно, они слабо осведомлены о тех особых языковых средствах его отражения/выражения, которыми наполнены специальные тексты. Безусловный интерес представляет вопрос об отборе тех аутентичных текстов, которые обладают способностью расширения профессионально-педагогического тезауруса магистрантов, развития на этой основе социолингвистической компетенции преподавателей ИЯ, отражающей социальную принадлежность участника общения как носителя собственного языкового опыта и занимающего в социуме и профессиональном сообществе определенное положение.

Следует выстроить номенклатуру аутентичных текстов, каждый тип которых обладает своей способностью обеспечивать расширение профессионального тезауруса педагога, готового к работе на уровне высшего языкового образования, развитие его профессионально-коммуникативной компетенции. В результате анализа жанрового разнообразия текстов лингводидактической проблематики, содержательно насыщенных представлениями о профессиональной картине мира англоязычных авторов — специалистов в области преподавания ИЯ, отобраны специализированные типы текстов. Разнообразие предложенной типологии текстов объясняется тем, что в рамках профессионального межкультурного диалога преподавателей потенциально возможны различные варианты коммуникативного взаимодействия, статусно-ролевые характеристики партнеров по общению также могут варьироваться. При формировании коммуникативной компетенции следует вести подготовку магистрантов к разным вариантам профессионального взаимодействия и вероятным в их рамках тематикам общения. Например, подготовка к официальным ситуациям взаимодействия может осуществляться на материале научных статей, а к менее формальным — на материале видеоблогов педагогической тематики. Таким образом, представление об иноязычной картине мира представителей иного профессионального лингвосоциума и, соответственно, профессиональный педагогический тезаурус, будут сформированы у магистрантов в полной мере и с разных точек зрения. Ниже приводится перечисление отобранных текстов с обоснованием важности их включения в процесс обучения студентов магистратуры.

1. *Тексты научных статей и материалы научных конференций*; такие тексты представляют собой элементы академического дискурса, в них широко представлено тематическое разнообразие терминологической лексики; именно такие тексты отвечают научным интересам преподавателя [12, с. 65].

2. *Тексты иностранных пособий по методике преподавания ИЯ*; такие тексты ценны в содержательном плане и отвечают целевой аудитории по принципу «преподаватель – преподавателю».

3. *Тексты интернет-порталов, посвященных высшему образованию*; такие тексты являются репрезентативными источниками для формирования терминологической базы обучающихся, с одной стороны, и ознакомления с различными регистрами профессионального общения (официальное, полуофициальное/неофициальное) — с другой.

4. *Тексты на веб-сайтах вузов*; такие тексты служат источниками реалий зарубежных систем образования, они описывают процедуры поступления, приводят информацию о вариантах проживания, внеаудиторных событиях для студенчества и пр.

5. *Тексты блогов (скрипты видеоблогов)*; такие тексты содержат неформальный (но узуальный) контент, а также нейтральную/сниженную педагогическую лексику. В отличие от текстов интернет-ресурсов блоги характеризуются единоличностью автора и нередко содержат комментарии, которые можно рассматривать как особый жанр неофициального педагогического общения.

6. *Видеоматериалы (за исключением видеоблогов)*, например видеозаписи конференций или семинаров; такие тексты характеризуются актуальным содержанием, поскольку на конференциях поднимаются насущные проблемы сферы образования. Посредством видеозаписей обучающийся воспринимает процесс взаимодействия людей со средой, культурой и семиотическими ресурсами [13, с. 172], постигая тем самым показываемые или обсуждаемые культурные реалии.

7. *Тексты, заимствованные из образовательных онлайн-курсов (МООС)*; такие тексты являются ценным источником отбора профессиональной лексики [14].

8. *Тексты, заимствованные из корпуса MICASE* [15]; расшифровки различных ситуаций общения в университете являют собой пример живого общения представителей иного профессионального сообщества.

9. *Нормативные документы* — тексты законов об образовании, образовательных государственных стандартов и т. д.; такие тексты репрезентативны ввиду наличия в них большого количества терминологической лексики.

10. *Произведения художественной литературы*, описывающие повседневную жизнь кампуса; такие тексты содержат реалии профессиональной картины мира иноязычных преподавателей, «образующие систему, имеющую определенную структуру и соотносящуюся с концептосферой всего произведения» [16, с. 107], т. е. являющиеся ценным ресурсом для исследования профессиональной иноязычной картины мира, репрезентируемой посредством концептов [17].

Одну из значимых проблем для преподавателя вуза составляет *процедура отбора* текстовых материалов профессионального содержания. Столкнувшись с необходимостью отбора аутентичного текста (или видеозаписи) для собственных образовательных целей, педагог испытывает объективные трудности с определением валидности и степени аутентичности текстового материала. В таблице 1 представлен возможный алгоритм для отбора аутентичных видеоматериалов, основанный на выделяемых различными учеными принципах и критериях отбора текстов.

Таблица 1

**Алгоритм определения валидности аутентичного текста
(скрипта видеозаписи)**

Определить степень аутентичности текста
<p>Определить, происходит ли действие в стране изучаемого языка и во временной период, близкий к текущему (не актуально для видео международных конференций)</p> <ul style="list-style-type: none"> • <u>Условия выполнены</u> / Условия не выполнены
<p>Решить, к какому социуму принадлежат участники/автор видео, проходили ли они социализацию в англоговорящем сообществе (не актуально для видео международных конференций)</p> <ul style="list-style-type: none"> • <u>Скорее всего, да</u> / Скорее всего, нет
<p>Является ли нормативным произношение участников/автора видео?</p> <ul style="list-style-type: none"> • <u>В видео использованы стандартные диалекты (RP, Standard American) или в видео не присутствуют иноязычные акценты</u> / <u>В видео присутствуют несколько акцентов</u> / В видео в основном присутствуют акценты, присущие носителям языка, например русскоязычным участникам
<p>Разнообразно ли лексическое наполнение скрипта?</p> <ul style="list-style-type: none"> • <u>Включает лексический материал всех уровней (A1-C1)</u> / <u>Включает лексический материал уровней A1-B2</u> / Включает лексический материал уровней A1-A2
<p>Содержатся ли в тексте грамматические структуры повышенного уровня (B2 и выше) и естественное грамматическое оформление устной речи?</p> <ul style="list-style-type: none"> • <u>Да, содержатся. Речь не звучит искусственно</u> / В тексте в основном содержится грамматика уровней A1 – B1. Речь звучит искусственно
Определить валидность текста и источника
<p>Оцените коммуникативную и информационную ценность скрипта. (Содержится ли в нем новая для обучающихся информация? Ориентирован ли он на обучаемого? Подходит ли тематика к условиям обучения?)</p> <ul style="list-style-type: none"> • <u>Условия выполнены</u> / Условия выполнены частично / Условия не выполнены
<p>Оцените валидность скрипта как источника социокультурных знаний. (Отражены ли в нем реалии макро- и микросообщества страны изучаемого языка? Содержит ли он специфические признаки иноязычного лингвосоциума?)</p> <ul style="list-style-type: none"> • <u>Условия выполнены</u> / Условия выполнены частично / Условия не выполнены
<p>Самостоятельно определите валидность источника. (Взят ли текст из актуального источника (например, YouTube-канала), отражающего современный этап развития науки/общества и т. д.?)</p> <ul style="list-style-type: none"> • <u>Источник можно считать валидным</u> / Источник вряд ли можно считать валидным
<p>Является ли автор экспертом в своей теме? (Не актуально для видео развлекательного характера)</p> <ul style="list-style-type: none"> • <u>Вероятнее всего, является</u> / Вероятнее всего, не является
<p>Является ли видео валидным источником с точки зрения содержания необходимого для целей курса лексического/грамматического материала.</p> <ul style="list-style-type: none"> • <u>Да, является</u> / Нет, не является

Предложенный алгоритм является универсальным для любых условий обучения, что дает широкие возможности для его эффективного использования применительно к целевой аудитории — будущим преподавателям ИЯ. Специфику использования алгоритма в рассматриваемом образовательном контексте составляет совокупность типов текстов, которая при других условиях обучения, вероятнее всего, будет иной. Например, для студента бакалавриата могут быть неактуальны нормативные документы, а основу подготовки инженеров составят профессиональные тексты, но будут практически отсутствовать видеоблоги социокультурной направленности. Другими словами, алгоритм специфицируется с учетом того, что вид текста способствует развитию коммуникативной компетенции в тех условиях обучения, для которых он применяется.

При принятии решения об отборе текста или отказе от его использования преподаватель руководствуется количеством положительных (в примере подчеркнутых) ответов; если их большинство, то текст является продуктивным для расширения профессионального тезауруса и развития коммуникативной компетенции студентов магистратуры — будущих преподавателей ИЯ. Апробация алгоритма среди преподавателей Института иностранных языков Московского городского педагогического университета (всего 12 человек) показала его эффективность и значимость для подготовки вузовских преподавателей ИЯ.

В заключение стоит отметить, что не теряющая своей актуальности проблема методики обучения ИЯ, связанная с привлечением к процессу аутентичных текстов, является чрезвычайно значимой в контексте языковой подготовки будущих преподавателей вуза. Для совершенствования профессионально-коммуникативной компетенции таких педагогов, обеспечивающей их способность взаимодействия с иностранными коллегами, а значит, погружения в инокультурный контекст профессиональной среды общения, решение данной проблемы становится особенно актуальным. Необходимо насытить процесс языковой подготовки профессионально значимыми иноязычными прецедентами — аутентичными текстами профессионально-педагогического характера, представленными в разнообразии различных коммуникативных практик. В статье предложена номенклатура таких текстов, расширяющая текстотеку, традиционно используемую в лингвообразовательном контексте. Представленный алгоритм действий преподавателя, способный облегчить процедуру отбора таких текстовых продуктов, заслуживает широкого распространения в практике преподавания языка на уровне магистратуры, выпускники которой должны быть готовы к ситуациям межкультурного общения с коллегами — представителями иных лингвосоциумов.

Список источников

1. Tareva E. G., Tarev B. V. The assessment of students' professional communicative competence: New challenges and possible solutions. *XLinguae*. 2018; 11 (2): 758–783.
2. Тарева Е. Г., Викулова Л. Г., Макарова И. В. Инновационное моделирование кейсов по межкультурной коммуникации. *Бизнес. Образование. Право*. 2018; 4 (45): 398–404.
3. Методика иноязычного образования в вузе: учеб. пособие / А. Л. Бердичевский, И. А. Ганиатуллин, Е. Г. Тарева; под общ. ред. А. Л. Бердичевского. М.: Флинта; 2020. 368 с.
4. Современные средства оценивания качества иноязычной компетенции: теория и практика / Г. В. Сороковых, Т. И. Жаркова, А. М. Герасимова [и др.]. М.: Учебный центр «Перспектива»; 2019. 280 с.
5. Ivanova V., Tivyaeva I. Teaching foreign languages in Soviet and present-day Russia: A comparison of two systems. *Zbornik Instituta za Pedagoska Istrazivanja*. 2015; 47 (2): 305–324.
6. Педагогический дискурс: новые стратегии подготовки учителей иностранных языков: материалы Международной конференции, Москва, 17–19 марта 2016 г. / под общ. ред. Е. Г. Таревой, Л. Г. Викуловой. М.: Языки Народов Мира; 2016. 204 с.
7. Педагогический дискурс: качество речи учителя: материалы II Всероссийской конференции, Москва, 27–29 мая 2020 г. / под ред. Л. Г. Викуловой. М.: Языки Народов Мира; 2020. 264 с.
8. Тарева Е. Г. Подготовка студентов к социокультурной и социолингвистической вариативности межкультурной коммуникации. *Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы*. Симферополь: Ариал; 2018: 58–63.
9. Tareva E. G., Schepilova A. V., Tarev B. V. Intercultural content of a foreign language textbooks: Concept, texts, practices. *XLinguae*. 2017; 10 (3): 246–255.
10. Simonsen R. An Analysis of the Problematic Discourse Surrounding «Authentic Texts». *Hispania*. 2019; 102 (2): 245–258.
11. Зурабова Л. Р. Корпусное исследование субдиалекта шиак провинции Нью-Брансуик (Канада): характеристики лексико-грамматической системы при переключении языковых кодов. *Вестник Томского государственного университета*. 2020; 459: 27–38.
12. Корзун О. О., Савкина Е. А. К вопросу подготовки будущих учителей английского языка к реализации исследовательской деятельности. *Среднее профессиональное образование*. 2021; 1 (305): 62–66.
13. Данилин М. В. Проблема измерения степени аутентичности в процессе отбора видеоматериалов как средств обучения иностранному языку. *Наука и школа*. 2021; (3): 169–179.
14. Vikulova L. G., Khutyz I. P., Makarova I. V., Gerasimova S. A., Borbotko L. A. Information Resources for Foreign Language Teachers' Self-development: Overview. *Lecture Notes in Networks and Systems. Proceedings of the Conference «Integrating Engineering Education and Humanities for Global Intercultural Perspectives»*. 2020; (123): 119–127.
15. MICASE: Электронный корпус разговорного английского языка в сфере академического общения Мичиганского университета. URL: <https://quod.lib.umich.edu/m/micase/> (дата обращения: 28.11.2021).

16. Мозесон А. Ю. Языковые средства метамоделирования образа художественного персонажа в критических публикациях XX в. *Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование.* 2019; 4 (36): 107–112.

17. Lexical and semantic representation of the linguistic and cultural concept “rest” in the english, german, and russian languages / I. N. Novikova, L. G. Popova, L. M. Shatilova [et al.]. *Opcion.* 2018; (34): 85-2: 237–256.

References

1. Tareva E. G., Tarev B. V. The assessment of students’ professional communicative competence: New challenges and possible solutions. *XLinguae.* 2018; 11 (2): 758–783.

2. Tareva E. G., Vikulova L. G., Makarova I. V. Innovacionnoe modelirovanie kejsov po mezhkul’turnoj kommunikacii. *Biznes. Obrazovanie. Pravo.* 2018; 4 (45): 398–404.

3. Metodika inoyazy`chnogo obrazovaniya v vuze: ucheb. posobie / A. L. Berdichevskij, I. A. Ganiatullin, E. G. Tareva; pod obshh. red. A. L. Berdichevskogo. M.: Flinta; 2020. 368 s.

4. Sovremennyy`e sredstva ocenivaniya kachestva inoyazy`chnoj kompetencii: teoriya i praktika / G. V. Sorokovy`x, T. I. Zharkova, A. M. Gerasimova [i dr.]. M.: Uchebny`j centr «Perspektiva»; 2019. 280 s.

5. Ivanova V., Tivyaeva I. Teaching foreign languages in Soviet and present-day Russia: A comparison of two systems. *Zbornik Instituta za Pedagogoska Istrazivanja.* 2015; 47 (2): 305–324.

6. Pedagogicheskij diskurs: novy`e strategii podgotovki uchitelej inostranny`x yazy`kov: materialy` Mezhdunarodnoj konferencii, Moskva, 17–19 marta 2016 g. / pod obshh. red. E. G. Tarevoj, L. G. Vikulovoj. M.: Yazy`ki Narodov Mira; 2016. 204 s.

7. Pedagogicheskij diskurs: kachestvo rechi uchitelya: materialy` II Vserossijskoj konferencii, Moskva, 27–29 maya 2020 g. / pod red. L. G. Vikulovoj. M.: Yazy`ki Narodov Mira; 2020. 264 s.

8. Tareva E. G. Podgotovka studentov k sociokul’turnoj i sociolingvisticheskoj variativnosti mezhkul’turnoj kommunikacii. *Inostrannaya filologiya. Social’naya i nacional’naya variativnost’ yazy`ka i literatury`.* Simferopol’: Arial; 2018: 58–63.

9. Tareva E. G., Schepilova A. V., Tarev B. V. Intercultural content of a foreign language textbooks: Concept, texts, practices. *XLinguae.* 2017; 10 (3): 246–255.

10. Simonsen R. An Analysis of the Problematic Discourse Surrounding «Authentic Texts». *Hispania.* 2019; 102 (2): 245–258.

11. Zurabova L. R. Korpusnoe issledovanie subdialekta shiak provincii N’yu-Bransuik (Kanada): xarakteristiki leksiko-grammatischej sistemy` pri pereklyuchenii yazy`kovy`x kodov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2020; (459): 27–38.

12. Korzun O. O., Savkina E. A. K voprosu podgotovki budushhix uchitelej anglijskogo yazy`ka k realizacii issledovatel’skoj deyatel’nosti. *Srednee professional’noe obrazovanie.* 2021; (305): 62–66.

13. Danilin M. V. Problema izmereniya stepeni autentichnosti v processe otbora videomaterialov kak sredstv obucheniya inostrannomu yazy`ku. *Nauka i shkola.* 2021; (3): 169–179.

14. Vikulova L. G., Khutyz I. P., Makarova I. V., Gerasimova S. A., Borbotko L. A. Information Resources for Foreign Language Teachers’ Self-development: Overview. *Lecture*

Notes in Networks and Systems. Proceedings of the Conference «Integrating Engineering Education and Humanities for Global Intercultural Perspectives», 2020; (123): 119–127.

15. MICASE: E`lektronny`j korpus razgovornogo anglijskogo yazy`ka v sfere akademicheskogo obshheniya Michiganskogo universiteta. URL: <https://quod.lib.umich.edu/m/micase/> (data obrashheniya: 28.11.2021).

16. Mozeson A. Yu. Yazy`kovy`e sredstva metamodelirovaniya obraza xudozhestvennogo personazha v kriticheskix publikacijax XX v. *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovoje obrazovanie*. 2019; 4 (36): 107–112.

17. Lexical and semantic representation of the linguistic and cultural concept “rest” in the english, german, and russian languages / I. N. Novikova, L. G. Popova, L. M. Shati-lova [et al.]. *Opcion*. 2018; (34): 85-2: 237–256.

Информация об авторе

Наталья Владимировна Вишневецкая — старший преподаватель кафедры английской филологии Института иностранных языков МГПУ.

Information about the author

Nataliya V. Vishnevetskaya — Senior Lecturer of the English philology department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.16

МИФОПОЭТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ЦИКЛЕ И. Г. ЭРЕНБУРГА «NOLI ME TANGERE» (1914)

Манышев Сергей Сергеевич

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

ManyshevSS@mgpu.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию мифопоэтических мотивов поэтического цикла И. Г. Эренбурга «Noli me tangere» (1914). Проводится комплексный литературоведческий анализ цикла с опорой на гносеологический и аксиологический подходы. Используется метод мифопоэтического анализа с привлечением биографического и историко-культурного контекста. В результате анализа определены ключевые роли мифопоэтических мотивов в создании мотивно-образной структуры стихотворного цикла как целостного по форме и содержанию произведения.

Ключевые слова: Эренбург; мифопоэтические мотивы; мотивно-образная структура; мифотворчество как житнетворчество.

Для цитирования: Манышев С. С. Мифопоэтические мотивы в цикле И. Г. Эренбурга «Noli me tangere» (1914). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*. 2022; 46 (2): 175–180. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.16

Original article

MYTHOPOETIC MOTIFS IN THE CYCLE OF I. G. EHRENBURG «NOLI ME TANGERE» (1914)

Sergey S. Manyshev

Moscow City University,

Moscow, Russia,

ManyshevSS@mgpu.ru

Abstract. The article studies the mythopoetic motifs in I. G. Ehrenburg's «Noli me tangere» (1914) poetry series. There is a comprehensive literary analysis of the series based on epistemological and axiological approaches carried out. The author applies the method of mythopoetic analysis involving biographical, historic and cultural context. The study results in determining the key roles of mythopoetic motifs in the creation

of the motif-figurative structure of the poetry series as integral in form and content of the work.

Keywords: Ehrenburg; mythopoetic motifs; motif-figurative originality; myth-making as life-creation.

For citation: Manyshev S. S. Mythopoetic motifs in the cycle of I. G. Ehrenburg «Noli me tangere» (1914). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2022; 46 (2): 175–180. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.16

Для лучшего понимания содержания и поэтики цикла «Noli me tangere» необходимо раскрыть историко-биографический контекст его создания. Этот цикл стихотворений, предположительно, был написан в конце 1913 – начале 1914 г., в период личного кризиса И. Г. Эренбурга и прекращения близких отношений с Е. Шмидт [1, т. 1, с. 129]. В то же время поэт работает над сборником «Детское», посвященным Ф. Жамму, а также над большой переводной антологией «Поэты Франции (1870–1913)». В 1914 г. Эренбург планирует выпустить одноименный сборник, в который должны были войти стихи данного цикла. Однако планам не суждено было сбыться.

Название «Noli me tangere» отсылает к евангельскому сюжету, описывающему явление Христа Марии Магдалине после Воскресения. Он же сказал ей: «Не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему; а иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему» (Ин. 20: 11–17).

В стихах цикла звучат не только лирические мотивы, связанные с окончанием любовных отношений. Помимо стремления Эренбурга выразить в них неразрывность духовной связи лирического героя с бывшей возлюбленной, речь идет об экзистенциальном выборе самого поэта, предполагающем некий обряд перехода в новую стадию личностного развития.

Вместе с тоской об уходящей любви поэт стремится выразить трагическое понимание обреченности человека на тоску и страдания, а вместе с тем упорствует в своем христианском индетерминизме, сопротивляясь предопределенности бытия. Лирический герой находится в пограничной ситуации: в точке принятия судьбоносного решения ему предстоит выбрать между слабостью подчинения умирающим чувствам и силой внутренней свободы, дающей духовное обновление. Выходом из нее должно стать преодоление неверия в то, что любовь умерла, и вера в то, что она должна возродиться в будущей жизни в новой своей ипостаси. Это будет высшая форма любви, предполагающая отказ от телесного, эгоистичного, собственнического. Это будет божественное чувство, дарующее духовную свободу, которая воплотится в творчестве, в служении людям. Именно этой сквозной темой перерождения и воскрешения любви обусловлены мифопоэтические мотивы цикла «Noli me tangere».

Атмосферу цикла создает целая гамма мифопоэтических образов и символов, связанных с библейскими сюжетами или формирующих собственную авторскую мифологию (что отражает общую тенденцию поэзии Серебряного века) [2, с. 163]. В образно-мотивной структуре цикла важными составляющими являются пространство и время (в том числе суточный цикл и времена года, а именно хронотоп ночного зимнего города), а также цвет и образы второстепенных персонажей (старика-прохожего и женщины — летучей мыши).

Об описании обряда экзистенциального перехода свидетельствуют и сама структура цикла, и форма записи стихотворного текста. Написанные как дневник или как письма — в строку, эти стихи являются, по сути, исповедью, сообщением о тайном преображении.

Композиционно цикл задуман так, чтобы с помощью развития мифопоэтических мотивов и смены хронотопов показать внутреннюю трансформацию лирического героя. Через зимний город, пространство снов и воспоминаний, автор в конце цикла приводит его в цветущий весенний пригород. Можно сказать, что композиция цикла построена на образно-семантической антитезе. Это противопоставление промозглых ночных пространств, наполненных туманом, и сновидений, похожих на галлюцинации, — картине умиротворения и свободы цветущей окраины, возникающей в конце цикла.

Важнейшая художественно-образительная роль в поэтике цикла отведена архетипическим библейским образам-мифологемам. Трансформируясь под воздействием авторского восприятия, они несут гносеологическую, аксиологическую и эстетическую нагрузку, позволяя поэту высказать непознаваемое разумом [2, с. 165].

Одним из ярких примеров является отсылка к библейскому сюжету о неверии апостола Фомы: «Но Он в минуту заката мне дал вино тоски и тьмы, такое крепкое, что, выпив, я заплакал и вспомнил серые глаза Фомы» [3, с. 175]. Речь идет об эпизоде со Святым Фомой: он захотел прикоснуться к ранам Иисуса, чтобы удостовериться в их реальности. Но Иисус сказал ему: «Ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны не видевшие и уверовавшие» (Ин. 20: 26–28). Таким образом, поэт передает всю гамму чувств лирического героя, связанную с преодолением неверия в потерю прежней любви: горечь этой открывшейся истины и блаженное облегчение от ее принятия.

Примечательна и такая мифологема, как умирающий голубь.

«Пади на иней, белый голубь, тебя я ей, печальной, отнесу и расскажу, что стали чище мои хвалебные слова, скажу: — Мне хорошо. Я нищий. Но знаете, любовь еще жива. — Она на голубя слегка подышит, прочтет стихи, заплачет и уснет. А голубь, Господи, какой он лишний, и лучше, если он не отойдет» [3, с. 174].

Голубь — это символ чистоты, упоминание о котором часто встречается в библейских текстах. Также это символ привязанности, верности и доброй вести. В истории о потопе голубь прилетает в ковчег к Нюю с радостным

известием о том, «что вода сошла с земли» (Быт. 8: 10–11). Отметим здесь, что голуби также были предметом жертвоприношений (Быт. 15: 9).

В развернутой метафоре, уподобляя замерзшей голубке умирающие чувства, поэт отождествляет холод зимы с душевным холодом. Любовные чувства должны быть принесены в жертву личной и творческой свободе лирического героя. Метафору «белый голубь» усиливает обилие образов, ассоциирующихся с зимой: *белые сны, белые тонкие льдины, оковы чистоты, ломкий лед, зимнее белое небо, упавший с неба снег, пади на иней, иногда вспоминаю костры на снегу*. Символика белого цвета, соединяющая в себе холод и чистоту, непосредственно влияет на мотивное содержание цикла [4, с. 31; 5, с. 32].

Далее поэт обращается к ветхозаветному сюжету о золотом тельце: «Облаками большими, тяжелыми скрыты синие очи Отца, но в душе не осталось золота, чтоб отлить иного *тельца*» [3, с. 174] (здесь и далее курсив наш. — С. М.).

В сюжете из Ветхого Завета (Исход 32: 1, 3–5, 9–10, 11, 14, 25–29) говорится о том, что евреи, бежавшие из египетского плена, сорок лет блуждали по пустыне и утратили веру в скорое обретение родины. И тогда им было велено собрать все золотые украшения, для того чтобы выплавить статую тельца (быка). Люди стали молиться золотому тельцу, но пророк Моисей не допустил поклонения идолу.

Таким образом, в словах лирического героя проявляется осознание того, что некогда сильное любовное чувство исчезает; прежнее поклонение перед женщиной воспринимается теперь как наваждение, как принесение в жертву своих истинных чувств ложному божеству, как причина истощения душевных сил.

Обряд перерождения лирического героя, его инициация — очищение болью разрыва с любимой женщиной, переход в другую стадию жизни — происходит в холодном и безрадостном пространстве зимнего города: «Я люблю над Парижем зимние сумерки, когда легче и проще о смерти думаешь» [3, с. 173]. В рамках мифопоэтической структуры цикла локус города воспринимается как некое лиминальное пространство — одинаково реальное и фантастическое, в котором герой уже перестал быть прежним, но еще не стал иным — обновленным [6, с. 168].

Интерпретация следующих стихов цикла с точки зрения структурной теории Леви-Стросса [7, с. 209–210] выявляет бинарную оппозицию жизнь/смерть, выраженную через прием антитезы: старость и юность. Этот выбор воплощен в образе случайного прохожего:

«Старик, *от тумана* юный, в синий плащ одетый, — может быть, житель Сатурна или другой холодной планеты» [3, с. 173].

Здесь туман — образ тайны и неизвестности, эфемерности мира и опустошенности — является преградой к выходу из вышеназванной оппозиции, существующей в лиминальном пространстве города: «Тихо на улице длинной; темные магазины. Прохожий робко взглянет, не повернется, и *всё в тумане*» [3, с. 173].

Необходимо отметить, что за семантикой образов тумана, мутной мглы и синего плаща просматриваются реминисценции из поэзии А. А. Блока

(«Ты в синий плащ печально завернулась...» [8, т. 3, с. 44], «Дыша духами и туманами...» [8, т. 2, с. 158–161]). Эти отсылки готовят сознание читателя к появлению подобия образа блоковской Незнакомки, но эти предчувствия оказываются обмануты.

«В нежном свете гаснущего газа мелькают женщины, как *летучие мыши*. На улице пустой и влажной шелест тонкого шелка слышен. Я сяду в маленьком баре, ко мне прилетит *летучая мышь* и скажет: “Ты снова печален, ты снова один сидишь”» [3, с. 175–176].

Неожиданно в этих стихах цикла проявился метафоризм образа женщины — летучей мыши. В культурах многих народов мира летучая мышь воспринимается как мистическое существо, вызывающее страх. Образ кожана в некоторых традициях ассоциируется с чем-то дьявольским, демоническим, а также с происхождением первородного греха [9]. Авторское ощущение демонического, греховного начала в женщине нашло выражение в использовании этой мифологемы в качестве яркой аллегории.

О том, что лирический герой близок к осознанному выбору, к отказу от умирающего чувства в пользу сохранения своего внутреннего мира, говорят следующие строки: «Говорят и глядят, и взгляды, и слова душу смутить не могут, лишь тревожат ее едва-едва, как мелкие камешки воду» [3, с. 177].

Мифологема воды, с которой сравнивается душа, разнородна. С одной стороны, она символизирует вечный источник жизни. Живая вода возвращает к жизни и дает новую жизнь. Именно поэтому в обрядах инициации часто применяется кропление водой. Пересечение водной преграды в аллегорическом смысле означает переход из одного онтологического состояния в другое (что, собственно, и происходит с лирическим героем цикла). А с другой стороны, вода — это символ неудержимого потока — потока времени, потока творческой энергии.

Не случайно только одно стихотворение из цикла «Noli me tangere» имеет название. Это венчающие его стихи «Пригород». Они указывают на завершение инициации лирического героя, его выход из лиминальности, перемещение за пределы белого (бесцветного, холодного, туманного) локуса города — в весенний пригород с голубым небом и цветущими глициниями.

Таким образом, Эренбург, своим циклом стихов «Noli me tangere» включился в процесс создания мифопоэтической парадигмы Серебряного века русской поэзии, подтвердив состоятельность тезиса о понимании жизнотворчества как мифотворчества.

Список источников

1. Эренбург И. Г. Люди. Годы. Жизнь. М.: АСТ; 2017. 656 с.
2. Осипова Н. О. Мифопоэтический анализ поэзии Серебряного века. *Наука о литературе в XX веке: (История, методология, литературный процесс)*. 2001; 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifopoeticheskiy-analiz-poezii-serebryanogo-veka> (дата обращения: 04.01.2022).
3. Эренбург И. Г. Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический Проект; 2000. 816 с.

4. Борзых О. В. Междисциплинарные аспекты изучения цвета в поэтическом тексте. *Вестник ВГУ*. 2012; 2: 28–31.
5. Громова А. В. Мир цвета в повести Вс. Иванова «Цветные ветра». *Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2016; 3 (23): 27–34.
6. Тернер В. Символ и ритуал. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука»; 1983. 168 с.
7. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Наука; 1985. 398 с.
8. Блок А. А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Правда; 1971.
9. Аликашева Д. В. Летучие мыши в мифах и легендах народов мира. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2016; 1–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/letuchie-myshi-v-mifah-i-legendah-narodov-mira> (дата обращения: 03.02.2022).

References

1. E`renburg I. G. Lyudi. Gody`. Zhizn`. M.: AST; 2017. 656 s. (In Russ.).
2. Osipova N. O. Mifopoe`ticheskiy analiz poe`zii Serebryanogo veka. *Nauka o literature v XX veke: (Istoriya, metodologiya, literaturny`j process)*. 2001; 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifopoeticheskiy-analiz-poezii-serebryanogo-veka> (data obrashheniya: 04.01.2022). (In Russ.).
3. E`renburg I. G. Stixotvoreniya i poe`my`. SPb.: Akademicheskij Proekt; 2000. 816 s. (In Russ.).
4. Borzy`x O. V. Mezhdisciplinarny`e aspekty` izucheniya czveta v poe`ticheskom tekste // *Vestnik VGU*. 2012; 2: 28–31. (In Russ.).
5. Gromova A. V. Mir cveta v povesti Vs. Ivanova «Cvetny`e vetra». *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovoie obrazovanie*. 2016; 3 (23): 27–34. (In Russ.).
6. Te`rner V. Simvol i ritual. M.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury` izd-va «Наука», 1983. 168 s. (In Russ.).
7. Levi-Stross K. Strukturnaya antropologiya. M.: Nauka; 1985. 398 s. (In Russ.).
8. Blok A. A. Sobr. soch.: v 6 t. M.: Pravda; 1971. 364 s. (In Russ.).
9. Alikasheva D. V. Letuchie my`shi v mifax i legendax narodov mira. *Aktual`ny`e problemy` gumanitarny`x i estestvenny`x nauk*. 2016; 1–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/letuchie-myshi-v-mifah-i-legendah-narodov-mira> (data obrashheniya: 03.02.2022). (In Russ.).

Информация об авторе

Сергей Сергеевич Манышев — аспирант кафедры русской литературы Института гуманитарных наук МГПУ.

Information about the author

Sergey S. Manyshv — postgraduate student of the department of Russian literature, Institute of Humanities, MCU.

Научная статья

УДК: 82.091

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.18

СРЕДСТВА КИНОПОЭТИКИ В ЛИТЕРАТУРНОМ ТЕКСТЕ

Яровой Сергей Александрович

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия,ser_yarovoy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4500-7455>

Аннотация. В статье приводится обзор средств кинопоэтики. Описывается история их возникновения, дается определение терминов; анализируются взгляды теоретиков литературы и киноискусства на то, как проявляются и функционируют приемы кинематографа в произведениях литературы. В результате анализа функциональных средств поэтики кино, таких как ракурс, план, монтаж, в литературном тексте выдвигается и обосновывается тезис, что писатели использовали данные средства еще до появления кинематографа как вида искусства, прослеживается влияние литературы на формирование изобразительной системы киноискусства.

Ключевые слова: кинопоэтика; художественная проза; ритм текста; кинематографичность литературного текста.

Для цитирования: Яровой С. А. Средства кинопоэтики в литературном тексте. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*. 2022; 46 (2): 181–188. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.18

Original article

MEANS OF CINEMA POETICS IN A LITERARY TEXT

Sergey A. Yarovoy

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,ser_yarovoy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4500-7455>

Abstract. The article provides an overview on the means of cinema poetics. The history of their occurrence is described, the definition of terms is given; it also analyzes the views of literature and cinematography theorists on how the techniques of cinematography manifest and function in literature. Analyzing the functional means of cinema poetics, such as foreshortening, plan, editing in a literary text claims that writers had been using these means even before the cinema appeared as an art form, the influence of literature on the formation of the visual system of cinematography is traced.

Keywords: cinema poetics; fiction; text rhythm; cinematic.

For citation: Yarovoy S. A. Means of the poetics of cinema in a literary text. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2022; 46 (2): 181–188. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.18

Все искусства принято условно разделять на три типа. К первому относятся так называемые пространственные — живопись, архитектура и скульптура. Обусловлено это тем, что изображаемые предметы воспринимаются адресатом в пространственно-статическом выражении, иными словами, — как находящиеся в неподвижном пространстве.

Второй тип составляет группа временных видов искусства, включающая в себя музыку и танец. В одном ряду с ними находится и литература. В отличие от статичной формы изображения, характерной для пространственного типа, временные искусства демонстрируют предмет в движении, в его динамическом развитии, которое происходит на протяжении времени.

Наконец, третий тип, к которому относятся театр и впоследствии кинематограф, называется синтетическим. Искусство театра и кино заимствовало и соединило в целостную систему выражения средства как пространственных, так и временных искусств, поскольку и в театре, и в кино форма изображения реализуется как в пространстве, так и во времени. Однако представляется возможным разграничить во временном плане киноискусство и театр. Как отмечают исследователи, «театр живет только в настоящем. Один и тот же спектакль невозможно сыграть одинаково дважды» [1, с. 37].

Если согласиться с утверждением, что кинематограф — искусство синтетическое, возникает закономерный вопрос: какой из видов искусства оказал наибольшее влияние на его становление и развитие? Режиссер и теоретик кинематографа С. М. Эйзенштейн отмечал, что «нет прямых предков кино, а предки все косвенные» [2, с. 307]. Однако многие работы режиссера, такие как «Монтаж 1938», «Вертикальный монтаж», «Диккенс, Гриффит и мы», посвящены анализу классики мировой литературы и поиску приемов и средств кинопоэтики в произведениях искусства, созданных до появления кинематографа.

Если предположить, что взаимодействие литературы и кино началось с первых лет существования кинематографа и на начальном этапе своего формирования как вида искусства кино заимствовало для своей системы выражения (поэтики) литературные средства изображения, то получается, что художественная литература, в свою очередь, еще до появления кино пользовалась приемами, которые в настоящее время можно отнести к кинематографическим.

Поэтому цель данной работы заключается в том, чтобы в теоретической плоскости уточнить и описать специфику кинопоэтики. В результате представится возможным, с одной стороны, обозначить средства творческого арсенала писателей, с другой — раскрыть визуальный потенциал художественного произведения, поскольку элементы языка кино обладают принципиально новыми возможностями изображения.

Для достижения заявленной цели необходимо обозначить основные составляющие киноязыка — понятия «кадр» и «монтаж», первые определения которых в литературоведении формулировали в разное время В. Б. Шкловский,

Ю. Н. Тынянов, Ю. М. Лотман. Исследовали данный вопрос и кинорежиссеры, в первую очередь Л. В. Кулешов, М. И. Ромм, С. М. Эйзенштейн. К сопутствующим терминам можно также отнести дефиниции «план», «ракурс» и «ритм», рассмотрение которых включает в себя и анализ их проявлений в литературном тексте.

Описание приемов монтажа в пространственных и временных искусствах следует начать с базового понятия «кадр», которое в переводе с французского языка значит «рамка». Различными исследователями оно трактуется индивидуально и по-разному. Так, С. М. Эйзенштейн проводил параллели между кадром и иероглифом, поскольку оба элемента многозначны и приобретают определенный смысл лишь в сочетании с другими элементами. В свою очередь, В. Б. Шкловский называл кадр молекулой кинематографа, тогда как молекулой литературы, с его точки зрения, являлось слово [3, с. 44].

С понятием «кадр» тесно связан и другой элемент кинопоэтики — «план», который в одном из смысловых аспектов может считаться синонимом кадра. Искусствовед А. Г. Соколов отмечает, что кадром, или планом, называют кусок пленки с зафиксированным изображением, которое было снято в результате одного пуска камеры [4, с. 29]. В то же время понятие «план» подразумевает также масштаб съемки, увеличение или уменьшение крупности объектов: «“План” — это не просто величина изображения, а отношение его к рамке (величина плана на маленьком кадре пленки и на большом экране одинакова)» [5, с. 249], — отмечает Ю. М. Лотман. Крупность плана зависит от изображения и его величины, которую реципиент видит на экране, следовательно, от того, какая часть этого изображения находится в рамках кадра. Замысел менять размеры плана возник благодаря стремлению режиссеров продемонстрировать зрителю наиболее выразительные моменты кинокартины, обратить внимание адресата на определенные детали. В произведении литературы также можно найти указания на крупность плана. Это реализуется, в частности, посредством того, как «одинаковое место или внимание уделяется явлениям разной количественной характеристики. Так, например, если следующие друг за другом сегменты текста заполняются содержанием, резко отличным в количественном отношении: разным количеством персонажей, целым и частями, описанием предметов большой и малой величины; если в каком-либо романе в одной главе описываются события дня, а в другой — десятки лет, то мы также можем говорить о разнице планов», — замечает Ю. М. Лотман [5, с. 250]. С точки зрения исследователя, одним из примеров использования в литературе планов различной степени крупности можно считать сцены «Войны и мира» Л. Н. Толстого, главными действующими лицами которых в первом случае является Пьер Безухов, «конный полк с песенниками впереди», «поезд телег с ранеными», «возчики-мужики», а во втором эпизоде число персонажей резко уменьшается лишь до Пьера, князя Андрея Болконского и нескольких проезжающих офицеров. Таким образом, можно заключить, что взаимное

противопоставление крупности плана различных отрывков литературного текста влечет за собой приращение новых смыслообразующих элементов.

Представляется возможным отыскать множество примеров использования плана в художественной литературе — от «крупных» до «панорамных», однако теоретическую базу для данного средства кинопоэтики сформулировали все же деятели искусства кино. Л. В. Кулешов разработал классификацию крупности кадров и разделил их на несколько видов, придя к выводу, что от выбора крупности плана зависит смысл, который режиссер вкладывает в тот или иной отрывок, эмоциональная окраска кадра [6, с. 9–10]. Наиболее функциональным, с точки зрения теории кино, выступает крупный план, поскольку является открытой композицией, где изображена лишь отдельная часть объекта, что всегда конкретизирует и более полно характеризует его. Считается, что впервые крупный план был использован американским режиссером Д. Гриффитом в фильмах «Рождение нации» (1914) и «Нетерпимость» (1916). Изначально данный прием использовался лишь как отдельная от основного действия «пояснительная записка», позже — с целью обозначить важные сюжетные детали. Только с развитием кинематографа и появлением звука стали использоваться и другие возможности крупного плана — благодаря ему при внутреннем монологе персонажа зритель получил возможность в деталях рассмотреть лицо героя, услышать закадровый голос с размышлениями, тем самым более полно погрузиться в происходящее на экране.

Крупный план, в сравнении с другими планами, более насыщен эмоционально и, с точки зрения С. М. Эйзенштейна, способствует раскрытию потенциала фильма. Следовательно, дает возможность раскрыть внутренний мир героя, погрузиться в его переживания. Главная функция плана — установить наиболее тесный контакт зрителя с героем. Крупным планом показаны те эмоциональные штрихи в подаче образа, которые невозможно столь ярко и полно передать с помощью какого-то другого плана. М. И. Ромм, проводивший в своих работах множество параллелей между литературой и кинематографом, отмечал, что главная функция крупного плана — раскрытие жизни в ее полноте, во всей тонкости и глубине, а это, в свою очередь, позволяет «выделить кинематограф из всех искусств и дать ему возможности, которыми обладает только художественная проза» [7, с. 214].

Неотъемлемой составляющей пространства кадра является ракурс или точка зрения — угол, под которым находится аппарат относительно объекта съемки. С одной стороны, ракурс ориентирует зрителя в пространстве, с другой — демонстрирует те признаки объекта, которые можно заметить лишь при определенных условиях, акцентируя тем самым внимание на данном моменте сюжета. Ракурс не вносит изменения в содержание произведения, но выступает дополнительной характеристикой, которая иногда имеет важное смысловое и эмоциональное значение, а также может передавать психологическую характеристику героя — особенно широко он использовался с данной целью в период немого

кино, являясь одним из самых важных художественных средств. С помощью точки зрения режиссер мог выразить и собственное отношение к герою. Так, С. М. Эйзенштейн использовал ракурсы снизу вверх, если хотел продемонстрировать величие героя и уважение к нему, и наоборот — сверху вниз, что свидетельствовало о пренебрежительном или негативном отношении.

В литературе докинематографического периода также представляется возможным найти указания на то, с какого ракурса стоит воспринимать происходящее. Ю. М. Лотман, говоря об использовании приемов грядущего кинематографа Н. В. Гоголем в своих произведениях, отмечает: «Посмотрим, как строится описание поездки Тараса и сыновей на Сечь. Чем быстрее движение, тем выше выносятся в пространственном отношении точка зрения наблюдателя: “И козаки, прилегши несколько к коням, пропали в траве. Уже и черных шапок нельзя было видеть; одна только быстрая молния сжимаемой травы показывала бег их”. “Быстрая молния сжимаемой травы” неожиданно выносит точку зрения наблюдателя вверх — вертикально над едущими козаками» [8, с. 301].

Важной категорией поэтики кино является мизансцена — пространственное решение отношений между действующими персонажами в литературе, театре, живописи, скульптуре. По мнению С. И. Юткевича, мизансцену характеризует пространственное выражение психологии или поступков отдельных персонажей или же группы действующих лиц. Режиссер отмечает, что герой может просто стоять или сидеть, однако то, в каком пространственном отношении он пребывает со стулом или столом, иными словами, то, как автор посадит персонажа и с какого ракурса его покажет, — уже пример мизансцены. Таким образом, Юткевич определяет мизансцену как «пространственное выражение характера и образа как человека, так и эпизода в целом» [9, с. 248].

Понятие «мизансцена» применимо и к художественной прозе. В качестве одного из наиболее ярких примеров может служить сцена окаменения в начале VIII главы повести Гоголя «Сорочинская ярмарка»: «Ужас оковал всех находившихся в хате. Кум с разинутым ртом превратился в камень; глаза его выпучились, как будто хотели выстрелить; разверстые пальцы остались неподвижными на воздухе» [10, с. 103]. Можно заметить, что сцена выписана до мельчайших подробностей, будто прямые указания актерам, как выстроить мизансцену, напоминающую живую картину, которая затем начинает двигаться. Также отсутствует словесное общение персонажей, в отличие от предыдущих глав повести, где диалог играл важную роль. Каждый жест объясняется максимально подробно: «разверстые пальцы остались неподвижными на воздухе», «повалившись на лавку в ужасе и болтая на ней руками и ногами», «остался нем и недвижим посреди дороги» [10, с. 103–104].

Особое место в кинопоэтике принадлежит категории «ритм». До настоящего времени отсутствует общепринятое определение данного понятия. Ныне ритм изучают как универсальную художественную закономерность и рассматривают на примере различных видов искусства.

Исследованию ритма прозы посвятил свою работу М. М. Гиршман. Разделяя ритм стихотворный и прозаический, автор отмечает, что в художественной прозе функции ритма ограничиваются интонационно-выразительными, сюжетно-композиционными и характерологическими. Как отмечает ученый, ритм «формирует специфическое художественное время, соотносится с образами рассказчиков и повествователей, воплощает, наконец, авторскую художественную энергию, образующую и организующую прозаическое художественное целое» [11, с. 77]. Писатель выбирает определенный ритм в зависимости от сюжета — чем более напряженный сюжет, тем более резким будет ритм, и наоборот. Смена ритма дает возможность достичь различных эффектов, если преподнести разные ситуации в непривычном для них ритме, например признание в любви в ускоренном, «монтажном» ритме, а паники — в замедленном, что придаст повествованию комический оттенок.

Анализируя творчество Н. В. Гоголя, исследователь подчеркивает: «Ритмическая индивидуализация и систематическое взаимодействие различных голосов героев и изображений склада их речи проходят через все произведения Гоголя, вплоть до “Мертвых душ”» [11, с. 130].

Наконец, с категорией ритма литературного произведения тесно связано понятие монтажа в прозаическом тексте. В. Е. Хализев признает монтаж как один из способов построения литературного произведения. В отличие от киномонтажа, исследователь определяет данный прием как тип композиции, при котором преимущество отдается дискретности изображения. Функцией же монтажа является «разрыв непрерывности коммуникации, констатация случайных связей между фактами, обыгрывание диссонансов, интеллектуализация произведения, отказ от катарсиса, “фрагментаризация” мира и разрушение естественных связей между предметами» [12, с. 276]. Следовательно, монтаж можно трактовать как способ построения литературного произведения, который путем контраста, совпадения, сравнения, сопоставления выявляет связи между фактами и явлениями, ассоциативные возможности, иные смыслы и направлен на определенное художественное выражение.

Таким образом, выявление средств кинопоэтики в изобразительном арсенале художественной литературы докинематографического периода — важный шаг в формировании теоретического подхода к изучению отношений литературы и кино. Мастера художественного слова, апеллируя ко всем органам чувств, создавали четкие, выразительные, яркие образы, интуитивно используя при этом такие художественные средства, которые со временем и развитием кинематографа стали достоянием поэтики кино.

Список источников

1. Мурзак И. И. Современный зритель: интерпретатор или потребитель? *Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование.* 2017; 1 (25): 37–41.

2. Эйзенштейн С. М. Пушкин и кино. *Эйзенштейн С. М. Избранные произведения: в 6 т. Т. 2* / гл. ред. С. И. Юткевич, сост. П. М. Аташева и др., подгот. текста В. П. Коршуновой. М.: Искусство; 1964: 307–311.
3. Шкловский В. Б. Основные законы кинокадра. *Шкловский В. Б. За 40 лет: статьи о кино*. М.: Искусство; 1965: 43–56.
4. Соколов А. Г. Монтаж: телевидение, кино, видео: учебник. Ч. 1. 2-е изд. М.: Изд. А. Дворников; 2005. 242 с.
5. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. *Лотман Ю. М. Об искусстве*. СПб.: Искусство-СПБ; 1998: 13–285.
6. Кулешов Л. В. Азбука кинорежиссуры. 2-е изд. М.: Искусство; 1969. 132 с.
7. Ромм М. И. Вопросы киномонтажа. *Ромм М. И. Избранные произведения: в 3 т. / НИИ теории и истории Госкино СССР. СК СССР, ВГИК, ЦГАЛИ СССР. Т. 3. Педагогическое наследие*. М.: Искусство; 1982: 204–285.
8. Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя. *Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь*. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус; 2015: 297–348.
9. Юткевич С. И. Кино — это правда 24 кадра в секунду. М.: Искусство; 1974. 327 с.
10. Гоголь Н. В. Сорочинская ярмарка. *Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки*. М.: Изд-во Московской Патриархии; 2009: 87–112.
11. Гиршман М. М. Ритм художественной прозы. М.: Сов. писатель; 1982. 366 с.
12. Хализев В. Е. Теория литературы: учебник. 5-е изд., испр. и доп. М.: Академия; 2009. 432 с.

References

1. Murzak I. I. Sovremenny'i zritel': interpretator ili potrebitel'? *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie*. 2017; 1 (25): 37–41. (In Russ.).
2. E'izenshtejn S.M. Pushkin i kino. *E'izenshtejn S. M. Izbranny'e proizvedeniya: v 6 t. T. 2. / glav. red. S. I. Iutkevich, sost. P. M. Atasheva i dr., podgot. teksta V.P. Korshunovoj*. М.: Iskusstvo, 1964: 307–311. (In Russ.).
3. Shklovskij V.B. Osnovny'e zakony` kinokadra. *Shklovskij V. B. Za 40 let: stat'i o kino*. М.: Iskusstvo, 1965: 43–56. (In Russ.).
4. Sokolov A. G. Montazh: televidenie, kino, video: uchebnik. Ch. 1. 2-e izd. М.: Izd. A. Dvornikov, 2005. 242 s. (In Russ.).
5. Lotman Yu. M. Struktura xudozhestvennogo teksta. *Lotman Yu. M. Ob iskusstve*. SPb.: Iskusstvo–SPB, 1998: 13–285. (In Russ.).
6. Kuleshov L.V. Azbuka kinorezhissury`. 2-e izd. М.: Iskusstvo, 1969. 132 s. (In Russ.).
7. Romm M. I. Voprosy` kinomontazha. *Romm M. I. Izbranny'e proizvedeniya: v 3 t. / NII teorii i istorii Goskino SSSR. SK SSSR, VGIK, TsGALI SSSR. Т. 3. Pedagogicheskoe nasledie*. М.: Iskusstvo; 1982: 204–285. (In Russ.).
8. Lotman Yu. M. Xudozhestvennoe prostranstvo v proze Gogolya. *Lotman Yu. M. V shkole poe`ticheskogo slova: Pushkin, Lermontov, Gogol`*. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2015: 297–348. (In Russ.).

9. Yutkevich S. I. Kino — e`to pravda 24 kadra v sekundu. M.: Iskusstvo; 1974. 327 s. (In Russ.).
10. Gogol` N.V. Sorochinskaya yarmarka. *Gogol` N. V. Poln. sobr. soch. i pisem: v 17 t.* / sost., podgot. tekstov i komment. I. A. Vinogradova, V. A. Voropaeva T. 1: Vechera na xutore bliz Dikan`ki. M.: Izd-vo Moskovskoi Patriarxii; 2009: 87–112. (In Russ.).
11. Girshman M. M. Ritm xudozhestvennoj prozy`. M.: Sov. pisatel`; 1982. 366 s. (In Russ.).
12. Xalizev V. E. Teoriya literatury`: uchebnik. 5-e izd., ispr. i dop. M.: Akademiya; 2009. 432 s. (In Russ.).

Информация об авторе

Сергей Александрович Яровой — аспирант кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Information about the author

Sergey A. Yarovoy — postgraduate student of the department of Russian literature, Lomonosov Moscow State University.

Научная статья

УДК 81'37

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.18

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ КВАЗИСУБЪЕКТНЫХ МОДЕЛЕЙ ТИПА *КНИГА ЛЕГКО ЧИТАЕТСЯ*

Шестопалова Анна Михайловна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

anna-shestopalova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0164-4890>

Аннотация. В статье рассматриваются квазисубъектные модели типа *Книга легко читается*. Приводится описание особенностей семантических компонентов, входящих в состав данных конструкций, и обозначается их роль в восприятии семантики конструкции носителем языка. Рассматривается количественное соотношение типов субъекта на материале 250 высказываний на русском языке, позволяющее раскрыть некоторые особенности соответствующей картины мира и семантики исследуемых моделей.

Ключевые слова: квазисубъектная модель; тип субъекта; тип предиката; категория залога; категория возвратности.

Для цитирования: Шестопалова А. М. Семантические компоненты квазисубъектных моделей типа *Книга легко читается*. Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2022; 46 (2): 189–195. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.18

Original article

SEMANTIC COMPONENTS OF QUASISUBJECT CONSTRUCTIONS SUCH AS *KNIGA LEGKO CHITAETSYA*

Anna M. Shestopalova

Moscow City University,
Moscow, Russia,

anna-shestopalova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0164-4890>

Abstract. The article focuses on such quasisubject constructions as *Kniga legko chitaetsja*. The paper analyzes relevant semantic components and defines their role in how a language speaker perceives the semantics of the structure as a whole. The quantitative ratio of subject types performed on 250 Russian sentences reveals significant features of the Russian map of the world as well as the semantics of quasisubject constructions.

Keywords: quasisubject construction; subject type; predicate type; voice category; reflexive category.

For citation: Shestopalova A. M. Semantic Components of Quasisubject Constructions Such as *Kniga legko chitaetsja*. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic education*. 2022; 46 (2): 189–195. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.18

В настоящее время когнитивный подход в лингвистике выступает в качестве одного из основных способов изучения различных языковых явлений; иными словами, языковые явления рассматриваются через призму таких познавательных процессов человека, как концептуализация и категоризация внеязыковой действительности. При этом концепты выступают репрезентантами этнокультурных и социальных норм, исторического и когнитивного контекста [1, р. 239]. Как представляется, организация знаний носителя языка производится согласно определенным когнитивным схемам и моделям, позволяющим индивиду концептуализировать и категоризовать объекты внеязыковой действительности. Вместе с тем структуризация когнитивной системы человека и поступающей в данную систему информации является необходимым условием для обеспечения нормальной работы данной когнитивной системы. Иными словами, неструктурированная система не способна принимать и усваивать внешнюю информацию, что не позволяет установить связи с уже имеющимися знаниями и найти место данной информации внутри когнитивной системы [2, с. 10–12]. Таким образом, для обеспечения работы когнитивной системы индивида следует обратить внимание на структуры и модели, по которым формируются определенные языковые явления, а также их составные элементы. Так, к данной стратегии анализа языковых явлений обращаются в исследованиях, посвященных изучению семантики синтаксических конструкций, например, рассматриваются как особенности отдельных семантических компонентов, входящих в состав исследуемой синтаксической модели [3; 4], так и семантика конструкции в целом [5; 6]. Вместе с тем когнитивная интерпретация рассматриваемых синтаксических конструкций также представляется актуальной [7–10]. Следовательно, задача данного исследования заключается в необходимости рассмотрения составных компонентов таких квазисубъектных моделей, как *Книга легко читается*, при анализе структуры которых следует обратить внимание на тип субъекта, тип предиката, тип возвратного значения в семантике используемых глаголов, а также на роль наречия, входящего в состав квазисубъектной структуры. Обращение к данным элементам позволит в дальнейшем представить модель в структурированном виде и предложить адекватное описание ее когнитивного статуса в сознании носителя языка.

Обратимся к типам субъекта, которые реализуются в рамках квазисубъектных моделей. Вслед за О. Н. Селиверстовой, мы выделяем следующие типы субъекта, для описания которых используются такие параметры, как: X — характеризуемый субъект; P — предикат; Z — внешняя по отношению к субъекту сила, влияющая на появление P [11, с. 110–112]:

– **неопределяющий агентивный субъект**, при котором X прикладывает определенные усилия для осуществления P, но появление P в итоге зависит от силы Z. Рассмотрим высказывание *Жировые клетки быстро расщепляются*, где *жировые клетки* вступают друг с другом в реакцию, однако процесс

расщепления может зависеть от дополнительных факторов (отдельные свойства клеток, температурные условия, наличие катализатора). Ср.: *ребра быстро срастаются, звезды заметно перемещаются*;

– **неопределяющий неагентивный субъект**, иными словами, пациент, при котором осуществление и поддержание Р полностью зависит от силы Z. Например, в высказывании *Молитвы читаются громко* событие *читаться громко* не зависит от субъекта *молитвы*, поскольку оно возникает в случае совершения определенных действий со стороны некой внешней силы (священника, патриарха, прихожан церкви и др.). Ср.: *законы нарушаются постоянно, ключи часто теряются*;

– **определяющий неагентивный субъект**, при котором X не прилагает усилия для осуществления Р, и воздействие производится благодаря внутреннему источнику энергии субъекта. Рассмотрим высказывание *Сердце сильно бьется*, где субъект *сердце* способно продуцировать собственную энергию, которая обеспечивает его дальнейшее функционирование. Ср.: *лампочка-индикатор быстро загорается, огонь быстро распространяется*.

Предложенная О. Н. Селиверстовой типология субъектов позволяет уточнить описание семантики выбранных моделей. В рамках данного исследования в целях рассмотрения выбранных моделей в свете указанной типологии было проанализировано 250 примеров употребления квазисубъектных моделей в русском языке. В результате анализа было установлено количественное соотношение типов субъектов и определено, какой тип субъекта преимущественно реализуется в исследуемых моделях при описании необходимого фрагмента языковой картины мира. Так, типы субъекта, которые либо частично нуждаются в некой внешней силе для осуществления определенного действия (37,2 % от общего количества примеров), либо полностью полагаются на нее, реализуются в русском языке чаще всего (причем субъект в роли пациента преобладает — 43,2 %). Количество высказываний с определяющим неагентивным субъектом, который указывает на то, что субъект полагается лишь на внутреннюю энергию, значительно меньше (19,6 %). Данное положение объясняется особенностями русскоязычной картины мира [12, с. 71–72]. Следовательно, в рассмотренных ситуациях, где неодушевленное лицо выступает субъектом высказывания, сам субъект нуждается в посторонней помощи для осуществления определенного действия, что и объясняет высокий процент употребления высказываний, в которых субъект выступает пациентом. Таким образом, описание типов субъектов и дальнейший анализ частотности их употребления позволяет раскрыть некоторые особенности когнитивного статуса квазисубъектных моделей.

При описании типа предиката, реализующегося в исследуемой конструкции, было рассмотрено несколько классификационных сеток и проанализирована их описательная сила [11; 13–16]. В данном исследовании мы полагаемся на классификацию О. Н. Селиверстовой, в которой предложены семантические

тесты, позволяющие определить тип предиката. (Другие рассмотренные классификации не располагают данным аппаратом и полагаются в большинстве случаев на определенную трактовку ситуации, в которой употребляется предикат (например, подразумевается ли наличие изменения субъекта высказывания, осуществляется ли действие постепенно или мгновенно), или на вид и форму глагола.). Так, согласно О. Н. Селиверстовой, предикаты в составе квазисубъектных моделей представляют собой предикаты класса: предикаты, денотат которых соотносится с отрезком времени, но при этом не имеет точной локализации во времени. Например, можно сказать: *Асфальт быстро крошится*, — в тот момент, когда посторонний субъект не наблюдает соответствующее действие (не является свидетелем того, как асфальт крошится). Таким образом, нельзя сказать, что данная ситуация непосредственно лежит на оси времени, однако ее можно соотнести с отдельным отрезком времени. Одним из тестов на определение предиката класса служит сочетаемость данных предикатов с таким словом, как *раньше*, которое придает высказыванию неопределенную временную отнесенность [11, с. 92–93]: *Раньше асфальт быстро крошился*, а сейчас стали делать асфальт лучшего качества. Напротив, предикаты класса не сочетаются с выражениями, указывающими на то, что действие протекает в определенный момент времени, например: *Вчера в это время...*, а *теперь*, поскольку данное выражение позволяет локализовать действие на оси времени [11, с. 93]. Построить такое высказывание с использованием квазисубъектной модели тем не менее не представляется возможным: *Нитки быстро рвутся* — **Вчера в это время нитки быстро рвались*, а *теперь они очень прочные*. Таким образом, мы относим предикаты, реализующиеся в рамках квазисубъектных моделей к предикатам класса которые указывают на абстрагированность действия от оси времени.

При описании предикатов был также определен вид залога используемых глаголов и выделены типы возвратных глаголов. Так, в рамках квазисубъектных моделей реализуются глаголы среднего (возвратного) залога, особенностью которых является то, что они представляют собой нечто среднее между глаголами действительного и страдательного залогов. Такие глаголы описывают ситуацию, при которой субъект действия является одновременно как производителем действия, так и объектом данного действия [17, с. 505]. Иными словами, действие исходит из субъекта и замыкается в нем, что можно наблюдать в исследуемых квазисубъектных моделях. Например, в высказывании *Цилиндр равномерно вращается* представлен глагол среднего залога, поскольку субъект (*цилиндр*) в данном случае является как исполнителем действия (цилиндр обладает определенными свойствами, благодаря которым он может равномерно вращаться, о чем позволяет заключить представленное в высказывании наречие), так и его объектом (некое лицо должно было запустить процесс вращения цилиндра, чтобы сделать заключение о его свойствах: вращается ли он равномерно, быстро, медленно, с перебоями и пр.). Как представляется, наречие служит одним из маркеров квазисубъектной конструкции, поскольку

дает возможность сфокусировать высказывание на субъекте действия и отметить его особенности и характеристики. (На данном этапе работы более полное описание роли наречия и его влияния на восприятие ситуации представляет собой перспективу исследования).

Далее, одним из маркеров среднего (возвратного) залога является аффикс *-ся*, который может модифицировать значение возвратного глагола: формант *-ся* придает глаголам, используемым в квазисубъектных моделях, средневозвратное значение. Данное глагольное значение подразумевает, что описываемое действие сосредоточено в сфере субъекта и влечет за собой изменения в его состоянии. При этом субъект, оставаясь фактическим производителем действия, видится объектом действия [17, с. 513], что соотносится с определением среднего залога. В процессе исследования было обнаружено, что данное значение далее реализуется как взаимно-возвратное, указывающее на взаимодействие нескольких субъектов между собой или взаимность их действий, например: *Молекулы быстро сталкиваются*, где действия субъектов (*молекулы*) направлены друг на друга (прилагают определенные усилия для осуществления события *столкновение*, т. е. взаимодействуют между собой). (Более подробное описание категории возвратности и соотношение возвратных глагольных значений с типами субъекта также представляет перспективу исследования).

Таким образом, анализ каждого из компонентов квазисубъектной модели позволяет составить адекватное описание семантики данной синтаксической структуры, а также ее когнитивного статуса в сознании носителя языка.

Список источников

1. Lexical and semantic representation of the linguistic and cultural concept “rest” in the english, german, and russian languages / I. N. Novikova, L. G. Popova, L. M. Shatilova [et al.]. *Opcion*. 2018; (34): 85-2: 237–256.
2. Болдырев Н. Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2016; 4: 10–20.
3. Фомина М. А. Субъект в безличных пространственных моделях типа У меня в ухе звенит. *Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2015; 4 (20): 49–55.
4. Девятова Н. М. О качественных наречиях и их роли в организации моно- и полипредикативных высказываний. *Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2021; 2 (42): 50–57.
5. Сулейманова О. А. Проблемы русского синтаксиса: семантика безличных предложений. М.: Диалог-МГУ; 1999. 222 с.
6. Сулейманова О. А., Петрова И. М. Экспланаторный потенциал теории классов для лингвистического исследования: порядок следования определений. *Филология: научные исследования*. 2018; 3 (24): 52–64.
7. Петрова И. М. Об анализе порядка следования определений в атрибутивной группе в английском и русском языках на основе теории классов. *Русистика и компаративистика*. 2019: 281–291.

8. Сулейманова О. А., Водяницкая А. А., Фомина М. А. Когнитивный сценарий процесса языковой категоризации. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2020; 17 (2): 309–322.
9. Чаплин Е. В. Когнитивная интерпретация акта говорения (на примере эмоционально-волевых глаголов говорения). *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. 2020; 1: 55–62.
10. Никитина В. В. Когнитивная интерпретация синтаксических моделей типа X SHUDDERS TO V. *Когнитивные исследования языка*. 2021; 3 (46): 191–194.
11. Семантические типы предикатов / отв. ред. О. Н. Селиверстова. М.: Наука; 1982. 370 с.
12. Стилистические аспекты перевода: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / О. А. Сулейманова, Н. Н. Беклемешева, К. С. Карданова и др. М.: Академия; 2010. 176 с.
13. Мелиг Х. Р. Семантика предложения и семантика вида в русском языке. *Новое в зарубежной лингвистике*. 1985; 15: 227–249.
14. Гиро-Вебер М. Вид и семантика русского глагола. *Вопросы языкознания*. 1990; 2: 102–112.
15. Vendler Z. Verbs and Times. *The Philosophical Review*. 1957; 66 (2): 143–160.
16. Zwart J. W. Nonargument Middles in Dutch. *Groninger Arbeiten zur germanistischen Linguistik*. 1998; 42: 109–128.
17. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 4-е изд. М.: Рус. яз.; 2001. 720 с.

References

1. Lexical and semantic representation of the linguistic and cultural concept “rest” in the english, german, and russian languages / I. N. Novikova, L. G. Popova, L. M. Shatilova [et al.]. *Opcion*. 2018; (34): 85-2: 237–256.
2. Boldy`rev N. N. Kognitivny`e shemy` yazy`kovoy interpretacii. *Voprosy` kognitivnoj lingvistiki*. 2016; 4: 10–20. (In Russ.).
3. Fomina M. A. Sub``ekt v bezlichny`x prostranstvenny`x modelyax tipa *U menya v uxe zvenit*. *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriyay azy`ka. Yazy`kovoie obrazovanie*. 2015; 4 (20): 49–55. (In Russ.).
4. Devyatova N. M. O kachestvenny`x narechiyax i ix roli v organizacii mono- i poli-predikativny`x vy`skazy`vanij. *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovoie obrazovanie*. 2021; 2 (42): 50–57. (In Russ.).
5. Sulejmanova O. A. Problemy` russkogo sintaksisa: semantika bezlichny`x modelej. M.: Dialog–MGU; 1999. 222 s. (In Russ.).
6. Sulejmanova O. A., Petrova I. M. E`ksplanatorny`j potencial teorii klassov dlya lingvisticheskogo issledovaniya: poryadok sledovaniya opredelenij. *Filologiya: nauchny`e issledovaniya*. 2018; 3 (24): 52–64. (In Russ.).
7. Petrova I. M. Ob analize poryadka sledovaniya opredelenij v atributivnoj gruppe v anglijskom i russkom zvy`kax na osnove teorii klassov. *Rusistika i komparativistika*. 2019; 281–291. (In Russ.).
8. Sulejmanova O. A., Vodyaniczkaya A. A., Fomina M. A. Kognitivny`j scenarij processa yazy`kovoj kategorizacii. *Vestkil Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazy`k i literatura*. 2020; 17 (2): 309–322. (In Russ.).

9. Chaplin E. V. Kognitivnaya interpretaciya akta govoreniya (na primere e`mocional'no-volevy`x glagolov govoreniya). *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovoje obrazovanie*. 2020; 1: 55–62. (In Russ.).
10. Nikitina V. V. Kognitivnaya interpretaciya sintaksicheskix modelej tipa X SHUDDERS TO V. *Kognitivny`e issledovaniya yazy`ka*. 2021; 3 (46): 191–194. (In Russ.).
11. Semanticheskie tipy` predikatov / otv. red. O. N. Seliverstova. M.: Nauka; 1982. 370 s. (In Russ.).
12. Stilisticheskie aspekty` perevoda: ucheb. posobie dlya stud. uchrezhdenij vy`ssh. prof. obrazovaniya / O. A. Sulejmanova, N. N. Beklemesheva, K. S. Kardanova i dr. M.: Akademiya; 2010. 176 s. (In Russ.).
13. Melig X. R. Semantika predlozheniya i semantika vida v russkom yazy`ke. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. 1985; 15: 227–249. (In Russ.).
14. Giro-Weber M. Vid i semantika russkogo glagola. *Voprosy` yazy`koznaniya*. 1990; 2: 102–112. (In Russ.).
15. Vendler Z. Verbs and Times. *The Philosophical Review*. 1957; 66 (2): 143–160.
16. Zwart J. W. Nonargument Middles in Dutch. *Groninger Arbeiten zur germanistischen Linguistik*. 1998; 42: 109–128.
17. Vinogradov V. V. Russkij yazy`k (Grammaticheskoe uchenie o slove). 4-e izd. M.: Rus. yaz.; 2001. 720 s. (In Russ.).

Информация об авторе

Анна Михайловна Шестопалова — аспирант кафедры языкознания и перевода Института иностранных языков МГПУ.

Information about the author

Anna M. Shestopalova — postgraduate student of the department of Linguistics and translation studies, Institute of Foreign Languages, MCU.

Рецензия

УДК 811.161.1>36

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.19

РЕЦЕНЗИЯ НА:

**Интерактивный подход к описанию лексики и грамматики:
монография / Е. Г. Борисова. М.: Флинта, 2021. 196 с.**

Григорьева Елена Яковлевна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,
egrig@inbox.ru

Для цитирования: Григорьева Е. Я. Рецензия на: Интерактивный подход к описанию лексики и грамматики: монография / Е. Г. Борисова. М.: Флинта, 2021. 196 с. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование».* 2022; 46 (2): 196–199. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.19

Review

REVIEW OF:

**An interactive approach to describing vocabulary and grammar:
monograph / E. G. Borisova. Moscow: Flinta, 2021. 196 p.**

Elena Ya. Grigoryeva

Moscow City University,
Moscow, Russia,
egrig@inbox.ru

For citation: Grigoryeva E. Ya. Review of: An interactive approach to describing vocabulary and grammar: monograph / E. G. Borisova. Moscow: Flinta, 2021. 196 p. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education.* 2022; 46 (2): 196–199. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.19

© Григорьева Е. Я., 2022

Научная монография Е. Г. Борисовой посвящена возможности применения принципов речевого общения (интерактивный подход) к описанию особенностей русской лексики, фразеологии и грамматики. Автором особое внимание уделяется так называемым трудным случаям: конкуренции видов глагола, особенностям приставочных глаголов движения, различиям между синонимами, коннотации лексических значений, системности фразеологических единиц, которые рассматриваются с позиций интерактивного подхода [1].

Интерактивный подход к описанию лексики и грамматики в монографии не претендует на пересмотр лингвистического инструментария, однако вносит новизну в описание единиц языка. Представленная автором процедура описания видов глаголов в условиях конкуренции, приставочных глаголов движения некоторых близких по значению лексем позволяет по-новому взглянуть на различия между лексико-семантическими вариантами лексем. Такой подход может быть использован, например, для описания свободной и несвободной сочетаемости. В книге такие случаи рассматриваются и аргументируются автором достаточно подробно.

Отметим, что появление интерактивного подхода связано не только с прогрессом в теоретическом языкознании (в фокусе внимания которого находятся ранее менее изученные дискурсивные жанры [2]), включающим в рассмотрение деятельность участников коммуникации и их устремления, но и с преподаванием неродных языков, в частности русского как иностранного (РКИ). Описание языка как неродного является особым направлением в прикладной лингвистике, и можно считать интегративный подход порождением этого направления [3].

При описании значения слова автор ориентируется на основные требования к толкованию, выдвинутые Ю. Д. Апресяном, а метаязык описания в основном соответствует традициям учебной лексикографии в сфере РКИ [4].

Рецензируемая монография состоит из двух частей: «Взаимодействие говорящего и слушающего в речевой деятельности» и «Моделирование семантики языковых единиц с учетом взаимодействия участников общения».

В первой части монографии описывается предлагаемая автором модель выбора лексических и грамматических единиц с учетом взаимодействия говорящего и слушающего (интерактивный подход). Во второй части рассматриваются возможные следствия из принятия этой модели для описания различных фрагментов языковой системы: толкования лексических значений и частных значений грамматических категорий, узуализации и других аспектов языковых изменений, формирования различий между территориальными вариантами русского литературного языка.

Новизна исследования Елены Георгиевны Борисовой, изложенная в монографии, может быть представлена в следующих положениях. В книге находит свое объяснение такое явление, как «частичная приемлемость», объяснены различия в степени приемлемости некоторых форм в идеолектах разных

людей, в том числе разных регионов, описаны случаи превращения неприемлемых форм в приемлемые в определенном контексте. Представлено системное описание таких явлений, как оттенки лексического значения и общее значение лексемы, место узуализации в модели речевой деятельности. Рассматривается фразеологическое значение и возможность выявления алгоритмов выбора не-свободной единицы в коллокации. Кроме того, затрагиваются диахронические вопросы, касающиеся сдвигов значений, появления новых значений у слов [1; 5].

Автором монографии показаны особенности применения интерактивного подхода к описанию системы языка: лексемам, граммемам, включая как особенности их употребления, так и возможности отражения семантики этих единиц. По мнению автора, рассмотрение возможностей применения интерактивного подхода получилось кратким и ограниченным в силу того, что анализ всех частных случаев касался только русского языка. Хотя проблема выбора нужной лексемы знакома всем изучающим иностранный язык и возникает при говорении на всех языках. Логично сделать вывод, что вопросы интерактивного подхода не должны ограничиваться одним языком.

Необходимо отметить, что применение интерактивного подхода в том виде, как он представлен в данной работе, может иметь определенное значение для развития языкознания.

Во-первых, это вводит в рассмотрение не только действия участников общения, но именно их взаимодействие, причем при решении задач, традиционно связанных с языковой системой: выборе грамлемы, лексемы при порождении текста и выборе понимания соответствующей единицы при его восприятии.

Во-вторых, важным моментом объявляется конкуренция форм: выбор нужной лексемы/грамлемы из нескольких единиц для выражения определенного намерения говорящего.

В-третьих, в процедуру речепорождения вовлекаются компоненты имплицитной информации, которые восстанавливаются затем адресатом на основании представления о значении языковых единиц и о картине мира как совокупности концептов, составляющих культурный и когнитивный фон [6].

Следующий аспект, четвертый, связан со степенью приемлемости примера, представление о котором может разделяться всеми носителями языка. Как отмечает автор, такие явления, как «частичная приемлемость», «пример возможен, но неудачен» и т. п., не могут найти место в однозначном (дискретном) моделировании речевой деятельности. Тогда как в системе выбора, основанной на оценке легкости и однозначности понимания сообщения, приемлемы промежуточные варианты разного типа.

В-пятых, возникает возможность учесть идеолектные особенности лексической и грамматической систем, которые проявляются при оценке степени допустимости того или иного варианта ожидаемого высказывания.

Интересным следствием предложенной интерактивной модели представляется обращение к роли узуализации в формировании значений слов, производных слов, фразеологических сочетаний.

Таким образом, можно констатировать, что монография Е. Г. Борисовой вносит весомый вклад в изучение проблемы интерактивного подхода к описанию лексики и грамматики. Обращение к процедуре интерактивного выбора позволяет вписать ряд языковых явлений в более широкий научный контекст (микродиахрония, структура словарного значения, недискретность), а также применить интерактивный подход к описанию особенностей русской лексики, фразеологии и грамматики.

Список источников

1. Борисова Е. Г. Речевая ориентация как категория рецептивной лингвистики. *Социальные и гуманитарные знания*. 2015; (2): 147–151.
2. Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / под ред. О. А. Сулеймановой. М.: Ленанд; 2018. 320 с.
3. Борисова Е. Г. Мода и узус: моделирование влияния социума на речь. *Моды в языке и коммуникации: сб. статей / сост. и ред. Л. Л. Федорова*. М.: РГГУ; 2014: 47–56.
4. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. Т. 2. *Избранные труды*. М.: Языки славянских культур; 1997. 767 с.
5. Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: Икар; 2007. 408 с.
6. Lexical and semantic representation of the linguistic and cultural concept “rest” in the english, german, and russian languages / I. N. Novikova, L. G. Popova, L. M. Shatilova [et al.]. *Opcion*. 2018; (34): 85-2: 237–256.

References

1. Borisova E. G. Rechevaya orientaciya kak kategoriya receptivnoj lingvistiki. *Social'ny'e i gumanitarny'e znaniya*; 2015. (2): 147–151.
2. Diskurs kak universal'naya matricza verbal'nogo vzaimodejstviya / pod red. O. A. Sulejmanovoj. M.: Lenand; 2018. 320 s.
3. Borisova E. G. Moda i uzus: modelirovanie vliyaniya sociuma na rech'. *Mody' v yazy'ke i kommunikacii: sb. statej / sost. i red. L. L. Fedorova*. M.: RGGU; 2014: 47–56.
4. Apresyan Yu. D. Integral'noe opisanie yazy'ka i sistemnaya leksikografiya. T. 2. *Izbranny'e trudy'*. M.: Yazy'ki slavyanskix kul'tur; 1997. 767 s.
5. Formanovskaya N. I. Rechevoe vzaimodejstvie: kommunikaciya i pragmatika. M.: Ikar; 2007. 408 s.
6. Lexical and semantic representation of the linguistic and cultural concept “rest” in the english, german, and russian languages / I. N. Novikova, L. G. Popova, L. M. Shatilova [et al.]. *Opcion*. 2018; (34): 85-2: 237–256.

Сведения об авторе

Елена Яковлевна Григорьева — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры романской филологии Института иностранных языков МГПУ.

Information about the author

Elena Ya. Grigoryeva — Doctor of Pedagogy, full professor, professor of the Romance studies department, Institute of Foreign Languages, MCU.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по филологии (литературоведению, русскому языку, германским языкам, романским языкам, восточным языкам), теории языка, языковому образованию, межкультурной коммуникации.

Журнал адресован преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям ученой степени и студентам.

Редакция просит авторов при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия «Филология. Теория Языка. Языковое образование» (далее — «Вестник»), руководствоваться данными требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом университета и разработанными в соответствии с ГОСТ Р 7.07–2021 об оформлении статей в журналах и сборниках.

Авторами статей «Вестника» могут быть ученые, исследователи (докторанты, аспиранты).

Научные статьи принимаются в течение года и в случае положительного решения редколлегии включаются в рукопись одного из очередных номеров журнала в порядке поступления.

Не принимаются ранее опубликованные статьи и материалы, не отвечающие предъявляемым далее требованиям.

Журнал публикует только оригинальные высококачественные научные работы (не менее 85 % по результатам проверки в системе обнаружения текстовых заимствований «Антиплагиат»: <https://mgpu.antiplagiat.ru/>)

Образец оформления статьи

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

Научная статья

УДК 81-112

DOI (указывается издательским центром)

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНОЧНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Райскина Валерия Александровна

Институт иностранных языков

Московского городского педагогического университета,

Москва, Россия,

RajjskinaVA@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0610-6458>

Аннотация. Статья посвящена описанию особенностей выражения субъективной модальности через вербализацию оценочности в современном франкоязычном научно-историческом дискурсе, обращенном к проблемам медиэвистики. Рассматриваются эксплицитные и имплицитные оценки. Демонстрируются лингвоаксиологические особенности исторического подтипа научного дискурса, который сочетает объективный анализ исторических фактов с их субъективной критической интерпретацией автором-ученым.

Ключевые слова: лингвоаксиология; оценка; научный дискурс; научно-исторический дискурс; аксиологический подход.

Для цитирования: Райскина В. А. Средства выражения оценочности в современном научно-историческом дискурсе. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*. 2022; (2): 75–83. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.42.2.08

THEORY OF LINGUISTICS

Original article

AXIOLOGICAL VERBALIZATION MEANS
IN MODERN SCIENTIFIC HISTORICAL DISCOURSE

Valeria A. Rayskina

Institute of Foreign Languages

Moscow City University,

Moscow, Russia,

RajjskinaVA@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0610-6458>

Abstract. The paper presents subjective modal evaluative statements that are verbalized through axiological language elements in French modern scientific historical discourse regarding medieval phenomena. Various implicit and explicit values are described.

The study reveals some linguoaxiological features of the historical type of scientific discourse. The latter combines objective analysis of history facts and their individual critical interpretation made by an author-scientist.

Keywords: axiological linguistics; value; scientific discourse; scientific historical discourse; axiological approach.

For citation: Rayskina V. A. Axiological Verbalization Means in Modern Scientific Historical Discourse. *MCU. Journal of Philology. Theory of Linguistic. Linguistic Education*. 2022; (2): 75–83. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.42.2.08

Текст статьи. Текст статьи.

Список источников

1. Axellson M. Aprilhäxan. Stockholm: Prisma; 2004. 424 p.
2. Enquist P. O. Livläkarens besök. Stockholm: Norstedts; 1999. 388 p.
3. Larsson S. Män som hatar kvinnor. Stockholm: Norstedt; 2006. 566 p.
4. Бажанов А. Е. О роли контекста в изучении немецкой фразеологии. *Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2011; 2 (8): 91–96.
5. Жильцова Е. Л. Сложноподчиненное предложение в современном шведском языке: учеб. пособие. М.: Изд-во Московск. ун-та; 2006. 104 с.
6. Рахманкулова И.-Э. С. Структурно-функциональный подход к исследованию немецких фразеологизмов. *Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2009; 1 (3): 28–35.
7. Haspelmat M. Indefinite pronouns. NY: Oxford University Press; 2004. 364 p.
8. Электронный корпус текстов на шведском языке Гетеборгского университета. URL: www.spraakbanken.gu.se.
9. Nordstedts svenska ordbok. Göteborg: Norstedts Ordbok; 2004. 2718 p.
10. Bishop D. Why is it so hard to reach agreement on terminology? The case of developmental language disorder (DLD). *International Journal of Language and Communication Disorders*. 2017; (52): 671–80.
11. Carter B. A. Teacher/Student Responsibility in Foreign Language Learning. New York : Peter Lang Publishing, Inc.; 2006. 228 p.
12. Walz A. The Psychology of Star Ratings: 3 Predictions for a World After People. 2015. URL: <https://www.apptentive.com/blog/2015/11/03/the-psychology-of-star-ratings/>.

References

1. Axellson M. Aprilhäxan. Stockholm: Prisma; 2004. 424 p.
2. Enquist P. O. Livläkarens besök. Stockholm: Norstedts; 1999. 388 p.
3. Larsson S. Män som hatar kvinnor. Stockholm: Norstedt; 2006. 566 p.
4. Bazhanov A. E. O roli konteksta v izuchenii nemeczkoj frazeologii. *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie*. 2011; (2): 91–96. (In Russ.).

5. Zhil'cova E. L. Slozhnopodchinенное predlozhenie v sovremennom shvedskom yazy'ke : ucheb. posobie. M.: Izd-vo Moskovsk. un-ta; 2006. 104 p. (In Russ.).
6. Raxmankulova I.-E'. S. Strukturno-funkcionalny'j podxod k issledovaniyu nemeczkix frazeologizmov. *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie*. 2009; (1): 28–35. (In Russ.).
7. Haspelmath M. Indefinite pronouns. NY: Oxford University Press; 2004. 364 p.
8. E'lektronny'j korpus tekstov na shvedskom yazy'ke Geteborgskogo universiteta. URL: www.spraakbanken.gu.se.
9. Nordstedts svenska ordbok. Göteborg: Norstedts Ordbok; 2004. 1473 p.
10. Bishop D. Why is it so hard to reach agreement on terminology? The case of developmental language disorder (DLD). *International Journal of Language and Communication Disorders*. 2017; (52): 671–80.
11. Carter B. A. Teacher / Student Responsibility in Foreign Language Learning. New York : Peter Lang Publishing, Inc.; 2006. 228 p.
12. Walz A. The Psychology of Star Ratings: 3 Predictions for a World After People. 2015. URL: <https://www.apptentive.com/blog/2015/11/03/the-psychology-of-star-ratings/>.

Информация об авторе

Валерия Александровна Райскина — кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Института иностранных языков МГПУ.

Information about the author

Valeria A. Rayskina — PhD (Philology), associate professor of Roman philology Department.

Просим авторов обязательно ознакомиться с полным текстом Требований к публикации, представленным на сайте журнала: <http://vestnik-filologiya-lingvodidaktika.mgpu.ru>

Рукопись статьи отправляется по электронной почте секретарям «Вестника» (Л. А. Борботько, И. И. Матвеева) в зависимости от принадлежности статьи к той или иной тематике:

- литературоведение (иностранные языки), германистика, романистика, теория языка, теория межкультурной коммуникации языковое образование, лингводидактика (иностранный язык): ludmilaborbotko@gmail.com;
- литературоведение (русский язык, славянские языки), русистика, языковое образование: vestnikmgpu@mail.ru

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ.

Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование».

MCU Journal
of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education

2022, № 2 (46)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-82093 от 17 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор педагогических наук, профессор *Е. Г. Тарева*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т. П. Веденеева*

Редактор:

Е. С. Терновскова

Корректор:

К. М. Музамилова

Перевод на английский язык:

Л. А. Борботько

Техническое редактирование и верстка:

Г. П. Васильева, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36.

E-mail: niic@mgu.ru

Подписано в печать: 22.07.2022.

Формат: 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага: офсетная.

Объем: 12,75 печ. л. Тираж: 1000 экз.